

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна»

№ 2 / 2013

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2013

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Онуприенко С.П. Потребности в контексте анализа тенденций социального развития Беларуси	5
Куиш А.Л. Взгляд на историю становления современной науки	11
Товбин К.М. Традиция и современная религиозная гальванизация	21
Даренская В.Н. Феноменология времени в традиционной культуре	28
Гоцалюк А.А. Взаимодействие традиций и новаций в театральном-драматическом искусстве	34

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ватыль В.Н. Мультикультурализм как интегративная форма либеральной идеологии	44
Антанович Н.А. Концептуальные основы прикладного анализа публичной и государственной политики: от позитивистской к постпозитивистской парадигме	50
Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Гражданское общество: структурно-функциональные характеристики (часть 2)	56
Добродум О.В. Рецепция протестантизма: глобализационные проекции, рефлексии и дискурсы	65
Ляхович-Петракова Н.В. Показатели эффективности государственного управления на международном уровне: инструмент оценки и средство помощи развитию	72
Кузнецова И.А., Левисон Карильо Ф.Х. Виды контроля над властью и их влияние на стабильность политической системы (на примере Венесуэлы)	79
Цырфа Ю.А. Роль социума в процессе конструирования внешнеполитической идентичности государства	84
Решетникова Н.С. Теория рационального выбора как парадигма развития методологии науки политического мышления	93
Коктыш М.Г. Государственный и локальный уровень идеологической политики: теоретический подход... ..	100

САЦЫЯЛОГІЯ

Бубнов Ю.М. Репрессивные и превентивные меры противодействия коррупции	106
Кавецкий С.Т. Концепция аномии и современные аномалии	119
Рыбчак С.В. Политическая культура как регулятивный механизм гражданского поведения	126
Алейникова С.М. Особенности профессиональной риторики в Республике Беларусь	130
Звесткі аб аўтарах	136

CONTENTS

PHILOSOPHY

Onuprienko S.P. Needs in the Context of the Analysis of Trends of Social Development in Belarus.....	5
Kuish A.L. The View on the History of Modern Science Establishing	11
Tovbin K.M. Tradition and the Present Religious Galvanization	21
Darenska V. Phenomenology of Time in Traditional Culture	28
Gotsalyuk A.A. The Interaction of Tradition and Innovation in the Theatre and Dramatic Art	34

POLITOLOGY

Vatyl V.N. Multiculturalism as Integrating form of Liberal Ideology.....	44
Antanovich N.A. Conceptual Foundations of Public Policy Analysis: from a Positivist to Post-positivist Paradigm	50
Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civil Society: Structural-Functional Characteristics (Part 2).....	56
Dobrodum O.V. Reception of Protestantism: the Globalization Projection, Reflection and Discourse	65
Liachovich-Petrakova N.V. Governance Indicators at the International Level: Assessment Tool and Tool for Development Assistance	72
Kuznetsova I.A., Levison Carrillo F.J. The Types of Control over the Power and their Influence on the Stability of the Political System (as an example Venezuela)	79
Tsyrfya I.A. The Role of Society in the Process of State Foreign Policy Identity Construction	84
Reshetnikova N.S. Theory of Rational Choice as a Methodological Paradigm of Political Thinking.....	93
Koktysh M.G. State and Local Level Ideological Politics: Theoretical Approaches.....	100

SOCIOLOGY

Bubnov Y.M. Repressive and Preventive Measures Counteraction to Corruption	106
Kavetski S.T. Anomy Concept and Contemporary Anomalies.....	119
Rybachak S. Political Culture as Regulatory Mechanism of Civil Behaviour.....	126
Aleinikova S. The Features of Religions Rhetoric in Belarus	130
Information about the authors	136

УДК 316.628.2

С.П. Онуприенко

ПОТРЕБНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

В представленной статье осуществлен теоретико-методологический анализ соотношения материальных и духовных потребностей граждан страны в условиях социальных трансформаций XXI столетия. Особое внимание уделено критериальным характеристикам становления и развития потребностей в контексте динамики негативных социально-экономических тенденций современности. Имеют место авторские предложения по совершенствованию потребностных ориентаций граждан с целью активации их социально-культурной и социоэкологической деятельности.

Введение

На протяжении многовековой истории человеческой цивилизации и вплоть до наших дней люди пытались познать сущность потребностей человека, определить принципы их систематизации, специфику возникновения, функционирования, отмирания и т.д.

К сожалению, в отечественной и зарубежной научной литературе нет единого подхода к рассмотрению универсальных критериев разделения потребностей на материальные и духовные. Распространенным является мнение, суть которого в том, что материальные устремления отличаются от духовных по характеру своего предмета, хотя один и тот же предмет может удовлетворять как материальные, так и духовные запросы (например, жилище). Имеет место и такое рассуждение: материальные потребности являются предметными, а духовные – функциональными. Однако духовные побуждения человека достаточно полно могут выражаться и в предметных формах (например, через тексты книг). Существует разделение потребностей на материальные и духовные по сферам жизнедеятельности общества: первые удовлетворяются в материальной, а вторые – в духовной сфере жизни общества. Здесь опять-таки возникает логическое противоречие: так как производственный коллектив или семья являют собой сферы удовлетворения обоих видов потребностей.

Поэтому изобретение каких-либо предметно-пространственных критериев разделения материальных и духовных потребностей не выдерживает научно аргументированной критики. А между тем критерий, на наш взгляд, является феноменом функциональным, т.е. зависит от того, какие функции в поступках, в помыслах, состоянии человека обеспечиваются в процессе потребления. И второе: критерий подобного рода не абсолютен, поскольку в большинстве конкретных случаев содержание материальных потребностей имеет в большей или меньшей степени также духовную наполненность.

Соотношение материальных и духовных потребностей в контексте социальных отношений нынешнего белорусского общества

Обычно под материальными потребностями подразумеваются устремления в достижении материальных благ, которые призваны прежде всего экономически обеспечить нормальное (в параметрах конкретной социальной системы) существование людей и самого общества в целом. Материальные потребности функционируют не изолированно, не сами по себе, а выступают в качестве инструментальных, обслуживающих, правильнее сказать, создающих определенные предпосылки становления, развития комплекса духовных потребностей. «Желание предполагает потребность – это аппетит духа, и он

присущ ему столь же естественно, как голод телу ... большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа» [1, с. 43].

При выделении в социальных явлениях материальных и духовных особенностей (как противоположностей), целесообразно четко, научно-аргументированно различать гносеологический и онтологический аспекты. Исходя из гносеологического критерия, материальными являются те потребности, которые возникают у человека независимо от его сознания (воздух, пища, движение и т.д.), а также необходимость в орудиях, средствах и условиях для производства насущных жизненных предметов, благ, услуг. Духовными же являются все те устремления человека, возникновение которых невозможно без участия субъективных факторов (сознания, воли) и дальнейшее развитие которых детерминировано сознанием, целенаправленным их культивированием. Здесь сконцентрированы все те потребности, которые возвышают людей над уровнем примитивного воспроизводства регенерации жизненно-инстинктивных процессов.

Таким образом, к материальным относятся прежде всего потребности жизнеобеспечения, включая систему общественного производства, обмена, распределения, потребления, обслуживания и т.п. Как было отмечено выше, материальные устремления создают предпосылки, обуславливают развитие, совершенствование духовных. Но при этом материальные и духовные потребности не находятся в отношениях «причина – следствие» или «определяющее и определяемое». Первые фактически лишь генетически предшествуют вторым, при этом и те, и другие имеют общую основу, порождающую их, – материальное производство. Иными словами, удовлетворение одних потребностей выступает в качестве полноценного условия формирования других. Как точно подметил Д.И. Писарев, «музыкальная консерватория – учреждение очень хорошее, но она доставляет мало наслаждения такому народу, у которого не хватает хлеба» [2, с. 323].

Исторически взаимоотношения материальных и духовных потребностей складывались по традиционной схеме: чем полнее удовлетворялись материальные потребности, тем более широкие возможности открывались для проявления духовных. Вместе с тем наивно полагать, что развитие духовных ориентаций, установок является лишь следствием динамики базисных трансформаций. Как известно, в истории наблюдались закономерные процессы, например, переходный период от капитализма к социализму в СССР, когда духовные потребности получали небывалое стремительное, многогранное развёртывание социальных качеств, существенно опережая параметры материальных характеристик. К примеру, в экономически развитых странах современного мира уровень материальной обеспеченности людей довольно высок, что в целом не соответствует закономерному росту духовных потребностей населения, а, скорее, наоборот, имеет место деградация отдельных сторон данного процесса. Правда, и в Беларуси XXI в. отмечаются негативные тенденции в вопросах приобщения наших граждан к духовным сокровищам отечественной и мировой культуры. Например, несмотря на относительно устойчивый характер материального благосостояния белорусского народа, показатели духовно-культурного развития не отличаются положительной динамикой. Статистические данные свидетельствуют: число посетивших профессиональные театры в 2000 г. было 2,047 млн чел., в 2010 г. – 1 млн 981,2 тыс. чел., в 2011 г. – 1 млн 851,5 тыс. чел. Посещение концертов за последние годы в цифрах выражается так: в 2010 г. – 1 млн 930,5 тыс. чел., 2011 г. – 1,429 млн чел. Примечательно, что самая читающая в прошлом нация несколько утратила потребности в чтении. Так, в нашей стране, в 2010 г. насчитывалось 3 млн 810,3 тыс. пользователей публичных библиотек, в 2011 г. – 3 млн 764,9 тыс. чел. [3, с. 266].

Как видим, тенденции развития материальных и духовных запросов белорусов далеко не всегда созвучна полноценной реализации стратегических программ духовного возрождения. На наш взгляд, единство материальных и духовных потребностей целесообразно свести к следующим принципам:

1. Их единство обусловлено общим системно-целостным происхождением – антропо-социальными факторами.

2. По сути дела, нет такой теоретической деятельности, которая по своему составу была бы чисто духовной и не включала никаких материальных компонентов или материальных операций, действий (хотя бы, например, движение руки при письме, пальцев при работе с клавиатурой). Точно так же в жизни человека, социальной группы нет такой материальной практической деятельности, которая могла бы осуществиться без ее постоянной регуляции со стороны интеллектуально-психических структур сознания.

3. Одним и тем же материальным предметом можно удовлетворить не только ряд конкретно физиологических, но и целый комплекс духовных запросов. «Каждая ... вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами» [1, с. 43–44]. Взять, к примеру, необходимость для человека наличия кокой-либо одежды, которая считается по своей сути первичной, наряду с пищей, водой и т.д. Кроме своего утилитарного назначения – сохранения тепла человеческого организма, сама по себе одежда призвана удовлетворять ряд других потребностей: эстетические, символически-знаковые, престижные и иные.

4. Повышение уровня удовлетворения материальных потребностей, как правило, способствует формированию некоторых новых видов элементарных и более высокого порядка духовных запросов, в чем сфокусировано одно из проявлений закона возвышения потребностей.

5. Развитие духовных ориентиров неизбежно приводит к облагораживанию средств и способов удовлетворения материальных побуждений человека. Известно аксиоматическое заключение: чем выше культурный уровень людей, тем больше требований они предъявляют к одежде, предметам быта, питанию. Подтверждением этого может служить высказывание К. Маркса о чувстве голода: «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» [4, с. 718].

Диалектическое единство материальных и духовных потребностей предполагает в то же время их различие, основывающееся на характерных признаках исторического развития. Если материальные устремления человека есть естественно-исторические, исходящие из природы биосоциального, то духовные обусловлены главным образом процессами исторического развития личности как социального существа. Разумеется, грани тут не абсолютные, а условные и подвижные. Имеют место материальные потребности, которые определяются не напрямую биологической организацией, а исторически возникли у индивида или у общества в целом. Например, потребности развития производства. В этой связи не следовало бы безапелляционно заявлять о том, что среди духовных потребностей отсутствуют такие, которые в той или иной степени определялись бы биологической природой человека.

В современных условиях выглядит архаичной, недостаточно научной точка зрения о том, что духовное развитие людей совершенно не связано с генно-физиологическими характеристиками наследственности, а лишь фиксируется в социальной программе, развивающейся, усложняющейся, передающейся от поколения к поколению. Напротив, поведение человека, его поступки, являющиеся проявлением не только узкофизиологических, но и психоинтеллектуальных основ темперамента, характера, методов мыслительной деятельности, как раз-то свидетельствуют о наличии у детей наследственных признаков их родителей в гораздо более широкой палитре психолого-физиологических качеств. Есть данные, полученные при исследовании проблемы алкоголизма, отмечают российские ученые, что у подростков из семей алкоголиков обмен веществ, связанный с употреблением спиртных напитков, а также их воздействием на организм, несколько отличается от такового у детей, родители которых не страдают данным пристрастием,

что обуславливает более быстрое развитие этих пагубных устремлений у самих детей. Манеры поведения, привычки, интересы и даже характер рассуждений детей в значительной степени напоминают копии своих отцов и матерей [5, с. 146–147].

Кроме того, удовлетворение материальных и духовных потребностей имеет различные особенности, связанные с более высоким этапом социализации личности. Например, человек с более развитыми духовными побуждениями более рационально удовлетворяет и свои материальные запросы. Развитые духовные потребности характеризуют социальную позицию, творческий потенциал.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что удовлетворение материальных устремлений носит в основном утилитарный характер, т.е. направлено на обеспечение жизненно необходимых условий существования. Поскольку закон возвышения потребностей не обходит стороной вышеотмеченные, то, рассуждая логично, следует, что, достигая определенного уровня развития, они обретают более сложный, можно сказать, одухотворенный характер. Особенно это заметно на потреблении товаров длительного пользования, степень удовлетворения которых находится под влиянием научно-технического прогресса. Технически более совершенные изделия вытесняют морально устаревшие товары, что свидетельствует о возрастании требовательности белорусских граждан не только к качеству товаров, но и к их эстетическим, эргономическим, дизайнерским, логико-функциональным характеристикам.

Исследования белорусских социологов показывают, что во многих социальных группах с ростом обеспеченности возрастает доля лиц, в повседневной жизни которых все больше доминируют ориентации на социокультурные ценности. Отсюда стремительно увеличивается число занятых в таких инновационных интеллектуальных направлениях, как высокотехнологичные услуги, культурно-управленческая, экспертно-мониторинговая деятельность и т.д. (54,9%) [6, с. 5]. Кстати, большинство сельских жителей – 67,5% – откровенно желают направить детей в крупные города страны по причине предоставления значительно больших возможностей их интеллектуально-культурного развития [7, с. 4]. Нельзя отрицать и того факта, что возросшие материальные запросы не всегда сопровождаются соответствующим возвышением духовных побуждений, которые в свою очередь вполне могут сопутствовать зарождению аскетизма, сектантства.

На наш взгляд, пресыщение материальными благами без духовного облагораживания чаще всего ориентирует на узко потребительские цели и мотивы поведения, а недостаток разумно сбалансированного материального потребления, в конечном счете отрицательно сказывается на психолого-интеллектуальном состоянии личности. В этом заключено основное содержание как диалектической противоречивости, так и единства материальных и духовных потребностей.

Немаловажное значение имеет анализ неодинаковой степени динамичности развития тех и других устремлений. Например, потребности человека как биологического существа во сне, отдыхе, пище относительно устойчивы. Сформировавшись в процессе его родового развития они сохраняют свою первозданную сущность на всем протяжении существования человеческой цивилизации. Изменяются лишь формы и средства их удовлетворения. Данная категория потребностей имеет психофизиологические пределы насыщения – пищей, сном и т.д. Есть и рационально обоснованные нормы потребления товаров промышленного, сельскохозяйственного и иного производства. В свою очередь, духовные потребности практически безграничны, как безграничен процесс социального совершенствования человека. По сути дела, нереально положить предел знакомства каждого желающего с произведениями искусства, литературы, музыки. Именно это обстоятельство отмечал К. Маркс, утверждая, что человек отличается от всех остальных живых существ безграничностью своих устремлений и их способностью к расширению [8, с. 122].

Основания классификации потребностей

Таким образом, потребности можно классифицировать следующим образом: во-первых, блага, связанные с обеспечением жизненно необходимых условий развития общества в целом; во-вторых, блага, связанные с обеспечением прогрессивно-цивилизационных установок, ориентирующих конкретного человека в сфере личного потребления, совершенствования психолого-интеллектуальных качеств. К первым целесообразно отнести средства материального и духовного производства: общественные здания, механизмы, технологические линии, окультуренные земли, разведанные недра, растения и животные, транспорт, средства связи и коммуникации, средства обеспечения безопасности, охраны здоровья, обучения, воспитания, культурного обслуживания и т.д. Ко вторым – связанные с непосредственным удовлетворением материальных и духовных запросов индивидов: продукты питания, одежда, домашняя утварь, а также предметы, необходимые для осуществления профессионального и любительского обучения; различные виды, способы развлечений, занятия политикой, спортом, для отдыха, получения информации, общения, поддержания гигиенических условий жизнедеятельности. Могут быть выделены иные критерии ранжирования устремлений человека: по видам собственности (личные и общественные), по степени необходимости, первоочередности их реализации, по источнику происхождения (природные и произведенные) и т.д.

Практическая значимость того или иного вида классификации определяется конкретными целями исследования. Наибольшая трудность любой общественной системы, ученого сообщества состоит в определении путей, конкретизации средств оптимизации, а так же гармоничном соотношении материальных и духовных устремлений. Иными словами, в придании им социально-позитивной направленности, означающей не просто количественное наращивание благ на индивидуальном и общественном уровне, но и формирование их нового творческого, созидательного содержания.

Заключение

Подводя итоги теоретико-методологического рассмотрения потребностных характеристик современного общества, необходимо выделить следующие положения:

1. Одна из главных критериальных особенностей потребностных ориентаций заключена в креативной направленности данного процесса, где, по мнению белорусского философа профессора В.К. Лукашевича, ключевое значение имеют конструктивные действия и, соответственно, конструктивная методология, задача которой вовсе не в поиске традиционного объекта исследования, который не всегда существует как фрагмент реальности во всем богатстве его свойств и отношений. Чаще всего предстоит создавать новые объекты, аналогов которым не было в совокупности существовавших социальных отношений [9, с. 65], посредством их творческого конструирования из уже имеющейся первичной фактологической реальности и наращивания инновационных мониторингово-экспериментальных, структурно-классификационных параметров, ранее в должной мере не рассматриваемых нашими учёными. Например, в наше время совершенно неэффективно вести речь о характере тенденций в культуре современного белорусского общества вне системного анализа истоков зарождения, реакции психовоздействия, специфики восприятия направлений субкультуры – «Талака», «ПОПspring», «Underground» и многих других. Предмет научного исследования целесообразно нацелить не столько на обоснование констатации уже имеющегося, сколько на поиск аргументированных критериев формирования потребностных установок, ориентаций на нетрадиционные процессы социальных трансформаций в сознании людей и общества.

2. На рубеже XX–XXI вв. как никогда обострились кризисные проблемы состояния окружающей среды и здоровья населения, что требует наполнения всего комплекса потребностей эколого-гуманным содержанием. Этот подход предполагает замену преж-

ней потребительской парадигмы природопользования на новую конструктивную парадигму витацентризма [10, с. 132–133], тем самым, во-первых, способствуя разумному самоограничению чрезмерно разросшихся и не всегда обоснованных потребительских запросов граждан; во-вторых, препятствуя процессу неминуемого саморазрушения социальной и природной среды человечества; в-третьих, опережающего характера целенаправленного становления экологических потребностей с целью оперативного предвидения и организации действенных мер стабилизации и последующей ликвидации последствий хозяйственной деятельности человека и общественной системы в целом [11, с. 165–224].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Капитал : сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – 907 с.
2. Писарев, Д.И. Очерки из истории труда / Д.И. Писарев // Сочинения : в 4 т. – М. : Гослитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 168–330.
3. Статистический ежегодник Респ. Беларусь, 2012 / Отв. за выпуск Е.М. Палховская. – Минск : Нац. статист. комитет РБ. – 2012. – 742 с.
4. Маркс, К. Из рукописного наследия К. Маркса : сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1958. – Т. 12.
5. Башкирева, Т.В. Общие критерии психического, психологического, социального здоровья / Т.В. Башкирева // Мир психологии. – 2007. – № 2. – С. 140–151.
6. Палховская, Е. Заработок превыше всего? / Е. Палховская // Веды. – 2010. – № 49. – С. 5.
7. Смирнова, Р.А. Человек и мир АПК / Р.А. Смирнова // Веды. – 2011. – № 41. – С. 4.
8. Маркс, К. Капитал : сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е изд. – М., 1974. – Т. 49.
9. Лукашевич, В.К. Ключевые методологические измерения инновационной деятельности / В.К. Лукашевич // Наука и инновации. – 2011. – № 6. – С. 64–67.
10. Гирусов, Э.В. Экологическое образование в контексте культуры / Э.В. Гирусов // Философские науки. – 2006. – № 4. – С. 129–137.
11. Онуприенко, С.П. Стратегия экологической безопасности XXI века / С.П. Онуприенко. – Минск : Тесей, 2009. – 304 с.

Onuprienko S.P. Needs in the Context of the Analysis of Trends of Social Development in Belarus

The article presents the theoretical and methodological analysis of the correlation of material and spiritual needs of the citizens in conditions of social transformations in the XXI century. Particular attention is paid to the criterion characteristic of the formation and development needs in the context of the dynamics of negative socio-economic tendencies today. The author makes proposals for improving consumerism attitudes of citizens in the activation of their socio-cultural and socio-ecological activities.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.05.2013

УДК 16 (091)

*А.Л. Куши***ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

В статье проводится анализ исторического пути развития науки, включая появление протонаучного знания, становление научного знания и формирование системы научного знания, характеризуются этапы этого развития, уточняется терминология. Результаты данного исследования могут быть использованы в научных и методических целях.

Введение

Современная наука достигла небывалых высот. Она стала доминирующей сферой знания в обществе, на её основе создаются эффективные технологии и сложная техника, разрабатываются способы управления обществом, совершенствуются условия жизни человека и сам человек. В связи с этим возникает вопрос: каков был путь науки к нынешнему триумфу? Каковы его особенности и закономерности, достижения и неудачи?

Проблема исторического пути науки в той или иной степени затрагивается многими отечественными и российскими исследователями, однако нам представляется, что этому важному аспекту науки в научной, научно-методической, учебной литературе, в учебных программах по философии и методологии науки уделяется недостаточно внимания [2; 4–10; 12; 13]. Вместе с тем следует отметить, что знание этого аспекта, его законов, исторических особенностей помогает учёному полнее осмыслить процесс появления и функционирования научного знания, уловить его тенденции, выявить связи как между его элементами, так и с иными областями человеческого знания, спроецировать крупницы исторического опыта науки на собственные научные исследования.

Зачастую в учебно-методической литературе вместо анализа исторического аспекта развития науки доминирует анализ истории философии науки. Это, несомненно, важная область знаний студентов, аспирантов, и с ней следует их знакомить для формирования философского, методологического мышления, научной картины мира. Однако изучение этой области знания требует определённой философско-методологической подготовки и не может заменить собой тему истории науки.

В данной статье автором поставлена цель дать краткий философско-методологический анализ исторического пути науки. Задачи, которые предстоит решить в процессе этого исследования, – это описание процесса развития научного знания; выделение его этапов; выявление его особенностей, тенденций, закономерностей; концептуализация исторического процесса науки; формирование представлений о современном её состоянии и прогнозирование дальнейшего её развития. Мы также определимся с такими понятиями, как «преднаучное и протонаучное знание», «научное знание», «система научного знания», «наука» и др.

Важным элементом исследования является методология. Основными методологическими подходами в анализе процесса развития научного знания являются *кумулятивизм* и *антикумулятивизм*. Кумулятивизм основывается на принципе последовательного, связного развития научного знания. Такому развитию присуща преемственность: в каждом его последующем этапе ощущается присутствие этапа предыдущего. Каждый предыдущий этап является основой, предпосылкой для возникновения последующего. В своих крайних версиях кумулятивизм придерживается концепции непрерывного, линейного развития научного знания. Антикумулятивизм придерживается противоположной точки зрения. Он провозглашает тезис о самостоятельности тех или иных эпизодов исторического пути науки, их самодостаточности, автономности от предыдущих и последующих этапов. В крайних своих проявлениях антикумулятивизм выдвигает версию о прерывном развитии науки, независимости тех или иных научных школ и систем научного знания.

Если рассматривать исторический процесс науки в целом, то мы будем придерживаться точки зрения, отстоящей от крайних версий кумулятивизма и антикумулятивизма. Это связанный процесс, которому присуща определённая последовательность и преемственность, но в котором можно выделить этапы и системы знания, имеющие довольно автономный, самостоятельный характер.

Рассматривая же процесс становления и развития науки в конкретных проявлениях, следует отметить, что ему присущ широкий спектр форм и видов научного знания, он отличается сложностью, в некоторых моментах противоречивостью, что и находит своё отражение в том многообразии концепций и представлений, которое нам дают его исследования. Отчасти это связано с недостаточной степенью изученности этого процесса, отчасти с особенностями познавательной деятельности человека, отчасти с сущностью самого предмета.

В процессе решения стоящих перед нами задач наряду с общенаучными методами мы будем использовать преимущественно исторический и диалектический методы. Определённая роль в исследовании проблемы будет принадлежать синергетическому методу. Анализируя процесс развития науки, нетрудно заметить, что он имеет противоречивый характер, в его структуре содержатся противоположности. Так, мы обнаруживаем устойчивые и системные образования из философско-научных школ, направлений, парадигм и т.п., имеющие самостоятельные системы мировоззрений, научные картины мира, методологию и т.п. Эти устойчивые образования возникают на протяжении всего развития науки постоянно, существуют достаточно автономно и взаимодействуют на основе диалектических законов. В процессе развития науки обнаруживаются и свойства его единства: это общие черты и признаки тех или иных исследуемых явлений, общие законы, связи, которые соединяют нить этого процесса, выстраивают в его структуре причинно-следственную связь.

Диалектика единства и борьбы противоположностей прослеживается на протяжении всего исторического пути науки, наполняя её богатством содержания и определяя направление этого процесса [1; 11]. В нашем исследовании мы постараемся оттенить оба эти аспекта развития научного знания, прежде всего, в процессе анализа его этапов. Но всё же главным для нас будет выявить связи и построить некую систему исторического пути науки, как, например, у Дж. Бернала, В.С. Стёпина [3; 11; 12]. Ведь каждая область научного знания всегда стремится к систематизации, выявлению определённых закономерностей, к построению некоторых концептуальных моделей, определению способов их реализации в практической деятельности. Не исключением будет и история науки.

Важным элементом исторического анализа является его философское осмысление, в процессе которого осуществляются попытки ответа на такие вопросы, как: влияние философских идей на развитие науки, характер этого развития и его концептуализация, эволюция научного знания, осмысление современной науки и перспектив её развития и многие другие. Конечно, объём работы не позволяет глубоко и полно на них ответить. Все эти вопросы смогут быть полноценно проанализированы лишь тогда, когда будет дана достаточно полная картина исторического пути науки. Однако, как представляется, рассмотренного материала достаточно, чтобы сформировать собственную позицию по очерченным проблемам.

В данном исследовании выделим три этапа. Первый посвящён анализу развития научного знания от протонаучного до появления системы научных знаний (X в. до н.э. – XVII в. н.э.). Второй этап посвящён исследованию науки как области человеческой деятельности от её становления (XVII–XIX вв.) до современности. Третий этап представляет собой философско-методологический анализ исторического пути развития науки. В данной работе отражены результаты первого этапа исследования. Мы попытаемся проследить, как возникло и прошло этап своего становления научное знание, как в процессе

развития оно превратилось в целостную, логически связанную систему, имеющую под собой глубокие философско-методологические основания и выходящую в область практической деятельности.

Предполагаемые научные результаты работы – это более точная классификация исторического пути науки, уточнение терминов истории науки, предложение вариантов решения проблемы концептуализации развития науки, определение перспектив её развития. В образовательной сфере полученные результаты могут быть использованы для спецкурсов по философии и методологии науки для студентов, в учебном курсе «Философия и методология науки» для магистрантов и аспирантов, в системе повышения квалификации преподавателей и научных работников высшей школы и научных учреждений – везде, где необходимы основы знаний в области становления и развития науки.

Преднаучное знание

Древний Египет представлял собой могущественное государство. В нём были полноценно развиты практически все основные сферы жизнедеятельности: экономическая, политическая, военная, духовная и др., что явилось основой его стабильного существования на протяжении весьма длительного времени (по сравнению с другими цивилизациями древности). Этот промежуток времени по разным оценкам определяется в границах от 1–2 тысячелетия до VI века до нашей эры. Сравним: Древняя Греция переживала апогей своего развития в течение около двух веков (VI–IV вв. до нашей эры), причём это был подъём в основном в духовной и политической сферах, в искусстве.

Существует довольно обоснованная гипотеза, согласно которой из Древнего Египта пришли основные знания и тайные учения, оказавшие значительное влияние на духовное развитие многих рас и народов. Оттуда, как предполагается, заимствовали свои знания такие государства древности, как Индия, Персия, Халдея, Китай, Япония, Греция, Рим.

Цивилизация Древнего Египта располагала глубокими по тем временам знаниями в области математики, физики, медицины, географии, химии, астрономии и др. На высоком уровне находились музыка, магия, философия. Хотя некоторые исследователи считают, что и египтяне получили свои знания не на пустом месте, что часть их они получили от ещё более древних цивилизаций, среди которых упоминается Атлантида.

Основой хозяйствования Древнего Египта было ирригационное земледелие, которое в значительной степени определяло благосостояние страны. Природно-климатические условия, в частности, происходившие с точной периодичностью разливы Нила, обусловили ритмичность и цикличность мировосприятия древних египтян, стабильный ритм жизнедеятельности страны. Развитие земледелия повлекло за собой развитие землемерия, стоящего у истоков геометрии. Возникли и географические карты, отвечающие потребностям землемерия.

Говоря о достижениях древнеегипетской науки, следует отметить, что египетские математики определили число «пи», производили исчисления с дробями, решали уравнения с двумя неизвестными. Значительны их познания в области физики, которые были тесно связаны с медеплавильным промыслом, строительством, мореплаванием. На высоком уровне находились медицина и анатомия (в Древнем Египте уже практиковали врачи разных специальностей), техника мумификации, ветеринария. Очень развитыми были египетская мифология, оккультная и религиозная практики. Совершенной для того времени была астрономия. Так, древние египтяне могли рассчитывать солнечные затмения, прекрасно знали небесное движение Луны, могли рассчитывать движение планет, составили карты неба, группировали созвездия, создали календарь. Высокого уровня в Древнем Египте достигла письменность.

Все эти знания были обусловлены общественной практикой, исходили из неё, способствовали её совершенствованию. Знание египтян представляло собой определённую

систему со взаимосвязанными, согласованными элементами. В этой системе трудно выделить (а тем более вычлениить) те или иные области знания, они дополняют друг друга. Кроме того, это знание было закрыто от общества, от его широких слоёв, было привилегией особой касты – жрецов. Знание было направлено на улучшение жизнедеятельности общества. Известно в связи с этим изречение: «Всё для народа, но через народ – ничто».

Анализируя систему знания, которую создали древние египтяне, следует отметить, что она органически включала в себя элементы знания научного, философского, религиозного, мифологического, эстетического. Это знание можно охарактеризовать как *преднаучное*, т.е. предшествующее научному, являющееся средой для его становления и развития. Элементом преднаучного знания является знание *протонаучное*. Смысл этого термина несколько уже. Это знание обладает некоторыми чертами научного (конкретность, точность, подтверждаемость, достоверность, воспроизводимость), оно получено с помощью методологии, близкой к научной. Вместе с тем оно ещё недостаточно теоретизировано и систематизировано, оно не существует как самостоятельная сущность. Протонаучное знание представляет собой определённую основу, является отправной точкой для генезиса научного знания. В научной литературе зачастую в эти термины вкладывается разный смысл, часто они вообще не определяются, что создаёт известные трудности в анализе и описании этого этапа в развитии науки.

Следует указать также на наличие протонаучного знания и в Древнем Китае, Персии, Индии, Халдее. Преднаучный этап развития науки в каждой из этих стран имел свои особенности: по-разному расставлялись акценты, в разной степени были развиты те или иные стороны этого знания (в зависимости от типа культуры, государственно-политического устройства, климатических условий, выбранной учёным сообществом того времени парадигмы и др.). Однако общие, основные черты протонаучного знания присутствуют во всех этих странах на данном этапе развития науки.

Становление научного знания

В эпоху античности (VI в. до н.э. – II в. н.э.) осуществляется переход от чувственных образов к интеллекту, оперирующему абстракциями и категориями, мышление освобождается от метафоричности, происходит его *рационализация*. В связи с этим, особую роль приобретает *доказательность* в получении нового знания. Причём эта доказательность носит теоретический характер, и немалую роль в её становлении сыграло появление логики.

Другим важным элементом античного мышления, оказавшим влияние на развитие научного знания, стала *диалектика*, получившая своё развитие в трудах Гераклита, элеатов, софистов, Сократа. Она оказала влияние как на становление методологии научного исследования, позволяя анализировать объекты, явления, процессы в их взаимодействии и взаимосвязи, так и на обоснование научного знания, на его выделение как специфического вида познавательной деятельности.

Во многом благодаря развитию научной методологии и философии в Древней Греции возникают первые образцы *теоретического научного знания*. Исследования Фалеса и Пифагора приводят к новым открытиям в математике (известные всем теоремы Фалеса и Пифагора; определение площадей некоторых фигур и их классификация; исследование натуральных чисел и др.). Архимед сделал открытия в области математики (вычисление площади круга, определение формул объёма тел, поверхности цилиндра) и физики (введение понятия центра тяжести, определение закона рычага, исследования в области гидростатики). Совершенным образцом научного знания стала геометрия Евклида, которая представляет собой систему описания геометрических объектов, основанную на пяти аксиомах. Именно благодаря разработанному в то время рациональному подходу и системе доказательства это теоретическое знание приобрело столь развитую форму.

Высокого уровня достигли медицина и астрономия. Учение Гиппократом соединяло в себе философское и научное знание, в рамках которого было представлено знание в области медицины (происхождение, протекание, лечение болезней), осмысленное с позиций философии (природа человека, условия лечения болезней, клятва Гиппократом и др.). Система описания небесных явлений Птолемея является ярким примером исследований в области астрономии. Он не только систематизировал всё предыдущее знание, но создал развитую геоцентрическую систему, объясняющую движение небесных тел и могущую делать достаточно точные предсказания движения планет, основанные на вычислениях.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что развитие науки на этом этапе вошло в новую фазу – фазу *научного знания*, которое, наряду с указанными выше свойствами протонаучного знания, обладало ещё свойствами рациональности, теоретичности, доказательности, оно уже было в состоянии системно представлять объекты исследования. Имел место его ощутимый прирост. Античное научное знание – это, образно говоря, зарождающийся островок будущего материка науки. Почти всё оно стало впоследствии составной частью современного научного знания. Вместе с тем, ему ещё не были присущи такие черты, как системность, целостность, единство, наличие соответствующей научной методологии, концептуальность. Эти черты приобретались постепенно в процессе дальнейшего развития науки.

Философско-методологические основания научного знания

Эпоха Средневековья (III–XIII вв.) вносит вклад в развитие научного знания как чисто научными, так и философско-религиозными исследованиями. В эту эпоху получает активное развитие *рациональный подход* к анализу религиозных проблем. Осуществляются попытки обоснования догматов веры и их реализации в жизни общества, создаются стройные, основанные на логических законах *теологические системы*. Немалый вклад в их создание внесли такие мыслители того времени, как Павел Орозий, Ориген, Боэций, св. Августин, Пьер Абеляр, Уильям Оккам, Роджер Бэкон и др. Особое место среди мыслителей в рассматриваемом нами контексте занимает Фома Аквинский, создавший систему религиозно-философского знания, которая с единых позиций рационально описывает все основные сферы бытия. Определённое внимание в ней было уделено и знанию научному. Систематизируя знание религиозное, мыслители того времени тем самым заложили *основы методологии систематизации знания научного*, что вскоре и произошло.

Серьёзный вклад в разработку *научных методологий эмпиризма и рационализма* (возникших и получивших своё развитие в Новое время) внёс схоластический спор между *номинализмом* и *реализмом*. Как известно, это был спор об универсалиях, общих понятиях, которыми называются вещи. С точки зрения номинализма первичными являются вещи, а универсалии суть обобщение их свойств, которое осуществляется человеческим разумом. Нетрудно заметить, что эмпиризм, сущность которого заключается в индуктивном постижении мира через фиксацию фактов с их последующим обобщением и выработкой определённых теоретических построений, опирается на традицию номинализма.

Реалисты же утверждали, что универсалии существуют до вещей и вещи созданы по образу и подобию этих общих, сущностных о них представлений. Задача познающего субъекта в процессе познавательной деятельности заключается лишь в постижении сути вещей, а значит, сути универсалий. Рационализм в познании мира основывается на врождённых идеях нашего разума, которые созвучны, коррелируют с окружающим нас миром. Поэтому эти идеи (и понятия), будучи правильно организованы (например, с помощью правил логики), дают нам наиболее истинное и полное представление об окружающем нас мире. Здесь прослеживается тесная связь рационализма с реализмом. Таким образом, в научном познании формируются системные методологии, имеющие под собой концептуальные основания в философии Средневековья.

Средневековые философы впервые осознали специфику религиозного и философского знания. Можно сказать и иначе: религиозное и философское знание достигло такого уровня своего развития, что они могли уже существовать автономно друг от друга. Правда, научное знание пока ещё существует в рамках философии, но оно уже понимается многими мыслителями как особый, специфический вид знаний. Дальнейшая рационализация знания закладывает основы для расширения и углубления научного знания с появлением в его структуре областей с более стройным и системным описанием явлений окружающего мира.

Философские идеи единства мира, его всеобщей взаимосвязи, высказанные в трудах средневековых теологов, а также выдающегося арабского мыслителя Ибн Рушда, привели к провозглашению в науке *принципа детерминизма*, ставшего одним из ключевых принципов классической науки Нового времени. Следует также отметить наличие определённого прироста научного знания в эту эпоху, выразившегося в расширении знаний в области химии (исследования алхимиков), механики, гидравлики и др.

Давая оценку этому этапу развития науки, следует отметить, что средневековое знание характеризуется углублением *рационализации мышления*, ему становятся присущи черты *системности* и *концептуальности*, в его рамках осознаётся *целостность* и *единство мира*, выявляется *связь явлений*, устанавливаются их *причинные связи*. Всё это впоследствии оказало значительное воздействие на формирование системы научного знания. На этом этапе также определяются различия между религиозным, философским и научным типами знаний. Имеет место прирост научного знания. Получает активное развитие методология познания, которую можно представить как *преднаучную методологию* и которая впоследствии стала основой методологий эмпиризма и рационализма. Следует также отметить такой важный факт, что появившиеся в XIII в. первые университеты стали основой последующей *институционализации науки*.

Вместе с тем средневековое научное знание было в значительной степени компилятивным, что было обусловлено общей мировоззренческой и культурной атмосферой той эпохи. Кроме того, средневековая наука выступает как совокупность правил в форме комментариев. Основной вклад Средневековья в развитие научного знания лежит в области теоретической, однако уже тогда начинают появляться первые ростки опытной науки.

Период опытной науки

Если философско-методологическая и теоретическая основы научного знания в эпоху Средневековья были хорошо подготовлены, то с частью эмпирической дела обстояли ещё очень слабо. Зная же современное состояние науки, можно утверждать, что без эмпирической составляющей полноценное развитие научного знания невозможно. Как бы восполняя этот пробел, эпоха Возрождения и начало эпохи Нового времени ознаменовались развитием *опытной науки* (XIII–XVI вв.).

Одними из первых учёных, подготовивших почву для её развития, являются Роберт Гроссетест, Роджер Бекон, Уильям Оккам и др. Они провели анализ, систематизацию и классификацию существующего научного знания. В частности, Оккам подвёл весьма строгую для того времени логическую базу под научные доказательства. Применение его логико-рационалистических требований к анализу религиозной догматики приводило порой к противоречиям в системе богословия, к тому времени уже выстроенной и утвердившейся. Это стало причиной обвинения Оккама в ереси, за что он четыре года провёл в тюрьме. Его логико-теоретическая база была применена к анализу алхимии и «естественной магии», что позволило упорядочить эти области знания, сделать шаг к появлению, соответственно, химии и физики.

Эпоха Возрождения (XIV–XVI вв.) принесла целую плеяду учёных, внёсших значимый вклад в развитие этого этапа науки: Марселио Фичино, Пико делла Мирандола,

Николай Кузанский, Генрих Корнелий Агриппа, Парацельс, Лука Пачолли и др. Их рассуждения и концепции материального устройства мира отличаются последовательностью, стройностью, связывают теорию с опытом, но вместе с тем отличаются и наивностью, также в них ещё в значительной мере присутствует религиозная составляющая.

Развитие концептуально-теоретических оснований опытной науки двинуло вперёд эмпирические исследования. Они получают своё активное развитие в трудах Леонардо да Винчи (которого многие считают основателем современного естествознания), Блеза Паскаля, Николая Коперника, Иоганна Кеплера, Галилео Галилея и др. Исследования этих учёных явились основой современной системы научного знания.

Таким образом, период опытной науки дал толчок развитию эмпирической составляющей научного знания, чему способствовало его теоретическое обоснование. Благодаря этому научное знание начало приобретать черты целостности, теоретико-практикой сбалансированности, системности. Получила развитие научная методология, особенно в области эмпирических исследований.

Важным элементом становления науки в ту эпоху является институционализация научного знания. В эпоху Возрождения образование и наука в Европе начинают приобретать более организованные формы в существовавших уже в ту эпоху университетах. В них наука получает свою опору в плане организации научных исследований, распространения их результатов, подготовки научных кадров, обеспечения своей экономической базы, укрепления своего социального статуса. В университеты, в которых господствовали религиозное, философское, практическое знание (риторика, языки, медицина, право) активно входит знание естественнонаучное. Речь идёт прежде всего об университетах в Болонье и Париже, а также в Оксфорде и Кембридже.

Наука как система знаний

Преобразование научного знания в систему, имевшее место в XVII в., когда различные области и сферы научного знания связываются и под них подводится теоретико-методологическая база можно рассматривать как следующий этап в развитии науки. Одной из важных особенностей начала этой эпохи является смещение акцентов в область методологии исследований. Если в Средневековье преимущественно применялся метод дедукции, то в эту эпоху всё более широко начал применяться индуктивный метод в исследовании научных проблем. Позже (конец XVI – начало XVII вв.) обе методологии получили своё философское обоснование в методологических концепциях Р. Декарта (рационализм) и Ф. Бэкона (эмпиризм).

Систематизация научного знания подразумевает наличие его теоретических оснований. К тому времени развитие естествознания, его математизация (особенно в области физики) создали стройную систему теоретических представлений о мире, основанных на строгой причинно-следственной связи, ключевых положениях, из которых выводятся остальные известные в то время законы движения материи. Прежде всего это касается классической механики, которая стала образцом научных представлений о мире, теоретической основой естествознания и научного мировоззрения того времени.

К этому времени следует отнести и формирование *научной картины мира* как основы рационалистического мировоззрения, опирающейся на совокупный потенциал научных достижений данной эпохи. Научная картина мира является, образно говоря, той призмой, через которую человек видит окружающий мир. Эта картина мира (в отличие от религиозной, философской, мифологической, эстетической) обладает свойствами, присущими научному знанию, такими, например, как рациональность, точность, конкретность, доказательность, подтверждаемость, системность и др. Впоследствии процесс развития научной картины мира давал нам разные её модификации, вносил разные элементы в её структуру, такие, например, как классическая, неклассическая, посткласси-

ческая составляющие. Но всё же становление этой картины мира стало одной из важных модулей системы научного знания того времени.

В эту эпоху появляются первые научные общества. В Англии, в 1662 г., основано Лондонское королевское общество, объединившее в своих рядах выдающихся учёных. Чуть позднее, в 1666 г., в Париже была создана Академия наук. Всё более широкое распространение получает научная литература.

Появление большого количества нового научного знания, его дальнейшая систематизация, деление научного знания на области наук, развитие методологии научного исследования, создание теоретических основ представлений о мире, активное развитие эмпирической науки, развитие методов обоснования научного знания подготовили науку к ее новому этапу – появлению *системы научного знания*.

Труды Фрэнсиса Бекона, Галилео Галилея, Рене Декарта, Исаака Ньютона, Готфрида Лейбница и других учёных той эпохи дают нам уже целостную, системную и достаточно полную научную картину мира. Весь наработанный за многие века научный материал и инструментарий исследователи использовали в полную мощь, создавая шедевры научной мысли. Система научного знания предстаёт перед взором человечества как область человеческой деятельности и начинает процесс своего активного развития, распространения в практически все сферы жизни человека и общества, который не прекращается до сих пор.

Важным аспектом функционирования научного знания той эпохи явилась его популяризация. Научное знание с этих времён перестаёт быть элитарным, оно становится доступным всем желающим его осваивать и использовать в своей деятельности, демократичным. Эти процессы особенно активизировались в эпоху Просвещения (XVIII в.), что стало свидетельством социализации научного знания.

Получает новый импульс институциализация науки. Центрами развития и распространения научных знаний стали университеты, в которых научное знание становится доминирующим. Вместе с тем, начиная с XVII в., появляются и получают своё активное развитие технические учебные заведения. Растёт осознание того, что наука – это один из главных источников материальных благ. Её результаты всё активнее используются в технической деятельности (создание новых устройств, машин, механизмов, технологий), которая вскоре стала основой промышленного роста и развития капитализма.

Все эти процессы, отражающие развитие научного знания, предопределили появление новой области деятельности человеческого общества – науки. Об этом пророчески сказал ещё Ф. Бекон, когда определил науку как систему знаний, производительную силу и социальный институт. Становление науки, которое относится к периоду XVII–XIX вв. привело к созданию новой сферы деятельности общества, которая стала основой его благосостояния и технической мощи. Однако это уже предмет другого исследования.

Заключение

В процессе проведенного анализа мы попытались проследить исторический путь науки от периода её зарождения до создания системы научного знания. Начиная с самых ранних этапов развития человеческого общества научное знание обогащало духовный мир человека, помогало решать задачи прежде всего в области познания природных явлений и ремесла. В Древнем Египте, Древнем Китае, Вавилоне и других государствах Древнего мира знание носило практический характер, было интегрировано с иными типами знания. Такое знание имеет характер *преднаучного*, поскольку наряду с синтетическим характером этого знания элементы научного знания в нём выражены лишь некоторыми свойствами, к тому же недостаточно отчётливо. Одним из его компонентов, важным для нашего рассмотрения, является *протонаучное знание*.

Развиваясь вместе с развитием общества, научное знание приобретало всё более усложнённые и разветвлённые формы. В эпоху античности оно теоретизировалось, стали более совершенными его свойства (точность, конкретность, подтверждаемость, объективная истинность). Зародившийся тогда рационализм придал этому знанию стройности и доказательности. В эту эпоху преднаучное знание в результате своего развития получило статус *знания научного*.

В эпоху Средневековья были заложены философские основы научного доказательства, научной методологии, систематизации знания, появились первые ростки институционализации науки. В период *опытной науки* научное знание вышло на новый уровень, была разработана его методология, получены дополнительные научные факты о мире. Всё это подготовило почву для появления к XVII в. *системы научного знания*, в рамках которой объединились теоретические, методологические, философско-мировоззренческие основания научного знания.

Обобщая, можно сказать, что из разрозненных фактов, элементов теоретического знания, появлявшихся в разных местах и в разные времена в Древнем мире, в процессе исторического развития человеческого общества, на разных его этапах и в различные эпохи, под воздействием исследований в области философии, религии, искусства, техники формировались элементы, области, сферы научного знания, из которых была впоследствии создана система научного знания. Этому процессу присущи и синергетические, и диалектические свойства, он развивается в соответствии с законами развития систем.

Процесс развития науки для данного периода шёл по разным направлениям: наращивание научного знания в практической, эмпирической, теоретической областях; формирование методологии; структуризация, систематизация, фундаментализация знания; интеграция науки с иными типами человеческого знания. Эти составляющие научного знания появились в различные эпохи и получали своё развитие с разной интенсивностью и полнотой до тех пор, пока их достаточное количество не перешло в новое качество – в создание системы научного знания.

Анализируя результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что научное знание всегда было атрибутом человеческого общества, вопрос лишь в том, насколько оно было развитым и какие формы на разных этапах приобретало. Рассматривая процесс развития науки, можно утверждать, что она, подобно живому организму, из своего зародыша, представляющего собой протонаучное знание, развивалась во всё более сложные и совершенные формы, приобретая всё более весомый статус и играя всё более значимую роль в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е.М. Философия науки и культуры / Е.М. Бабосов. – Минск : Беларус. наука, 2006.
2. Берков, В.Ф. Методология науки. Общие вопросы : учеб. пособие / В.Ф. Берков. – Минск : РИВШ, 2009.
3. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М., 1956.
4. Войтов, А.Г. История и философия науки : учеб. пособие для аспирантов / А.Г. Войтов. – М. : Дашков и К^о, 2005.
5. Джегутанов, Б. История и философия науки : учеб. пособие для аспирантов / Б. Джегутанов Б. [и др.]. – СПб. : ПИТЕР, 2006.
6. Канке, В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги столетия : учеб. пособие / В.А. Канке. – М. : 2000.
7. Кохановский, В.П. Философия науки : учеб. пособие / В.П. Кохановский, В.И. Пржиленский. – 2-е изд. – М. : ИКЦ МарТ, 2006.

8. Лебедев, С.А. Философия науки : учеб. пособие / С.А. Лебедев. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2006.
9. Лешкевич, Т.Г. Философия науки : учеб. пособие / Т.Г. Лешкевич. – М. : ИН-ФРА-М, 2005.
10. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки : учеб. пособие / В.К. Лукашевич. – Минск, 2006.
11. Стёпин, В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В.С. Стёпин. – М. : 2003.
12. Стёпин, В.С. Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук / В.С. Стёпин. – М. : Гардарики, 2007. – 384 с.
13. Философия и методология науки : учеб. пособие / А.И. Зеленков [и др.]. – Минск, 2007.

Kuish A.L. The View on the History of Modern Science Establishing

The article gives the analysis of the historical way of science development including the emergence of protoscience knowledge, the establishing of scientific knowledge and the formation of the system of scientific knowledge; the stages of this development are characterized and the terminology is specified. The results of this research can be used for scientific and methodic objectives.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.09.2013

УДК 111.81-130.3-291.17

К.М. Товбин**ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ГАЛЬВАНИЗАЦИЯ**

В статье рассматриваются причины и течение современного процесса гальванизации религий и духовных традиций. Основываясь на методологии Традиционалистской школы, автор формулирует дефиниции пострелигии как имитационной деятельности, сводящей традиционную духовность на плоскую шкалу виртуальной симуляции. Процесс, именуемый современными социологами ресекуляризацией и постсекуляризацией, на ментальном уровне есть высшая форма десакрализации, заключающаяся в исходе от гуманистической программы Модерна не в Традицию (преодолением которой видел себя Модерн), но в её стилистическую имитацию, создающую возможности для бесконечных игровых интерпретаций. При этом используются ментальные механизмы, родившиеся в традиционной духовности, что на уровне брендов сближает действительный традиционализм с псевдотрадиционализмом. Переходя в виртуальную плоскость, традиционная духовность теряет своё вертикальное измерение, становясь эгоцентрически избирательной, и приобретает исключительно релаксационный, секулярный характер.

Введение

Проблемы постсекуляризации, религиозной гальванизации, возрождённого фундаментализма, традиционализма и псевдотрадиционализма являются отличительной чертой современной духовной жизни всего мира, в первую очередь – Запада, наиболее десакрализованного в сравнении с его постколониальной периферией. Однако анализ этих феноменов, использующий устоявшуюся в академическом религиоведении описательную шкалу, порой остаётся бесплодным, лишь фиксируя эти явления, но не объясняя их ввиду отсутствия в своём арсенале адекватного традициеведения. По этой причине для подхода к изучению пострелигиозных явлений здесь используется идейно-методологическая основа Традиционалистской школы (Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт, Ф. Шуон, А.Г. Дугин и пр.), рассматривающей Традицию как надысторическую и надцивилизационную сферу самовыражения Священного [1].

Наиболее широко секуляризацию трактует Эммет Кеннеди: «Отсутствие религиозного чувства; житейский, а не потусторонний, способ жизни» [2, с. 1]. Секуляризация – это утрата Священного Центра в антропологической перспективе. После кажущегося гуманистического и атеистического триумфа «Просвещения» картина мира человека Модерна продолжала сохранять центризм (произвольно используемый разными идеологами).

С. Жижек пишет: «Атеисты говорят, что они хотят светского мира, но мир, который определяется через отсутствие христианского бога, по-прежнему остаётся христианским миром. Секуляризм подобен целомудрию, состоянию, которое определяется через то, что оно отрицает» [3, с. 65].

Именно против центризма было направлено движение мысли постмодернистов-теоретиков; они не боролись с Богом, или со Священным, – они боролись с наличием места, которое Священное могло занять [4, с. 131]. В связи с этим секуляризм постмодернистов – совершенно иной: принципиально поверхностный, ризомический, подвижный, фрактальный. Он рассчитан на отвлечение внимания, чтобы не дать кочевническому уму ни на миг обратиться к теме бытийственной укоренённости как-либо, кроме игрового формата.

Является ли Постмодерн прекращением секуляризации [5], правомерно ли ныне употреблять понятия «постсекуляризация», «ресекуляризация», «десекуляризация», «контрсекуляризация» [6] как наполненные *собственным* содержанием [7, с. 55–56; 8, с. 12–35; 9, с. 215]? Можно ли говорить о возрождении религии сегодня, или же мы имеем дело только с гальванизацией, не выходящей за пределы гиперреальности [10; 11]? Собственно, эти вопросы и являются важным пунктом в объяснении специфики Постмодерна:

является ли он качественно новой формацией, которую можно рассматривать как диалектическое преодоление Модерна [12]? Или же Постмодерн на деле является только Ультрамодерном, доведением до крайностей, до своего логического завершения изначальных оснований Модерна [13; 14]? Модерн начинался как стремление освобождения от власти Бога и памятования о Боге, как стремление создать место, свободное от Него. По меткому выражению Кыржелева, «секулярный человек» – это человек антирелигиозный до той поры, пока он не станет просто арелигиозным» [15]. Является ли Постмодерн явлением противосекулярным, или же это лишь фиксация заветной цели «просветителей» – фундаментально десакрализованного мышления?

Если исходить из внешней плоскости вопроса, то очевидно, что процессом, сопровождающим построение информационного мира, является *гальванизация религии* – процесс, по мнению некоторых [16, с. XIV], являющийся закономерным продолжением секуляризации и – более того – являющийся частью секуляризационного процесса [17].

Хайдеггер писал: «Обезбоженность настолько не исключает религиозности, что, наоборот, благодаря ей отношение к богам впервые только и превращается в религиозное переживание. Если это произошло, значит, боги улетучились. Возникшая пустота заполняется историческим и психологическим исследованием мифа» [18, с. 94].

Традиционная духовность, исходящая из Высших принципов, не позволяет фрактальной деятельности человеческого ума приняться за конструирование собственной духовности. Модерн подготовил для такой возможности вполне подходящее горизонтальное основание, уничтожив традиционные и естественные бытийственные основания во всём ареале распространения западничества. Постмодерн есть время буйного произрастания на этой плоскости умопостроений и субкультурных ориентаций с мочковатыми корневищами эгоцентрической пристрастности. Чисто религиозные (мировоззренческие и идеологические) движения Современности стремятся убедить себя, что Священное продолжает действовать в мире так же, как и в древности [19, с. 76–88]. Это мировидение сближает как радикальных протестантов, воспевающих секуляризацию, так и псевдотрадиционалистов, для которых основная задача восстановления Традиции – её наружная имитация.

Во всём постиндустриальном мире и мирах, зависимых от него, наблюдается внешнее возрождение традиционных и даже архаических религиозных форм наряду с активным образованием новых религиозных движений [9, с. 241]. Новые религиозные движения (зачастую огульно именуемые сектами) вне поля этой статьи, хотя их возникновение видится результатом того же процесса, который восстанавливает традиционную религиозность. Однако *возможна ли реконструкция в мире деконструкции* [20]? Мир, отошедший от изначальной Традиции, потерявший горизонтальные и вертикальные связки (обеспечивающие как хранение Традиции, так и воспроизводство её форм), в усердии восстановления Традиции приходит только к архаике – к возрождению элементов Традиции, взятых в своей разрозненности [21]. Единственным связывающим началом для таких элементов является сознание современного верующего индивида. Таким образом, мы имеем дело с очередной мозаикой Постмодерна, хотя и выглядящей более благородно, чем осовремененные поделки. Однако эти мозаики также преследуют основную цель Постмодерна – радикальное освобождение индивида от власти «больших рассказов». Рассказ создаётся в фантазирующем уме *постверующего* [22]. Постверующие естественно тяготеют к сближению с похожими, с приверженцами одинаковых версий пострелигии. Однако это сближение не претендует ни на какую священность, оно носит чисто функциональный характер. Потому объединения «возрождателей» традиционных религий отличаются такой же ситуативностью, текучестью, как и «новые религиозные движения». Движения «реаниматоров» более интересны для исследователя, потому что используют не новояз, подобно современным сектам (например, «Богородичный центр» или «Свидетели Иеговы»), но апеллируют к смыслодержащим формам эпохи Тради-

ции. Эти формы связываются совершенно произвольным образом, хотя сохраняют внешний посыл к определённой эпохе или духовности древности. Таким образом, «возрождение» Традиции является ещё большим постмодернизмом, чем новорелигиозные изобретения. Сакральная глубина Традиции воспринимается как некий благочестивый балласт (допустимый к разноречивому истолкованию). Таким образом, нестояние в Традиции, её утрата – хотя бы временная – приводит к серьёзным метаморфозам. Метаморфозы эти, как правило, проявляются в двух форматах: в неопротестантской секулярной (а)теологии и в псевдотрадиционализме оккультного или законнического изводов. Крайности эти имеют различные задачи, однако общее основание – утрату живой Традиции как универсального языка [23, с. 6].

Целью программы Нового времени было уничтожение сферы Сакрального, которая пронизывала всё бытие традиционного человека, и – собственно говоря – не обозначалась как некая «сфера Сакрального». Как последовательное дитя протестантизма, стремившегося своим умом сдёрнуть завесу домыслов с изначальной Истины [24], секуляризация есть стремление к «расколдовыванию» окружающего, представлению его как очевидности, как пространства «здорового смысла», к формированию *новой породы людей* – не способных к метафизическому образу мышления [25, с. 19]. Сфера Сакрального либо умалчивалась (в грубых формах секуляризма типа коммунизма), либо ужималась в «личное дело каждого» (в либерализме).

Если Постмодерн – критическое преодоление Модерна, то в нём сфера Сакрального не должна быть в стороне, не должна быть «одной из» линий личностного набора, но должна пронизывать все сферы бытия. Отчасти это правило соблюдается в «возрождённых» традиционных религиозных формах. Старообрядцы, ваххабиты, язычники сопровождают священнодействиями всю свою деятельность. Но в большинстве случаев это «всеосвящение» не повседневный ответ на Зов (ибо возможность услышания этого зова в урбанистическом и индивидуализированном мире чрезвычайно слаба), а *индивидуальный выбор* современного верующего [26, с. 510]. Таким образом, сакральным центром современной религиозности является не Бог, а сам *выбирающий* верующий. Потому в современной духовной жизни проповедь, миссия, апологетика преобладают над внутренним духовным деланием: постверующий стремится утвердить и актуализировать свой выбор. Игнорирование Священного, неощущение его места – почва для рождения пыла первопроходца и зуда миссионера, тщащихся заполнить своей активностью пустые пространства. Бог в этой системе не отсутствует, но неверующий является результатом Его Зова, а *Бог является продуктом выбора современного верующего* [7, с. 125–140]. На первое место выходят поиск, волевая устремлённость, последовательность, но никак не смирение и борьба со своей неспособной натурой. Умелая мимикрия псевдотрадиционализма позволяет не замечать, что его результатом является утончённое человекопоклонничество. Мало кто обращает внимание на то, что романтическая «ресекуляризация» некритически начинается на основе, созданной секуляризацией – на понятии «индивидуального ума», высвобожденного от «общей» религиозности и воспринимающего духовную жизнь как дело личное [27].

Превращение религии из *Закона* [28, с. 156], священного правила жизни в *мировоззрение*, систему ценностей и интеллектуальных принципов [29, с. 12], сдобриваемых ностальгическим или каким-либо иным чувственным фактором, – способ уничтожения традиционной религии, превращение её в нечто отличное от традиции, в нечто, допускающее произвольность восприятия и социальный активизм выражения. Для «больших» сообществ, тяготеющих к связи с государственными и надгосударственными властными системами, такое положение вещей мыслится как «плюрализация» [30], как обращение Церкви к массам, как «социальное служение», долженствующее «обратить» неверующих потребителей [31], если говорить с потребителями на их языке и подстраивать вероучи-

тельную и богослужебную стороны исповедания под нужды человека, закосневшего в Современности. С позиции конфессий малых – в особенности длительное время репрессированных и сдвигаемых на окраины Социального – такое положение вещей также неплохо, потому что позволит заявить о себе на равных правах с крупными и авторитетными конфессиями. Так впервые в истории секуляризации создаётся соблазн согласия духовных движений с «миром сим».

Современность, с точки зрения традиционализма, есть не просто период умаления Традиции или недостаточной чувствительности к ней. Современность (Модерн и Постмодерн) есть анти-Традиция, выстраивание принципиально противоположного Традиции смыслового поля, наполненного теми же формами, которые есть у Традиции: инициация, механизмы и институты трансляции, способы и формы фиксации, носители разного уровня. Но эти формы наполнены совершенно иным содержанием, которое нацелено на радикальный разрыв с Сакральным. В каждом отдельном абзаце, изъятom из Традиции, Современность проводит переворачивание смысла, постепенно превращая любую человеческую деятельность в инфернальную активность [32]. Рене Генон подробно описывал механизмы «инверсии» – инициации в Современность («идеал наизнанку» [33, с. 483]), проводимой посредством современных рычагов социализации и масс-медиа.

«В зрелой философии Генона инверсия рассматривается как всепроникающая черта современности. В то время как на самом деле все стремится к упадку, люди в безумии своем полагают, что наблюдают прогресс» [34, с. 24].

Современность никогда не вырывает человека из Традиции, чтобы бросить его в поле «здравомысленной» суеты, кропотливой «обычной» деятельности. Если человека просто вырвать из Традиции, но не инициировать в Современность, изначально прописанные в его сознании строки Традиции вновь начнут работать, и человек самостоятельно, «нечаянно», вернётся в Традицию. Современность создаёт комплексный «традициезаменитель» и тщательно работает над его поддержкой, стараясь включить в себя даже все попытки противостояния, сведя их на субкультурно-игровой уровень [35, с. 41].

По причине комплексности охвата Современностью – подобно Традиции – всех сфер жизни создаётся ощущение глобальной безвыходности, секулярного финала существования. Традиционалисты часто используют индусское понятие «Кали-Юга» для характеристики Современности как конечного этапа человеческой истории, в котором умаление повседневных элементов Священного взаимосвязано с опустошением и нарастающим хаосом во всех областях человеческой жизни, индивидуальной и социальной [36, с. 123; 37]. Всё, что этой пустотой порождено, делится на два рода: либо тиражирование беспорядочности и безумия, либо семиотическая ностальгия по состоянию полноты, завершённости, цельности. Но и вторая позиция, несмотря на свою притягательность для традиционализма, также очернена печатью распада, бессмысленности, апатии, несвязности. Потому истинный традиционализм может возникнуть только в среде, не разорвавшей связь с Традицией.

Мир Традиции есть мир преемственного предстояния перед Священным. Это мир естественный, минимально испорченный забвением и привычкой *бытового безбожия*. Это сакроцентричный мир, в котором бытие Горнего воспринимается естественнее, чем собственное бытие. По меткому выражению С.Г. Кара-Мурзы, человек Традиции ещё не утратил «естественный религиозный орган» [38, с. 234], его смысложизненные основания не разрушены, как у человека Современности.

Современность – это ширящийся социальный и духовный хаос. Разрастание хаоса предполагает динамичность не только участников Современности: эклектичных субкультур, гетто-общин, первертивных индивидов, но и сил, противостоящих хаосу [39, с. 208]. Также интеллектуальные и духовные антисовременные движения становятся подвижными, агрессивными, выстраиваются на негативной, отгородительной идентичности, непре-

станно изыскивая в истории сегменты, в меньшей мере затронутые секуляризацией, дабы использовать их как образцы. Так Постмодерн порождает консерватизм и фундаментализм, имеющие некоторое феноменологическое сходство с традиционализмом (как менталитетом), но не имеющие общности онтологической.

Традиционализм есть жажда реставрации и – более того – «проектирование должного уклада» [40, с. 95]. Он всегда оперирует не с ценностями, принципами, идеями, а с образом идеальной жизни. По выражению Шуона, человеческая природа сегодня настолько исказилась, что вовсе перестала быть человеческой, потому для современного сознания язык Традиции не может быть правильным/неправильным, это попросту *мёртвый* язык [41]. Человек Современности виртуализован, и для того чтобы привести современное якобы человеческое существо к метафизическим перспективам существования, необходимо предварительно проделать серьёзнейшую работу по восстановлению традиционного мышления. Без этой работы возрождения Традиции не состоится – осуществится лишь очередная игра этикетками. Собственно, в этой работе по восстановлению «царя в голове» и заключается традиционализм.

Для истинного традиционализма заветной целью является восстановление утраченного или замутнённого богообщения. Традиция не есть комплекс мер, символов, обрядов. Сами по себе, не наполненные Сакральным, эти формы – пустышки. Потому основной вопрос, который задают себе традиционалисты, но не задают фундаменталисты и консерваторы: «Наполнит ли забытое нами Сакральное восстановленные нами сосуды?» [42, с. 435]. В.В. Аверьянов пишет: «Если традиция перестает соответствовать своему подлинному происхождению, то она перестает быть традицией, становится некоей более или менее устойчивой тенденцией разрушения, а не формой созидательной преемственности» [43].

Заключение

Таким образом, традиционализм, не имеющей связи со Священным как основой Традиции (в силу объективных факторов или субъективной патологической неспособности современного человека), может стать самым эффективным средством уничтожения традиционности как типа мышления. Современный человек, оторванный от естественных условий бытия и перемещённый в киберпространство, вполне готов к ретропостмодернизму – переходу от Модерна в имитацию Традиции внешней стилизацией. Это и есть десакрализация в своём пределе, маскирующаяся под активнейшие гальванизационные религиозные процессы нашего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Товбин, К.М. Постмодернистская религиозность: традиционалистическое видение / К.М. Товбин // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 3. Общественные науки. – 2013. – № 1. – С. 210–222.
2. Kennedy, E. Secularism and its opponents from Augustine to Solzhenitsyn / E. Kennedy. – NY. : Palgrave Macmillan, 2006.
3. Жижек, С. К материалистической теологии / С. Жижек // Логос. – 2008. – № 4. – С. 55–66.
4. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Акад. Проект, 2010.
5. Бражникова, Я. Постмодерн как возвращение к традиции / Я. Бражникова // Правая.Ru [Электронный ресурс]. – 2004–2013. – Режим доступа : <http://pravaya.ru/look/2140?print=1>. – Дата доступа : 20.04.2013.
6. Schultz, K.M. Secularization : A Bibliographic Essay / K.M. Schultz // The Hedgehog Review: Critical Reflections on Contemporary Culture. – 2006. – Vol. 8. – P. 170–177.

7. Caputo, J.D. On religion / J.D. Caputo. – London : Routledge, 2001.
8. Casanova, J. Public Religions in the Modern World / J. Casanova. – Chicago : The University of Chicago Press, 1994.
9. Norris, P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide / P. Norris, R. Inglehart. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
10. Вевюрко, И.С. Пострелигиоведение и реальная политика. К дискуссии о «постсекулярности» / И.С. Вевюрко // Богослов.Ru [Электронный ресурс]. – 2007–2012 – Режим доступа : <http://www.bogoslov.ru/text/477051.html>. – Дата доступа : 20.04.2013.
11. Узланер, Д.А. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным / Д.А. Узланер // Континент. – 2008. – № 136 [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/u20.html>. – Дата доступа : 20.04.2013.
12. Вельш, В. Постмодерн. Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – №. 1. – С. 109–136.
13. Дугин, А.Г. Археомодерн / А.Г. Дугин // Арктогея. Философский портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.arcto.ru/article/1472>. – Дата доступа : 06.03.2013.
14. Дугин, А.Г. Пост Модерн? / А.Г. Дугин // Арктогея. Философский портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://arcto.ru/article/549>. – Дата доступа : 06.03.2013.
15. Кыржелев, А.И. Постсекулярная эпоха / А.И. Кыржелев // Континент. – 2004. – № 120 [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html>. – Дата доступа : 20.04.2013.
16. Smith, H. The Soul of Christianity: Retrieving the Great Tradition / H. Smith. – NY. : HarperCollins Publishers Inc., 2005.
17. Морозов, А. Четвёртая секуляризация / А. Морозов // Русский Архипелаг [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/religio-sekulario/four-secularization/>. – Дата доступа : 20.04.2013.
18. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 92–118.
19. Кокс, Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в геологическом аспекте / Х. Кокс. – М. : Восточная литература, 1995.
20. Дугин, А.Г. Радикальный субъект и метафизика боли / А.Г. Дугин // Against Post-Modern World [Электронный ресурс] – 2011 – Режим доступа : <http://against-postmodern.org/dugin-radikalnyi-subekt-i-metafizika-boli>. – Дата доступа : 05.04.2013.
21. Головин, Е.В. Вокруг да около неистинных горизонтов / Е.В. Головин // Евгений Головин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://golovinfond.ru/content/vokrug-da-okolo-neistinnyh-gorizontov>. – Дата доступа : 20.04.2013.
22. Налетова, И.В. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности / И.В. Налетова // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 130–136.
23. Cutsinger, J.S. An Open Letter on Tradition / J.S. Cutsinger // Modern Age. – 1994. – P. 6–8.
24. Милбанк, Дж. Светскость имеет тоталитарные наклонности / Дж. Милбанк // Русский журнал [Электронный ресурс] – 1997–2012 – Режим доступа : <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovestka/Svetskost-imeet-totalitarnye-naklonnosti>. – Дата доступа : 20.04.13.
25. Griffin, D.R. Primordial Truth and Postmodern Theology / D.R. Griffin, H. Smith. – NY. : State University of New York Press, 1989.

26. Taylor, Ch. *A secular age* / Ch. Taylor. – Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2007.
27. Иларион, епископ Венский и Австрийский. Христианство перед вызовом воинствующего секуляризма / Епископ Венский и Австрийский Иларион // Митрополит Иларион (Алфеев). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hilarion.ru/2010/02/25/1044>. – Дата доступа : 20.04.2013.
28. Berger, P.L. *Questions of Faith: A Skeptical Affirmation of Christianity* / P.L. Berger. – Oxford : Blackwell Publishing, 2004.
29. Chadwick, O. *The Secularization of the European Mind in the Nineteenth Century* / O. Chadwick. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
30. Рормозер, Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста / Г. Рормозер // Вопросы философии. – 1991. – № 5. – С. 75–87.
31. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – 2005–2013. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>. – Дата доступа : 12.03.2013.
32. Кумарасвами, А. Кто такой «Сатана» и где находится «ад»? / А. Кумарасвами // Волшебная гора. – 2006. – № 12. – С. 17–29.
33. Генон, Р. Царство количества и знамения времени / Р. Генон // Кризис современного мира. – М. : Эксмо, 2008. – С. 443–712.
34. Sedgwick, M. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century* / M. Sedgwick. – Oxford : Oxford University Press, 2004.
35. Дебор, Г.-Э. Общество спектакля / Г.-Э. Дебор. – М. : Логос, 2000.
36. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде // Космос и история : избранные работы. – М. : Прогресс, 1987. – С. 27–145.
37. Quinn, W.W. *The Polemics of Parusia: Further Notes of the First Days after the End of the Kaliyuga* / W.W. Quinn // Sacred Web. – 2000. – Vol. 5. – P. 57–69.
38. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2004.
39. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008.
40. Аверьянов, В.В. Преодоление доктрины «светского государства» / В.В. Аверьянов // Северный Катедрон. – 2005. – № 1. – С. 93–121.
41. Schuon, F. *Tradition and Modernity* / F. Schuon // Sacred Web : A Journal of Tradition and Modernity [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : http://www.sacredweb.com/online_articles/sw1_schuon.html. – Дата доступа : 20.04.2013.
42. Эвола, Ю. *Оседлать тигра* / Ю. Эвола. – СПб. : Владимир Даль, 2005.
43. Аверьянов, В.В. О «синтезе» православной идеологии / В.В. Аверьянов // Православие.Ru [Электронный ресурс]. – 1999–2013. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/syntez.htm>. – Дата доступа : 20.04.2013.

Tovbin K.M. Tradition and the Present Religious Galvanization

In the article the reasons and the course of present process of galvanizing of religions and spiritual traditions are considered. Being based on methodology of Traditionalist school, the author formulates post-religion definitions as the imitating activity reducing traditional spirituality on a flat scale of virtual simulation. The process called by modern sociologists re-secularization and post-secularization, at a mental level is the highest form of desacralization consisting of the outcome from the humanistic program of the Modernity not in Tradition (which overcoming saw the Modernity), but in its stylistic imitation creating possibilities for infinite game interpretations. The mental mechanisms which were born in traditional spirituality are thus used at the level of brands pulling together the valid traditionalism with a pseudo-traditionalism. Passing to the virtual plane, traditional spirituality loses its vertical measurement, becoming egocentrically selective, and gains exclusively relaxation, secular character.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.05.2013

УДК 130.2 + 141.3

В.Н. Даренская

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается специфика переживания и культурного освоения времени в традиционной культуре в двух ее вариантах: языческой и христианской. Показан ритуально-символический характер освоения времени в качестве символа вечности в этих культурах, а также различные сочетания в нем принципов цикличности и линейности. Сформулирован базовый смысл времени в этой культуре, который состоит в приобщении человека к архетипическим первоначалам бытия. Главной экзистенциальной ценностью опыта времени традиционной культуры для современного человека является умение соотносить случайность и текучесть жизненных событий с неизменным и устойчивым смыслом, укорененном в метафизических основаниях культуры.

Восприятие времени представляет собой существеннейший аспект картины мира, и разные культуры обладают собственным пониманием времени. Категория времени как части пространственно-временного континуума – одна из основных «осей координат» и в мире культур. В работах культурологов обычно рассматриваются две концепции времени, сменявшие одна другую: одна считается характерной для традиционной культуры, другая – для современной. Кроме того, типы времени обычно дихотомически разделяют на мирское и ритуальное; на объективное и субъективное; на циклическое и линейное; на абстрактное и содержательное; на естественно-научное и социальное. В настоящее время существует устоявшаяся традиция изучения специфики переживания и культурного освоения времени в традиционной культуре – языческой и христианской. Начиная с работ Б. Малиновского, Р. Отто и К. Леви-Стросса, рассматривавших структуры времени в традиционных культурах как функцию мифологических сюжетов, сложился особый аналитический подход, вскрывающий мифологические формы времени, выходящие за рамки его обыденного, привычного переживания. Однако теперь этот подход требует дальнейшего усложнения в направлении исследования мировоззренческих функций времени. В этом направлении уже работал целый ряд исследователей в последние десятилетия, в частности, М. Элиаде, Р. Итс, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич [8]. Актуальность исследования специфики понимания и переживания времени в традиционных культурах как *мировоззренческого* феномена обусловлена *девальвацией опыта времени* в современной секулярной культуре. Восприятие времени в рамках техногенной цивилизации является хаотичным и малосодержательным: в нем соединяются, с одной стороны, простая линейность внешнего, «объективного» времени, заполненная потоком случайных событий, а с другой – столь же хаотическими «скачками» субъективного, «внутреннего» времени. В этом контексте феноменология (т.е. анализ смысловой структуры) времени, как оно переживалось и понималось людьми традиционных культур, может служить ценным источником экзистенциального опыта для современного человека.

В данной статье ставится цель проанализировать основные компоненты феноменологии времени в рамках традиционных культур с целью определения его мировоззренческого смысла – такого смысла, который сохраняет свою ценность и для современного человека как особый источник его культурного опыта, находящийся в глубокой традиции. Эта цель предполагает решение двух основных задач: рассмотрение эмпирических фактов переживания времени в традиционных культурах; анализ смысловых структур культурного освоения времени в этих культурах.

Первоначальное представление людей о времени связано с неизменным чередованием дня и ночи, сезонов, фаз жизнедеятельности организма (детство – молодость – зре-

лость – старость), а также со сменой поколений. Такое понимание отразилось в русском словообразовании: «время» – от «веремья» (коловращение, нечто, что вертится, вращается). Прошлое и будущее не были жестко отделены от настоящего. Давно умершие предки соучаствовали в жизни, с ними можно было «общаться» в обрядах. Вполне возможным считалось появление людей, во всем подобных своим предкам – «передаются родовые традиции, семейные святыни и могилы предков, родовые имена, а вместе с ними и качества этих предков» [9, с. 25]. В будущее можно было заглянуть в вещем сне или с помощью прорицателей.

Именно с ритуальными циклами было связано мифологическое время. Люди постоянно воспроизводили и повторяли поступки, совершенные в мифологическом прошлом культурным героем, предком. В системе представлений традиционной культуры существенным условием, от которого зависел успех в работе, считался правильный выбор ее начала, связанный не столько с прагматическим, сколько с символическим аспектом, реализующим универсальную идею «начала». Существует ритуально маркированное время как один из способов воспроизводства модели мира в его кризисные моменты. В пространстве этой культуры оно структурировано в параметрах абсолютного и относительного времени. Абсолютное время состоит из трех вертикальных «срезов»: 1) первоначальное, прошлое – время творения; 2) настоящее, в котором находится носитель модели мира; 3) будущее, к которому отнесен конец света и начало творения следующего мира. Относительное время тем самым оказывается неким актуальным «посредником» между этими «срезами», каждый раз являя их взаимодействие в конкретных событиях жизни. Таким образом, традиционная культура «оперирует нелинейными параметрами времени... Сама история воспринималась как вторичное воспроизводство социально-экологического архетипа (собирающегося и распадающегося семейного единства в облике сакрализованного родового тела, только в более крупных, нежели годовой цикл, временных масштабах) и социальности как всеединства в образе священного царства, вмещающего народы» [4, с. 95]. Это отражено в древнегреческом языке, в котором слово *οπισθεν* одновременно означает и «позади», и «в будущем». В отличие от нас греки видели прошлое перед собой, а будущее считалось позади. Греки «воспринимали себя неподвижными, а время как бы надвигалось на них сзади и уходило в прошлое, куда они были обращены лицом» [5, с. 6]. Этим определялся и особый психологический «фон» восприятия эпического времени. Как отмечал А.Ф. Лосев, «при всей этой эпической пестроте и непоследовательности у слушателя и читателя «Илиады» возникает неизменное чувство внутреннего спокойствия, уравновешенности и художественной удовлетворенности, объяснимые только тем, что перед нами все же остается прежнее мифологическое время, хотя и показанное с помощью изображения героических подвигов и окружающих всякого эпического героя бесконечного неустройства и обеспокоенности человеческого существования. Отсюда вытекает, что эпическое время есть все то же самое мифологическое время, но с показом всякого неустройства и пестроты жизни, без чего невозможны были бы и сами подвиги эпического героя. Эпическое утешение, эпическое спокойствие, эпическая бесстрастность являются прямым результатом именно этой всеобщей пестроты и дисгармоничности, покрываемых такой же бесстрастностью мифологического времени» [7, с. 44].

Еще при господстве циклической концепции времени постепенно складывался подход, определяющий временные отрезки продолжительнее одного цикла – линейная концепция времени («отмеренное» время). Счет циклов, особенно крупных, постепенно приводил к формированию линейного представления о времени. Время как бы выпрямлялось, его начинали представлять в виде длинной линии, пути. Вращающееся колесо как бы отпечатывалось в виде прямой колеи. Все события теперь располагались на этой линейной шкале времени, и любые промежутки между ними могли быть измерены. Так,

от падения Трои до первой Олимпиады «немногим более 400 лет» (и более точно: по Сосибью – 345, по Эратосфену – 407, по Тимею – 417, по Эрету – 514) [5, с. 7]. Линейная концепция времени впервые четко выступает в Средневековье. В этой концепции (в отличие от циклической) время имело начало (Сотворение) и будет иметь конец (светопредставление, Второе пришествие Христа) и таким образом противопоставляется вечности. В такой концепции вечность находится по ту сторону обозримого линейного времени: утерянное счастливое прошлое и блаженное будущее (оба как бы вне времени) обладают большей ценностью, чем бренное настоящее. Мы и сейчас называем «временным» все непостоянное.

В финалистской концепции природные циклы как меры времени приобретают мистическую связь с событиями, падавшими на эти отрезки, и с самими числами. Эти отрезки замкнулись и стали как бы уменьшенными конечными моделями большого конечного времени. Поскольку в Европе привилась десятиричная система счисления, столетие и тысячелетие превратились в стандартные отрезки, и история стала распадаться на них. У Блаженного Августина будущее царство Небесного Иерусалима (после Второго пришествия Христа и Судного дня) рисовалось как тысячелетнее. Нынешнее царство земной юдоли и скорби тоже рассматривалось как тысячелетнее и отсчитывалось, разумеется, от Рождества Христова. Августин жил в V в., так что до Конца Света еще было время. Не наступивший по истечении тысячелетнего срока Конец Света стали откладывать до полутора тысяч лет. Лютер ожидал, что, хотя Конец Света рассчитан на 2000-й год, людские грехи навлекут Божий гнев раньше – ближе к 1500-му году. «Последний день уже у ворот, и я верю, что мир не просуществует и сотни лет», – писал он [5, с. 8]. Словом, от круглых дат ждали катастрофы, рубежа эпохи, конца жизни. Когда гуманист Флавио Бьондо в XV в. в труде «Три декады истории от падения Римской Империи» впервые выделил то, что позже будет названо средневековьем, он отвел этому периоду тоже ровно тысячу лет – до 1440 г.

В рамках христианской культуры общие принципы освоения времени в традиционных культурах приобрели особую спецификацию. Как писал М. Элиаде, «уже *по одному тому, что христианство есть религия*, оно должно было сохранить элементы мифологического поведения, сохранить по крайней мере литургическое время, то есть периодическое восстановление *illud tempus*, «истоков», «начала» [10, с. 160]. Принцип полагания *сакрального начала времени* – при том, однако, что это время теперь мыслилось как *новое* по отношению ко времени «ветхому», то есть до воплощения Сына Божия, – состоял в том, что «для христиан всех конфессий центром религиозной жизни является драма Иисуса Христа. Имевшая место как историческое событие, эта драма сделала возможным спасение. Следовательно, есть только один способ обрести спасение: ритуально воспроизвести, повторить эту драму, высший ее образец, каковым являете жизнь и учение Иисуса» [10, с. 160].

Именно здесь и происходит фундаментальная трансформация структуры сакрального времени. «Хотя, – отмечает М. Элиаде, – литургическое время является циклическим временем, христиане, как верные наследники иудаизма, признают тем не менее линейное время истории: мир был сотворен единожды, и у него будет один конец. Воплощение произошло в истории единожды, и Страшный суд тоже произойдет один раз» [10, с. 160]. Эта фундаментальная трансформация структуры сакрального времени позволяла тем не менее свободно использовать и «воцерковлять» практически любую традиционную символику разных культур, связанную со смысловым освоением и сакральным переживанием времени. «Отцы Церкви «христианизировали» символы, ритуалы и мифы Азии и Средиземноморья, связав их со «священной историей», которая, естественно выходила за рамки Ветхого Завета и включала теперь Новый Завет, послания апостолов, а позднее и жития святых. Какое-то число космических символов – вода, де-

рево, виноградная лоза, плуг, топор, корабль, колесница и т. д... – легко могли быть интегрированы в теорию и практику Церкви, приобретя сакральный или еклесиологический смысл» [10, с. 161]. Тем самым можно сказать, что в христианстве любое время по своей сущности является именно *литургическим* – не только время внутри литургии как главного богослужения, но и время Истории (поскольку центр мировой истории – Боговоплощение), и «внутреннее» время духовного самоопределения личности, центром которого является встреча со Христом, а его «двигателем» – путь души ко Христу.

Если в архаических обществах время воспринималось как циклическое, как «вечное возвращение», если в системе ценностей античных обществ наиболее значимым было прошлое, и они «двигались вперед с головой, повернутой назад», то христианство, опираясь на ветхозаветную концепцию времени, ориентированную на будущее, на ожидаемый приход мессии, вместе с тем радикально ее перестроило, придав времени новую специфическую структуру. Время линейно растянуто между началом – сотворением мира и финалом – Вторым пришествием и «исполнением времен», но оно уже прошло свою кульминацию – рождение Христа, его проповедь и крестную муку. Время ветхозаветное «представляет собой, согласно церковному учению, префигурацию времени новозаветного. Соответственно, история народов и монархий, равно как и жизнь каждого индивида, разворачивается в контексте всемирной истории спасения. Эпоха после Христа – завершающая эпоха истории; время «стареет» и близится к концу, люди живут в «последние времена». Но эта история «Града земного», реализующаяся во времени, протекает на фоне вечности, в которой пребывает «Град Божий», и соотносена с ней» [2, с. 96]. Ориентация на прошлое, на старину характерна и для средневекового сознания. Даже вводя новшества, люди этой эпохи зачастую были склонны осознавать их как восстановление уже бывшего прежде. Им вовсе не было чуждо стремление к изменению и обновлению, но эти новации «осмыслились ими в качестве реставрации, нахождения былого, возобновления того, что уже было проверено опытом и увековечено традицией» [2, с. 100].

Коренные установки Средневековья относительно времени определялись тем, что «были заданы рамки разворачивания времени – от сотворения мира в течение семи дней и вплоть до «конца времен», ожидаемого после второго пришествия Христа и Страшного суда» [2, с. 96]. Но эта фундаментальная особенность средневекового восприятия времени, по точному определению А.Я. Гуревича, «слияние библейского времени с временем собственной жизни», свидетельствующая об «антиисторизме» средневекового мышления (в нашем понимании историзма), вместе с тем яснее всего обнажает его принципиальную, неустранимую историчность. В самом деле, человек ощущает, осознает себя сразу в двух временных планах: в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий – сотворения мира, рождества и страстей Христовых. *Быстротечная и ничтожная жизнь каждого человека проходит на фоне всемирно-исторической драмы, влетает в нее, получая от нее новый, высший и непреходящий смысл*» [3, с. 153–154].

Но этим же обстоятельством, как ни парадоксально, определяется и крайне высокая оценка именно *земного* времени, которую можно встретить у средневековых мыслителей: так, например, Бернар Клервоский говорил: «Нет ничего драгоценнее времени». Разумеется, этот мистик и теолог превозносил время в качестве срока, отпущенного человеку для спасения души. Изображения *смерти* в виде скелета, держащего в руке песочные часы, были глубоко символичны» [2, с. 100]. Время земной жизни *бесконечно ценно*, ибо оно есть время спасения, время, отпущенное для упражнения в вере и добродетелях, это время борьбы с грехами, покаяния и стяжания благодати Божией.

Именно поэтому, как писал Ж. Ле Гофф, «думали, что время – дар Божий – не может быть предметом торговли. Исходя из этого, осуждался ссудный процент» [6, с. 33]. (Отметим, правда, что ссудный процент осуждался и запрещался решением Вселенского

собора в первую очередь не поэтому, а потому, что получение денег по проценту, без вложенного труда, понималось как воровство). В свою очередь, новое представление о времени – времени как бескачественного исчисляемого промежутка, который можно заполнять чем угодно, – отмечает Ж. Ле Гофф, «формируется в середине XII в. также и в художественной литературе, в частности в куртуазном романе, где время составляет основу рассказа, включающего многочисленные эпизоды и неожиданные сюжетные повороты» [6, с. 33]. Такое время – уже результат секуляризации, выход за рамки сакрального понимания времени.

В связи с секуляризацией понимания времени возникают интересные трансформации смысла слов. В частности, слово «революция» (revolution) появляется во французском языке в конце XII в. и в средние века употребляется как астролого-астрономический термин, явно соотносимый с буквальным значением латинского «revolutio» (revolver) – «откатывание назад», «круговорот»... В таком смысле его использовал Коперник в названии своей работы «De revolutionibus orbium coelestium» («Об обращениях небесных сфер») [1, с. 62]. И когда слово revolution было использовано публицистами в эпоху Английской революции XVII столетия в качестве «астрономической» метафоры происходящих событий, то оно тоже обозначало именно попытку «возвращения» – во времена древней справедливости. Здесь явно еще вполне циклическое, «ритуальное» понимание исторического времени. Но вот уже в эпоху Французской революции конца XVIII столетия это значение полностью забыто, и отныне revolution – это только линейный, секулярный «прогресс».

Это новое, секулярное время «прогресса», время как бескачественный исчисляемый промежуток, который можно заполнять чем угодно, радикально отличается от времени традиционных культур, хотя оно и зародилось в их недрах. Как пишет В. Вжозек, способ построения повествования «history», родствен способу построения «story», «корни и того и другого по крайней мере в Ветхом Завете... Для него характерно, во-первых, ощущение времени, текущего из прошлого в будущее через настоящее, во-вторых, единственный подход к событиям, в-третьих, предположение причинных связей между соседствующими в рядах событиями» [1, с. 63]. Однако *такое* время, в силу своей содержательной случайности, не может удовлетворять высшие запросы человеческого духа, для которого в его *подлинном* времени всегда должна «просвечиваться» Вечность, присутствовать сакральное. Поэтому современная культура и современный человек, исчерпав пустоту секуляризации, ищет иной смысл времени в насущном для нас опыте традиционных культур.

Краткий анализ поставленной нами проблемы позволяет сделать следующие обобщающие выводы: 1) в традиционной культуре освоение времени имеет ритуально-символический характер, выполняя функцию приобщения человека к архетипическим первоначалам бытия; 2) диалектика цикличности и линейности в этом типе времени определяет его метафизический смысл; 3) экзистенциальной ценностью опыта времени традиционной культуры для современного человека является умение соотносить случайность и текучесть жизненных событий с неизменным и устойчивым смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вжозек, В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» / В. Вжозек // Одиссей. Человек в истории. 1991. – М. : Наука, 1991. – С. 60–74.
2. Гуревич, А.Я. Время / А.Я. Гуревич // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 96–100.
3. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

4. Домников, С.Д. Феноменология идентичности русских: традиционное самосознание и пространство / С.Д. Домников // Проблемы российского самосознания / Ин-т философии; редкол. : М.Н. Громов [и др.]. – М. : ИФРАН, 2007. – 90–95.
5. Клейн, Л.С. Концепции времени в традиционной культуре / Л.С. Клейн // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб. : Лань, 1999. – С. 3–11.
6. Ле Гофф, Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в Истории. 1991. – М. : Наука, 1991. – С. 25–47.
7. Лосев, А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев. – М. : Наука, 1977. – 208 с.
8. Мелетинский, Е.М. Время мифическое / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М. : Рос. Энцикл., 1997. – Т. 1. – С. 252–253.
9. Назаренко, Ю.А. Время в контексте славянской традиционной культуры / Ю.А. Назаренко // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб. : Лань, 1999. – С. 25–30.
10. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Парадигма, 2005. – 224 с.

Darenska V. Phenomenology of Time in Traditional Culture

The author considers the problem of existential and worldview specifics of time experience in traditional culture. In the article the specific of experiencing and cultural mastering of time is examined in a traditional culture in two variants: pagan and christian. Sacral-symbolic character of mastering the time is interpreted as character of eternity in these cultures, and also different combinations of its principles of recurrence and linearity. The main sense of time is formulated in this culture, which consists of attaching of man to archetypical base of life.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.07.2013

УДК 7.01:7.044

*А.А. Гоцалюк***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ
В ТЕАТРАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ**

В статье проанализированы особенности взаимодействия традиций и новаций в театрально-драматическом искусстве, неотрадиционные тенденции его развития. Рассматривается эволюция театральных традиций со времен Ренессанса до настоящего времени. При этом уважение к традициям и соблюдение их является необходимым условием успешного развития театральной культуры как неотъемлемой составной национальной культуры. Новация должна пройти определенную проверку временем, чтобы стать впоследствии традиционным достоянием профессионального театрального искусства. Обосновывается положение о том, что взаимодействие традиций и новаций является важным, определяющим фактором развития театрального искусства, так как способствует поиску новых средств выразительности и успешному выполнению функций театра – воспитательной, просветительской, эстетической, культурологической и др. Анализируются процессы изменения политической и религиозной ситуации в Украине с конца XX столетия, которые привели к распространению основ религиозного мировоззрения традиционного и неортодоксального направлений, возрастанию роли церкви в пропаганде религиозно-исторических тем, религиозного искусства, памятников религиозной архитектуры и т.п. Выявляются неотрадиционалистские тенденции в развитии мифологических проекций современной драмы как пример мифоцентрического дискурса современного драматического жанрового моделирования и возвращения современности к начальному образцу. В связи с демократизацией национальной художественной жизни и интеграцией театра в мировой театральный процесс в статье упоминаются симптомы, угрожающие сценическо-театральной деятельности: закомерциализированность театральных режиссерских находок, нетерпимое отношение некоторых режиссеров-авангардистов к традиционному театру. Тем не менее, образцы современной классической драматургии свидетельствуют о сохранении классического театрально-драматургического наследия для следующих поколений украинцев.

Традиция и инновация являются главнейшими факторами развития всех видов человеческой деятельности, в частности искусства. Зримо представляется динамика этого процесса на примере эволюции украинского национального театра. С профессиональной точки зрения первым наиболее оформленным видом театральной культуры в Украине можно считать школьный театр XVII – первой половины XVIII ст. – важный культурный феномен эпохи, который в значительной мере сконцентрировал художественные особенности, присущие культуре барокко. Это были преимущественно религиозные спектакли, где немалую роль играла музыка, а также пение – как сольное, так и хоровое.

В эпоху барокко обрамление стало артефактом и приобрело большое значение и в светском, и в сакральном искусстве. Рама свидетельствует о целостности произведения, которое в то время было всегда многосложным. Например, рама картины занимала иногда больше места, чем само изображение, вбирая в себя основные символы эпохи. Книга также имела рамочную конструкцию из предисловия и послесловия. Мистерии и моралите в театре могли выполнять роль рамы по отношению друг к другу, равно как раму пьесы организует пролог и эпилог [16, с. 61].

Совсем неслучайно в интермедиях финалом сюжета было последнее путешествие грешников, которое выявляло связи этого мира с потусторонним. Но в школьном театре наблюдалось нарушение границ серьезного и смехового миров, которые жестко охранялись до этого времени в восточнославянской культуре. Комическое концентрировалось в интермедиях, построенных в духе народных традиций. Согласно правилам поэтики школьного театра комическое передавалось на сцене бесчисленными потасовками, обманом, столкновениями. Интермедии в упрощенной форме объясняли зрителям о вреде пьянства, игры в карты, праздности.

Особенности дальнейшего развития украинской культуры (в частности) театральной, и выбора европейского пути или собственного фольклорно-этнографического традиционализма всегда волновали представителей украинской национальной элиты: М. Вороного, Б. Гринченко, Г. Драгоманова, П. Кулиа, Леси Украинки, И. Франко, позднее Г. Зерова, М. Хвылевого и др.

Обострение этой проблемы происходит в начале XX ст. в связи с возникновением творческого объединения «Молодая муза» (Львов, 1906 г.) нового поколения украинских художников В. Бирчака, П. Карманского, Б. Лепкого, В. Пачовского, С. Чарнецкого, М. Яцкива и др. Деятельность этого объединения была направлена на поиск современных европейских средств изображения своеобразия жизни украинцев и вызвала на страницах газет «Слово», «Рада», «Украинский дом» и др. первые театральные дискуссии [2, с. 242].

О кризисе украинского театра писал выдающийся украинский историк и теоретик театра Д. Антонович, констатируя: «Украинский бытовой театр довольно быстро оказался в позиции старого театра, в котором еще блистали большие таланты, но который для следующего поколения зрителей потерял характер современного театра, в котором можно было бы услышать новое слово театрального искусства. ...Между этой частью общества и театром стал возникать определенный диссонанс. Новые времена требовали новых песен» [1, с. 192–193].

В наше время вопрос взаимодействия традиций и новаций в театрально-драматическом искусстве рассматривают как украинские, так и зарубежные исследователи: Г. Дедордиева, Т. Зиновьева, Н. Корниенко, В.Н. Харук, Г. Юрковский и др., – которые анализировали эволюцию традиций театрального искусства от его истоков до неотрадиционализма современного театрально-драматического искусства. Несмотря на наличие ряда научных работ по указанной проблеме, в украинском искусствоведении и культурологии до сих пор недостаточно комплексных исследований по особенностям взаимодействия традиций и новаций в театрально-драматическом искусстве. Именно этим и обусловлена цель исследования – проанализировать феномен взаимодействия традиций и новаций в театрально-драматическом искусстве.

Вообще о возникновении украинского театра можно говорить со времен Ренессанса. Так, известные скоморохи сначала играли спектакли для князей и бояр, а лишь потом странствовали по городам и селам. Последние упоминания о скоморохах встречаются в XVI ст. Были в Украине и комедианты, которые, играя на инструментах и исполняя песни в жанре баллады, как правило, сопровождали их жестикуляцией и мимикой.

Все виды театральных спектаклей эпохи Средневековья (мистерии, миракле, моралите) были быстро усвоены украинскими братскими и другими школами. Мистерию, изгнанную из храма, заменила духовная драма, которая практиковалась и в низших школах. Потеряв свое первоначальное содержание, она приобрела в своем характере новую педагогически-пропагандистскую окраску. В иезуитских коллегиях презентовались прекрасные театральные постановки с латинскими стихотворными пьесами (Каменец-Подольский иезуитский коллегийум).

Для украинского вертепа традиционно характерна импровизация с использованием широкого комического репертуара. Смехом политическая сатира разоблачала как церковных, так и светских вельмож, выводя на сцену негативные персонажи, которые их олицетворяли. Сказочный мир драматического спектакля на основе народной поэзии нередко сменялся комическими бытовыми сценами [12, с. 292].

Первоначально вертеп, бесспорно, повлиял и на творчество И. Котляревского, открывшего новые художественные возможности эпохи украинской драмы. С ее расцветом украинский театр приобретает новые формы и новое содержание. Первоначально украинский репертуар ограничивался произведениями И. Котляревского, Г. Квитки-Ос-

новьяненко, В. Гоголя (отца Н. Гоголя), А. Ващенко-Захарченко, позднее – Т. Шевченко, И. Кухаренко, Е. Стороженко, Г. Костомарова и др. Долго в истории Украины не было постоянного профессионального театрального центра, а произведения на украинской сцене ставили театральные любители или же частные труппы богатых помещиков (Д. Трощинского, Д. Ширая), странствующие польско-украинские труппы, в частности, П. Рикановского, Л. Молотковского, Ю. Жураковского и М. Щепкина.

Театр перестает быть школьным, а становится крепостным или городским, «бродячим». В начале XVIII ст. просвещенную шляхту уже не удовлетворяли узкие рамки вертепа. В больших магнатских имениях: Тульчин, Изяслав, Минькивцы, Меджибож – создаются первые частные театры. В конце XVIII ст. украинцы познакомились театром европейского образца (украинским его можно было назвать лишь условно): в Харькове ставили российские спектакли (в 1789 г. в Харькове был построен постоянный театр, его возглавил Г. Квитка-Основьяненко [20, с. 120]), в Каменец-Подольском – польские.

В конце XIX – в начале XX стст. выдающиеся представители украинской культуры пытаются качественно обновить театральное искусство путем обогащения его репертуара произведениями украинских писателей: Леси Украинки, В. Винниченко, О. Олеса, украинской переводной драматургией. Это же время примечательно созданием новых театральных коллективов, организацией первых театральных школ.

Предложив новую модель развития нового театра, Лесь Курбас тотально выступал против традиционного украинского театра. Он признавал, что «Карпенко-Карый, Кропивницкий, Старицкий дали нам такие ценности, которые свою публику будут иметь всегда» [10, с. 194], но вместе с тем считал традиционный украинский театр следствием антиукраинского режима: «Это недодуманная мысль, недотянутый жест, недоношенный тон. Никакой культуры жеста, слова, стиля. Поэтому хотим создавать новые ценности» [10, с. 195–197]. Деятельность «Молодого театра», затем «Кийдрамтеатра» и «Березиля» показала Л. Курбаса талантливым реформатором театрального дела, автором концептуального театра, каноны которого соблюдались при формировании сценического репертуара, актерской игры, сценографических решений.

Новая театральная эстетика Л. Курбаса не была воспринята корифеями украинского театра Г. Садовским и П. Саксаганским, которые называли его театральные эксперименты трюкачеством и «курбалесией». На защиту украинского традиционного театра выступили Я. Мамонтов, начавший эту дискуссию, И. Туркельтауб, Ю. Смолич и др. [2, с. 243]. Они считали, что любовь зрителя к традиционному бытовому театру свидетельствует о неисчерпанных его возможностях. Такой театр с большим количеством актеров старой традиционной школы имеет право на функционирование, будучи эффективным средством воспитания зрителя, которое не следует начинать «футуристическими увертками, не всегда понятными и рафинированному интеллигенту» [19, с. 373].

Сфера духовной культуры 1920-х гг. представлена пестрой палитрой художественных сил. Функционирование старой элиты в годы гражданской войны вылилось в антибольшевистскую политическую деятельность. Активно вела культурную деятельность вузовская молодежь, создавая вокруг наболевших проблем атмосферу творческого энтузиазма. Характерной особенностью умонастроения молодых культурных сил была непрочная связь с традицией, острая потребность поиска качественно новых форм жизненного поведения и мировоззренческих ценностей. Указанной исторической эпохе были присущи пренебрежение к условностям, демонстративная простота поведения, обостренная потребность в создании невиданных ранее художественных форм.

В России кризис символизма в конце 1910-х гг. вызвал интерес к художественно-театральной специфике. Отчасти заинтересованный тон в обсуждении проблемы задали сами театральные теурги. А. Белый, по его словам, в это время из «тактических» соображений защищал традиционную эстетику, дифференциацию и специализацию в искусст-

ве [4, с. 38]. Под зрелищностью стали понимать живописность. Аплодисменты при виде декорации, сразу после поднятия занавеса, были обычным делом в театре, но, по воспоминаниям современников, они не всегда повторялись в конце действия. Театральные критики призывали режиссера или вырваться из этого плена, или полностью передать декоратору свои функции, раз уж тот одинаково «помогал режиссировать пьесы и самостоятельно их режиссировал, давал темы либреттистам, в рисунках для костюмов задавал ритмы танцев для балетмейстеров» [17, с. 2].

В дягилевской антрепризе М. Рерих выступал не только оформителем, но и либреттистом «Весны священной». «Театр давно осознал необходимость обращаться к художникам для того, чтобы они руководили постановкой. Ведь любой спектакль – это ряд картин, непрерывно меняющих друг друга, а раз это так, то ясно, что эти картины должны быть созданы художником, ...пора, в конце концов, осуществлять это на самом деле», – говорил он в период постановки «Пер Гюнта» в Художественном театре [13, с. 42]. Желание расширить свои полномочия М. Рерих объяснял ностальгией по «золотому веку» коллективного творчества, когда представители разных искусств не чувствовали себя оторванными друг от друга. Такое заявление в период, когда одни запрещали театр, другие – литературу, третьи – живопись, свидетельствовало о том, что не для всех прошло время мечтаний о синтезе, мистерии и наставничестве.

Театральные деятели в один голос заговорили о необходимости «отеатральной театр» (А. Кугель), провести «театрализацию театра» (А. Таиров), провозглашали «апологию театральности» (Н. Евреинов), «культ каботинажа» (В. Мейерхольд).

Наиболее последовательно программа «театрального традиционализма» воплощалась в Старинном театре, специально созданном для демонстрации театральности и театральных стилей разных эпох. В 1910-е гг. критики обратили внимание на очень важный недостаток современного процесса постановки спектаклей. Ставились в основном пьесы классических авторов, в то же время постановщики не брали во внимание существование классического театрального искусства, им «и в голову не приходила мысль о каком-то искусстве театра, отличном от искусства поэта» [3, с. 120]. В Старинном театре классикой пытались возродить манеру сценической игры, ранее восхищавшую ее современников. Поэтому литературные достоинства драмы в Старинном театре никого не волновали.

Постепенно художественное значение постановок Старинного театра выходит за рамки просто театрального предприятия, породившего старинный театр-стиль, стремительность распространения которого в 1910-е гг. не остановили даже революционные события в России. «Исполнители натурально изображают не самих действующих лиц, а актеров Гоцци, – писал М. Кузмин о вахтанговской «Принцессе Турандот» [9, с. 15]. «Театр в России в 1672 году» – под таким названием Александринский театр ставит ряд сценических иллюстраций давней старины, когда в московском государстве лишь пробились первые ростки театрального искусства», – информировала в 1919 г. газета «Жизнь искусства» [18].

Художникам и поэтам в театре представилась модель мира, мир же воплотился в театре, где люди были актерами и зрителями, а режиссером – сам Господь Бог, сцена представляла Вселенную. Таким образом, считает Л. Софронова, театр «отображал мир в целом, человеческую жизнь, прихоти судьбы, недолговечность земного существования. Он был источником, к которому постоянно обращались мастера других искусств, литературы, архитектуры, живописи. Поэтому литературные произведения приобретали признаки театральности, строились таким образом, что читатель мог зримо представить написанное, следить за событиями, которые разворачивались на страницах произведения так же, если бы он следил за ними в театре» [15, с. 59].

Барочный принцип синтеза искусств объединял в театре слово, действие и образ, соблюдая средневековую традицию подчинения слову всех элементов театрального тек-

ста. Но само это слово уже не было средневековым, в нем явно обнаруживались барочные черты. Оно в своем художественном развертывании подчинялось законам риторики, а по своей функции, тенденции к наглядности приближалось к действию.

Резкое изменение политических ориентиров в России и Украине повлияло на дальнейший жизненный путь отечественных театров, обусловило драматизацию социального содержания сценических действий. «Избирательность» репертуарной афиши становится неотъемлемой чертой феномена политизации театра. Политический театр в Советской Украине, родившийся как эстетическое явление в русле «европеизации» национального искусства, активно апробировал авангардистскую полистилистику в драматургии, в том числе и в выразительных средствах и приемах сценической интерпретации. В режиссерских интерпретациях классики происходило конкурентное соревнование «традиционного» и «левого» театров.

С 1922 г. главным инициатором экспериментальных поисков в украинском театре стало художественное объединение «Березиль» (на украинском языке – Мистецьке об'єднання – МОБ), возглавляемое Л. Курбасом (1887–1937). Оно представляло собой разветвленную сеть творческих «мастерских» и «станций», представителей широкого спектра художественных идей и различных эстетических ориентаций. Под крышей МОБа одновременно работало много режиссеров, объединенных в Режштаб. Они сценически интерпретировали как западноевропейскую классику («Жакерия» П. Мериме, режиссер Б. Тягно, 1925 г.), так и украинскую. Была, в частности, осуществлена переработка в соответствии с общественной актуальностью украинских пьес «Пошились у дурні» («Обманулись») М. Кропивницкого (режиссер Ф. Лопатинский, 1924 г.) и «За двумя зайцами» М. Старицкого (режиссер В. Василько, 1925 г.).

К середине 1920-х гг. в украинском сценическом искусстве в процессе естественного художественного размежевания определились две театральные системы: одна была направлена на отображение жизненной реальности (Г. Юра), вторая представляла левое искусство с утверждением его условных форм на театральной сцене (Лесь Курбас). Хотя первая имела видимую опору на традиции театра корифеев, а вторая еще должна была укрепить эстетическое обоснование для дальнейшего развития, появление обеих было закономерным явлением.

Л. Курбас подчеркивал, что традиции старого украинского театра совершенно не соответствуют новому репертуарному содержанию. Искусство, которое не совершенствуется, костенеет в традициях, перестает быть живым, мертвеет и вредит самому статусу искусства [11, с. 13–17, 14–18]. Актеры же, воспитанные на традициях отечественного реалистического театра (С. Семдор, В. Васильев, Г. Юра и др.), опирались в своих поисках на принцип жизненной правды. Если Л. Курбаса интересовала студийная работа, то часть актеров поддерживала идею «репертуарного театра», стремясь перейти от закрытых студийных экспериментов к спектаклям для широкой аудитории.

Репрессии 1940-х гг. и общая борьба с инакомыслием в стране привели к колоссальным потерям творческого потенциала отечественного театрального искусства.

Общее состояние вертепного театра испытало мощное влияние исторических условий XX ст., в частности атеизма, вследствие чего религиозная часть спектаклей потеряла своего зрителя. В конце концов, ставить ее стало невозможным из-за запрета на вертеп. Сначала запретили канонический религиозный спектакль. Вертепники продолжали играть вторую (комедийную) часть, доказывая, что никакого отношения к Рождеству она не имеет. Но со временем запретили и комедийную часть. Так или иначе, но пьеса все же была связана с Рождеством. В Молдавии запретили даже народную драму, в которой отсутствовал даже намек на сакральность – сугубо героико-комедийный спектакль. Но игралась она на Святки, значит, была опосредованно связана с религией [6, с. 23].

В Западной Украине традиция не прерывалась: во Львове вертепники играли в масках, чтобы их не узнавали. До конца XIX – начала XX ст. вертепы почти на всей территории Украины стали редкостью. Этому содействовали, вероятно, не только конкуренция со стороны больших театров, но и вымывание архетипности спектакля, порожденное историческими и культурными трансформациями.

Оставленный без своей мистериальной части, лишенный основной архетиповой матрицы или средств эффективного влияния на зрительское сознание, утративший сакрально-рождественский контекст, вертеп был обречен на умирание, ускоренное к тому же тектоническими сдвигами в общественном сознании во времена господства атеистических идеологием и культурной политики, направленной не на сохранение традиционных ценностей культуры, а скорее на их разрушение под лозунгом реализации идеи формирования новых ценностей нового времени. Это и послужило причиной несоответствия вертепа культурной ситуации и его трансформацию в один из печальных экспонатов музея потерь украинской народной культуры [6, с. 23].

Итак, религиозная составляющая вертепного спектакля, по нашему мнению, должна осмысливаться именно как гарантия существования вертепа в целом, на что указывает ее ведущая роль в возрождении этого вида кукольного театра. Недаром конец XX в. связан в Украине с ускорением процессов идеологической переориентации общественного сознания, формированием новых отношений, в частности, киноискусства и религии, обусловленных целиком новой религиозной ситуацией в стране. Так, в 1993 г. в Луцке состоялся фестиваль «Рождественская мистерия», где показывали современные вертепы не только из Украины, но и из Испании, Франции, Германии, Канады, Польши, Беларуси. Целью организаторов фестиваля было прежде всего возрождение религиозной традиции [21].

Вследствие принципиальных изменений в общественном статусе церкви и религиозных организаций последние вступают в наиболее активную фазу общественной деятельности, масштабы которой быстро растут. Значительно увеличились возможности религиозных организаций, духовенства в расширении сферы своего влияния, распространении основ религиозного мировоззрения, вероучения как традиционного, так и неортодоксальных направлений религиозно-философской мысли. Присутствие религиозных деятелей можно проследить на многих направлениях социально-культурной жизни страны.

Церковь активно привлекается к государственной политике. Расширяется сеть действующих приходов. Быстрыми темпами идет строительство новых храмов разных конфессий для удовлетворения нужд духовной жизни верующих. Возрождаются и реставрируются национальные святыни после 70 лет упадка и уничтожения. Растет число активных посетителей храмов, заметно увеличивается количество зарегистрированных религиозных объединений. Трудно не заметить значительную активизацию проповеднической, издательской, общественно-просветительской деятельности. Духовная жизнь страны, которая переживает «религиозный ренессанс», проходит под знаком обостренной заинтересованности повсеместно возрождаемыми религиозными традициями. К пропаганде религиозного мировоззрения и культовой практики, положительного, апологетического освещения деятельности официальной церкви, а также религиозных объединений нетрадиционной мировоззренческой ориентации активно привлекаются все средства массовой информации. Голос проповедников (и не только отечественных, но и зарубежных, среди которых встречаются весьма экзотические) все чаще звучит с кино- и телеэкранов. Деятели культуры, искусства, которые совсем недавно имели вид полнейших материалистов, если не безбожников, спешат удостоверить свое уважение и идейную поддержку [5, с. 239].

Идя навстречу требованиям настоящего, украинские киностудии вырабатывают свежую религиозноутверждающую кинопродукцию. Они освещают историю, жизнедеятельность церкви, священнослужителей, мировоззренческие основы многих религиоз-

ных учений и их культовую практику, морально-этические, психологические принципы религиозного сознания, обращаются к религиозно-исторической теме, религиозному искусству, религиозной архитектуре и т.п.

В этой связи уместно вспомнить снятый в 1990 г. на киностудии имени А. Довженко режиссером Евгением Каминским фильм «Ныне прославился Сын Человеческий» с Богданом Ступкой в главной роли. Зритель вместе с кинокамерой заглянул в светлый, тихий уголок монастыря, проник во внутренний мир тяжелобольного умирающего священника. Фильм ориентирует на ценности любви, милосердия, созерцания, добрых мыслей, жизни тихой и несуетной.

Украинская студия хроникально-документальных фильмов и другие творческие объединения в 1990-е гг. выпустили такие фильмы: «Батюшка» (авторы сценария С. Лосев, А. Сырых, режиссер А. Сырых; картина отмечена призом на Первом Всесоюзном фестивале документальных фильмов Русской Православной Церкви); «На Рождество» (авторы сценария Ф. Зубанич, Т. Унгуриян, режиссеры В. Стороженко, А. Карась, А. Коваль; картина отмечена призом на Первом Всесоюзном фестивале документальных фильмов Русской Православной Церкви); «Колокола» (автор сценария и режиссер Т. Милер); «Пустыня» (автор сценария и режиссер О. Санин) и др.

В поле же мифологических проекций современной драмы вровень сосуществуют дискретные претексты «идеальной ментальности» (традиции, предрассудки, верования, мораль, ценности) и «отчужденной ментальности» (власть, идеология, социальные институты и др.): «определенным образом современность возвращается к начальному образцу, воспринимая повседневность как единый и единичный мир, а все «идеальное» – как симулякры первого, второго и третьего порядков» [14, с. 54]. Учитывая все это, можно говорить о новом времени взаимообогащения театра и мифа на уровне мифологических нарративов, статусных оппозиций, сюжетных матриц, коммуникативных стратегий и символических форм, а также о новом мифоцентричном дискурсе современного драматургического жанрового моделирования.

Комплективные жанрологические стратегии современной драмы, в свою очередь, опираются на две наиболее общие черты, выделенные Р. Кайуа в любой мифологической ситуации: 1) диалектика аффективного обострения перманентного материала (в синтаксисе мифологии есть определенная потенциальность относительно разных уровней аффективного переживания); 2) диалектика осложнения (мифологическая ситуация практически всегда «накладывается» на одну или несколько других) [7, с. 49]. Театр имеет в своем арсенале еще один действенный мифологический ресурс – пересечение границ театральной и нетеатральной действительности внутри сцены («двойная перспектива» – «театр в театре»), который содействует возникновению новых жанровых модальностей сегодняшней драмы.

Демократизация художественной жизни привела к активизации национального сценического искусства, творческих театральных экспериментов разнообразия, открывая новые потенции для креативной украинской молодежи. Сейчас в Украине функционируют более 100 новых театральных студий, для которых характерны стремления к новым театральным формам, разрушению старых стереотипов и формированию новых, созданию нового театрального лексического словаря, соответствующего новому времени. Театр стал свободно развиваться, интегрируясь в мировой театральный процесс. Но в таком свободном и демократическом развитии театра ощущаются и угрожающие симптомы. Прежде всего речь идет о засилии экспериментального театра идеями и элементами массовой культуры с ее стремлением к зрелищности, постановочным эффектам. Неудержимое желание «продвинутых» режиссеров быть авангардными часто оборачивается недостатком внимания к работе с актерами, культивированием шоковых мизансцен, обесцениванием актерского и режиссерского профессионализма. Тиражирование режиссер-

ских «находок» в таких спектаклях приводит к пренебрежению раскрытия глубин людской души, к потере жизни человеческого духа, без которого, как известно, театр становится мертвым, когда в нем работают не актеры, а марионетки. Еще одним угрожающим симптомом в сценически-театральной деятельности является ее закоммерциализованность, вследствие чего, по мнению Н. Корниенко, «возникает угроза бегства явления из художественной зоны в зону услуг» [8, с. 77].

Театральные деятели должны помнить, что театром всегда выполнялось много человекоформирующих функций: воспитательная, просветительская, эстетическая, культурологическая, аксиологическая и др. Особенно это касается государственных, национальных, академических театров с их высокой ответственной миссией – быть не только художественным, а и духовным, моральным камертоном нации, сеять умное, доброе, вечное, воспитывать и формировать сознание и моральные принципы разных слоев населения.

Авангардному театру характерно нетерпимое, агрессивное отношение к традиционному театру. Наша театральная современность, ее представители, как и в 1920-е гг., считают традицию синонимом отсталости и консервативности, тормозом на прогрессивном пути развития театра. Кроме того, по сравнению, скажем, с музыкальным искусством, которое сохраняет свои традиционные народные и академические хоровые и танцевальные коллективы: Национальный ансамбль танца имени П. Вирского, Полесский хор «Лёнок», хор «Трембита», капелла «Думка», – украинское театральное искусство не имеет своего традиционного классического театра.

Ряд оперных театров Украины представляет на отечественной и зарубежной сценах мировую и национальную оперную классику фактически в неприкосновенном виде. Рядом с произведениями современных композиторов в концертных залах звучат гениальные музыкальные произведения М. Глинки, П. Чайковского, Г. Лысенко и др., за столетия не потерявшие своей художественной и духовной ценности. В Украине же не существует театра, где были бы представлены образцы классической драматургии. Следует заметить, что эта важная проблема неоднократно поднималась Б. Ступкой, С. Данченко, Р. Коломийцем и другими выдающимися театральными деятелями. Несмотря на все изменения театральной формы или трансформационные процессы в сценической лексике, высокохудожественный традиционный театр всегда будет иметь своих приверженцев и свою признательную аудиторию [2, с. 246].

Следует уточнить, что толкование традиции в контексте театрально-драматического искусства не имеет в виду использование устаревших стереотипов, закостенелых форм. Наоборот, в сценическом действе должны воплощаться образцы высокохудожественного театра с характерным глубинным проникновением в драматургию произведения, авторский стилистический рисунок с раскрытием тончайших чувств человеческой души. Речь идет о функционировании не просто жизнеподобного бытового театра, а поэтического, образного, метафорического театра, который, имея опыт наилучших достижений мирового искусства, оставался бы одновременно глубоко национальным по своей сути.

Обращение выдающихся режиссеров А. Бабенко, И. Бориса, С. Данченко, В. Кучинского, А. Литко, С. Пасечника, Ф. Стригуна, М. Яремквива к ряду спектаклей классической драматургии свидетельствует о таланте и умении этих режиссеров представить спектакль без канонических наслоений, без использования псевдотрадиций, посмотреть объективно на необходимость применения определенной режиссуры к постановке того или иного классического произведения. Этот факт дает уверенность в сохранении классического театрально-драматургического наследия для следующих поколений украинцев во всей его неповторимости и самобытности, традиционной ментальности и национального сознания.

Итак, взаимодействие традиционного и новаторского, их синтез с целью поиска новых средств выразительности является важным, определяющим фактором развития теат-

рального искусства. При этом следует не забывать о том, что театр всегда выполнял несколько функций: воспитательная, просветительская, эстетическая, культурологическая. Особенно это касается государственных, академических театров. Поэтому в художественной деятельности национального театра является чрезвычайно важным уважение к традициям, поддержание высокого духовно-эстетического уровня, недопущение преобладания элементов массовой культуры, чрезмерной коммерциализации. В этом контексте преимущество следует предоставлять неотрадиционалистским тенденциям, а новации должны пройти определенную проверку временем, чтобы стать достоянием профессионального театрального искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонович, Д. Триста років українського театру 1619–1919 / Д. Антонович. – Львів : Львівський нац. ун-т імені Івана Франка, 2001. – 272 с.
2. Богунова, Г.Я. Традиційне і новаторське в українській театральній культурі / Г.Я. Богунова // Традиція і національно-культурний поступ. – Харків, 2005. – С. 242–247.
3. Бонч-Томашевский, М. Смерть или бессмертие? / М. Бонч-Томашевский // В спорах о театре : сб. ст. / Ю. Айхенвальд [и др.]. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1913. – С. 119–163.
4. Борисова, Л.М. Символизм и «театральный традиционализм» 1910-х годов / Л.М. Борисова // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 1999. – Вып. 4 (61). – С. 35–61.
5. Деордієва, Г. Метаморфози релігійної теми в українському кіномистецтві на межі тисячоліть / Г. Деордієва // Матеріали до українського мистецтвознавства. – Київ, 2002. – Вип. 1. – С. 239–242.
6. Зінов'єва, Т. До питання про архетипні риси персонажів українського вертепу / Т. Зінов'єва // Вісник Львів.ун-ту. Серія мистецтво. – 2003. – Вип. 3. – С. 15–23.
7. Кайуа, Р. Миф и человек / Р. Кайуа ; пер. с франц. С. Зенкин // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. – М. : ОГИ, 2003. – 296 с.
8. Корнієнко, Н. Український театр у переддень третього тисячоліття. Пошук (Картини світу. Ціннісні орієнтації. Мова. Прогноз) / Н. Корнієнко ; голов. ред. Л. Фінкельштейн. – К. : Факт, 2000. – 160 с.
9. Кузмин, М. Принцесса Турандот / М. Кузмин // Жизнь искусства. – 1923. – 8 мая. – С. 15.
10. Курбас, О.С. Березиль: Из творчої спадщини / О.С. Курбас ; під ред. М.Н. Москаленко ; упорядн. та автор приміток М.Г. Лабінський. – Київ : Дніпро, 1988. – 518 с.
11. Курбас, Лесь. Філософія театру / Лесь Курбас ; упоряд. М. Лабінський. – Київ : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001. – 917 с.
12. Петров, Н.И. Старинный южно-русский театр и в частности вертеп / Н.И. Петров // Киевская старина. – 1882. – № 12. – С. 438–480.
13. Рерих о «Пер-Гюнте» // Маски. – 1912. – № 1. – С. 41–42.
14. Румянцев, О.К. Манеры целеполагания как проекты времени культуры / О.К. Румянцев // Теоретическая культурология / Ахутин А.В. [и др.]. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга РИК, 2005. – С. 51–73.
15. Софронова, Л.А. Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII века. Польша, Украина, Россия / Л.А. Софронова. – М. : Наука, 1981. – 262 с.
16. Софронова, Л.А. Старинный украинский театр / Л.А. Софронова. – М. : РОССПЗН, 1996. – 352 с.
17. Сторицын, П. Русская декоративная живопись / П. Сторицын // Жизнь искусства. – 1919. – № 276–277. – 24–25 окт. – С. 2.

18. Теоретическая культурология / Ахутин А.В. [и др.]. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

19. Туркельтауб, І. На оборону побутового українського театру / І. Туркельтауб // Література, наука, мистецтво. – 1924. – 19 жовтня (№ 41). – Додаток до газети «Вісті ВУЦВК».

20. Харук, Н.І. Особливості функціонування різноманітних театральних форм у контексті вітчизняних традицій / Н.І. Харук // Мистецтвознавчі записки. – Київ, 2008. – Вип. 14. – С. 118–126.

21. Юрковський, Г. Волинські містерії / Г. Юрковський // Кіно – театр. – 1997. – № 1. – С. 2–4.

Gotsalyuk A.A. The Interaction of Tradition and Innovation in the Theatre and Dramatic Art

The features of the interaction of the tradition and innovation in the theater drama art, the neotraditional tendencies in its development are analyzed in the article. The evolution of the theatrical traditions from the Renaissance to the present is considered. Moreover, the respect for tradition and the following them is the necessary condition for the successful development of the theatrical culture as the integral part of the national culture. The innovation must be tested to specific times, to become later the traditional heritage of the professional theater. The position about the fact that the interaction between the traditions and innovation is the important determining factor in the development of the theater art, as it promotes the search for the new means of the expression and the successful performance of the functions of the theater – educational, aesthetic, cultural, etc. is justified. The processes of the change in the political and religious situation in the Ukraine since the end of the twentieth century, which led to the spread of the foundations of the traditional religious world view and unorthodox directions, the increasing of the role of the church in the promotion of the religious and historical themes, religious art, monuments of the religious architecture, etc. are analyzed. The neotraditionalism tendencies are identified in the development of the mythological projections of the modern drama as the example of the mythological discourse of the contemporary drama genre modeling and return of the modernity to the initial sample. The symptoms that threaten stage and theatrical activities- the commercialization of the theater director's findings, intolerance of the certain directors of avant-garde to the traditional theater- are reminded in the article in the connection with the democratization of the national artistic life and integration into the world theater theatrical process. Nevertheless, the examples of the contemporary classical drama indicative the persistence of the classical theater and drama heritage for the future generations of the Ukrainians.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.08.2013

УДК 303.442.43

В.Н. Ватиль

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ФОРМА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ*

В статье мультикультурализм рассматривается как одна из форм современной либеральной идеологии. На этой основе дается анализ текстов трех ведущих западных либеральных идеологов – У. Тейлора, М. Уолдера, У. Кимлики. Созданные ими объяснительные модели оцениваются как конкретный опыт идейно-политической деятельности ряда западных обществ по обеспечению социальной стабильности и мирного сосуществования групп людей и индивидов с различной историей, культурой и идентичностью.

Слова Юргена Хабермаса о «мультикультурализме как интегративной форме либеральной идеологии» стали рефреном статьи [1, с. 290]. Они выражают в данном случае основную смысловую нагрузку нашего изложения. Словооборот «интегративная форма» свидетельствует о сегодняшнем состоянии либеральной идеологии, её концептуальных «опорных» точках и взаимоотношениях со своими идейными оппонентами. «Мультикультурализм» мы рассматриваем как категорию, характеризующую один из современных идеологических рубежей либерализма. Данный рубеж сформировался в остром споре либералов с коммунитаристами, в результате чего и выкристаллизовалась та форма современной либеральной идеологии, которую мы также оцениваем как «интегративную». Прежде чем обратиться к анализу содержания обозначенной оценки, охарактеризуем кратко общий контекст восприятия самого феномена «современный либерализм».

В 70–80-е годы прошлого века после довольно длительного периода затишья либеральная идеология вновь оказывается в центре наиболее жарких и интенсивных дебатов среди философов и политологов. Это возрождение интереса к либерализму во многом было вызвано дискуссиями вокруг его места в современном западном мире. Возникнув в США, эти дискуссии очень скоро вышли за рамки одной страны и вылились в широкий диалог между представителями различных политико-философских направлений. В этом контексте у отечественного читателя вызовет несомненный интерес то, как осмысливают либерализм современные западные политологи.

Даже поверхностного взгляда на современную политическую ситуацию в западных странах достаточно, чтобы понять неоднозначное положение современного либерализма. С одной стороны, просуществовав три сотни лет (и не просто как некая теоретическая конструкция, а как идеология, определяющая политику многих западных стран), либерализм, безусловно, прошёл проверку временем и доказал свою жизнеспособность. Достаточно упомянуть провозглашённый либералами принцип веротерпимости, утверждение и защиту основных прав и свобод человека, устранение иерархических преград, возросшую материальную обеспеченность значительного числа граждан этих стран. С другой стороны, есть немало людей, которые, не отрицая и не умаляя значимости исторических заслуг либерализма, тем не менее говорят о том, что современный либерализм полностью исчерпал свои позитивные возможности и переживает острый кризис. В лучшем случае либералов обвиняют в неэффективности проводимой ими

* Статья выполнена в рамках задания ГПНИ «История, культура, общество, государство» 3.2.07 «Философско-теоретический анализ социальной динамики и моделирование современных антропологических процессов, обоснование национальных приоритетов в развитии человеческого потенциала»

политики, в худшем – видят в них источник разрушительных действий, ведущих к социальной и культурной дезинтеграции, и неразрешимым проблемам. Либеральные демократии обвиняют в слабости и недееспособности поддерживать порядок и объединять граждан для коллективных действий, в безразличии к моральным последствиям проводимой политики, к нравственному воспитанию граждан и т.д. [2, с. 7–8].

Эпицентром противоречивого состояния и отношения к либеральной идеологии и политике стала иммиграция и проблема культурного многообразия. В литературе, посвященной этой проблеме, как указывает Г.Ю. Канарш, отмечают два социальных обстоятельства, существенно повлиявших на ее оценку. Прежде всего – демократическое движение 1970-х годов, включавшее борьбу меньшинств (этнических, религиозных, сексуальных) и женщин за свои права. А еще начавшийся в это же время массовый въезд в благополучные западные страны большого количества мигрантов из стран Юго-Восточной Европы, Азии, Северной Африки и Ближнего Востока [3, с. 180].

В этих условиях реакция Запада на сложившуюся ситуацию выразилась в получившей известность и широко обсуждаемой в мире политике и идеологии мультикультурализма [4]. Лейтмотивом нынешнего этапа дискуссии является проблема взаимосвязи индивидуальных и коллективных прав в Европе и Америке. Именно эта проблема стала фокусом того состояния мультикультурализма, которое мы обозначили как «интегративную форму либеральной идеологии».

В самом общем виде мультикультурализм определяется учеными и экспертами как особая форма интегративной либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни [5, с. 29; 6, с. 679; 7, с. 3; 8, с. 17]. Концептуально мультикультурализм, как указывает канадский политический философ Уилл Кимлика, включает три этапа своего дискурсивного развития. Первый этап связан с дискуссиями 1970-х гг. между либералами и коммунитаристами о состоянии индивидуальной свободы и прав национального меньшинства. Либералы настаивали на том, что человек волен выбирать желаемую форму блага и приветствовали освобождение индивидуумов от любого приписанного или унаследованного статуса. Коммунитаристы, включая человека в систему социальных статусов и ролей, подчеркивали значимость прав меньшинств как социальных групп и выступали за поддержку баланса между свободой индивида и защитой сообществ [9, с. 18–19].

Дискуссии 1980-х гг. знаменовали собой второй этап мультикультурального дискурса. В это время остро дебатировались две версии о правах, возможностях и ресурсах, которыми могли бы обладать этнокультурные группы в современных демократических государствах. Сторонники первой акцентировали внимание на том, что сохранение этногрупп в принимающем обществе является делом самих его членов и оказывается более или менее успешным в зависимости от их способности аккумулировать средства и координировать усилия. Защитники второй уверяли, что если кто-то стремится вести образ жизни, свойственный его родной культуре в условиях правовой системы, отражающей специфику другой культуры (культуры большинства), то его затруднения не порождают обязательств помощи со стороны общества в целом. В отличие от трудностей инвалидов или бедняков его трудности носят не объективный, а субъективный характер. Поэтому они должны «заплатить» за сохранение верности традициям, а не ждать внешней поддержки [9, с. 218–219].

На третьем этапе (с 1990-е гг. по настоящее время) главной темой обсуждения становится вопрос о взаимосвязи индивидуальных и коллективных прав в различных формах их существования и развития. В системном виде эта тема получила выражение в работах трех крупных мультикультуралистов-либералов: Ч. Тейлора, М. Уолцера и У. Ким-

лики. Все трое исходным началом своей объяснительной модели считали вопрос о возможности реализации принципов мультикультурализма в государстве, занимающимся национальным строительством [9, с. 24]. В последующих изложениях у каждого из этих ученых в роли основного дискурса определилась своя доминанта.

Для Ч. Тейлора таковой стал политико-философский дискурс мультикультурализма. Конструктивным элементом этого дискурса стал индивид с неотчуждаемым правом на сохранение собственной индивидуальности. За этим исходным понятием следовали такие категории, как «автономия» и «признание», рассматриваемые только в качестве «фундаментальных человеческих потребностей». Отдельно он выделял «идентичность», которую считал возможной лишь в результате признания другими «аутентичности и оригинальности» личности. Соглашаясь с представителями эпохи Просвещения, отмечавшими, что «мы формируемся в процессе признания другими», Тейлор утверждал, что основными условиями защищенности и свободы индивида является плюрализм форм жизни [10, с. 64]. В традициях западного либерализма провозглашалось: «отказ в признании в наши дни приравнивается к нанесению вреда», а основным требованием выступало понимание по отношению к различным формам выражения идентичности, посредством которых люди борются за признание. Мультикультурализм у Тейлора становится формой самоутверждения; не только борьбой индивидов за признание, но и требованием признания оригинальности, своеобразия и равнозначности идентичности групп. Поскольку все люди обладают одинаковым потенциалом для формирования и определения идентичности как индивидов, так и культур, необходимо, чтобы равное уважение оказывалось всем индивидам и культурам. А право индивида на самоопределение должно включать в себя право на выбор культурной, религиозной и языковой традиции [10, с. 42].

Смысл концепции Тейлора состоит в том, что признание, а также сохранение культурных традиций меньшинств не гарантируется либеральным принципом автономии личности, даже если в его основу кладется право индивида на культурную самобытность. Поэтому надо исходить из презумпции их права на ведение особого образа жизни. Необходимо также отказываться от понимания справедливости и равенства как обеспечиваемых исключительно правами человека и равенством граждан перед законом. Предоставление этнокультурным меньшинствам особых прав, в концепции Тейлора, должно не исключать, а предполагать сомнение в способности действующих либеральных демократий, реальных государственных институтов и применяемых ими практик быть нейтральными в отношении культурных различий, не ущемлять права подчиненных групп [10, с. 134].

С иных позиций проблему взаимоотношений индивида и группы рассматривает М. Уолцер. Определяя ее как инвариантную для современных теорий, он рассматривает мультикультурализм как идеологию борьбы за увеличение социального и экономического равенства. По его мнению, без защиты интересов групп и стирания классовых различий ни один мультикультуральный режим плюралистического общества долго существовать не сможет [11, с. 126–127]. Основной проблемой современной либеральной демократии Уолцер считает диссонанс отношений «плюрализм групп – плюрализм личностей». Если государство гарантирует свободу личности, то общество рождает индивидов, демонстрирующих большую силу и уверенность в себе. Они способны нести ответственность за себя и других, а также координировать свои частные интересы с интересами общества [11, с. 120]. Но любой толерантный режим не может держаться только усилиями «сильных личностей». Последние являются продуктами коллективной жизни и сами по себе не способны воспроизводить те связи, которые определяли их силу. Этими отношениями, по мнению Уолцера, обусловлена необходимость поддерживать и укреплять связи, характерные для ассоциаций.

Уолцер отвергает мнение о том, что исключительно разнообразие культурных ассоциаций представляет наибольшую угрозу для современного общества, якобы подрывающее его устойчивость и стабильность. Для него, наоборот, угроза именно в слабости этих ассоциаций. Они должны быть более ответственными: «Толерантность не является формулой гармонии: она лишь узаконивает ранее находящиеся на нелегальном положении или незаметные группы, позволяя им вступить в конкуренцию за наличные ресурсы. Но присутствие этих групп в балансе сил приведет также к расширению политической сферы и к увеличению числа институциональных функций, а значит, и к увеличению возможностей участия индивидов в общественной жизни» [11, с. 123]. Именно так выглядит путь успеха политического мультикультурализма по Уолцеру: усиление культурных ассоциаций привлечет к увеличению участия в них индивидов, укрепит в последних чувство собственной значимости, воспитает в них преданность не только малой группе, но и всему обществу в целом.

Крайности противопоставления «индивид – группа» и наоборот снимает «усредненная», или «интегративная», концепция У. Кимлики. Исходный посыл его концепции состоит в следующем: в современном обществе необходимо увязывать защиту прав меньшинств с действующими либерально-демократическими нормами. Вопрос в том, какие принципы заложить для утверждения культурного многообразия в либеральном обществе? Канадский исследователь считает необходимым оказание помощи культурным меньшинствам. В этом случае их представители смогут пользоваться определенной степенью автономии. Кимлика рассматривает последнюю как одну из важнейших либеральных ценностей. Меньшинствам оказывается помощь как в их стремлении к интеграции, так и в попытках поддерживать свое особое существование. Это означает предоставление юридических и политических льгот, дающих им больше возможностей для сохранения и процветания в рамках общества. Речь идет о наделении их особыми правами на представительство в органах власти, признание их культурных традиций (за счет их включения в государственную символику или составление списка официальных праздников с учетом религиозных обрядов меньшинств, а не только большинства) или об освобождении некоторых групп от части предписанных законом обязанностей. Также эта помощь предусматривает принятие законов, позволяющих культурным меньшинствам защищаться от вредных внешних влияний. В отношении коренных народов Кимлика рекомендует предоставление им права самоуправления. При этом он подчеркивает, что самостоятельные группы в составе либерального государства должны соблюдать ряд основополагающих либеральных ценностей. Никаким группам нельзя позволять полностью пренебрегать либеральными нормами [9, с. 34].

Основной аргумент либерального мультикультурального концепта Кимлики состоит в признании необходимости особой социетальной культуры, поддерживающей и развивающей автономию индивида. Поскольку ассимиляционизм традиционных национальных государств значительно затрудняет развитие такой культуры среди различных меньшинств, возникает необходимость специальных мер, направленных на их поддержку. Все эти меры так или иначе основаны на обеспечении групповых прав для различных меньшинств [12, с. 101]. Тем самым к классической модели либеральных прав, включающих в себя гражданские, политические и социально-экономические, либеральный мультикультурализм добавляет групповые (коллективные) права меньшинств, или культурные права. В теории мультикультуральных прав У. Кимлики подчеркивается, что коллективные права групп должны быть не общими, а «нацеленными», поскольку разные типы меньшинств нуждаются в разных правах.

Другими словами, эти права должны получить определенное политико-гражданское оформление. Центральная идея теории мультикультурального гражданства Кимлики состоит в следующем: наличие у индивидов неравных долей социальных благ счи-

тается справедливым, если они заслужили эти неравенства, то есть если эти неравенства являются результатом выбора и индивидуальных действий. Неравенство в природных способностях и социальном положении является незаслуженным. Кимлика справедливо полагает, что нашей заслугой в том, что мы принадлежим к какой-либо расе, полу, классу, обладаем от рождения физическими особенностями, нет. Свою позицию он закрепляет анализом классических либеральных принципов. Классический либерализм акцентирует внешнюю значимость личности и меньшинств перед решениями большинства в обществе. В классической либеральной теории выдвигаются требования наличия свободы внутри группы меньшинства и равенства между большинством и меньшинством. Для Кимлика эти принципы приемлемы [13, с. 40].

Обсуждая проблему политического равенства и гражданства в мультикультуральном обществе, Кимлика не мог оставить без внимания позицию государства. Он исходил из того, что государство не может отстраниться от этнических проблем и этничности в целом. Требование ряда этнических и религиозных групп на предоставление публичной финансовой поддержки для организации и проведения различных культурных мероприятий являются справедливым, ибо способствует поддержке и утверждению богатства и разнообразия культурных талантов. Подобная государственная политика повышает стабильность в обществе и элиминирует неравенство между национальными меньшинствами и большинством. Кимлика ратует за утверждение либеральных ценностей посредством образования, убеждения и финансовой поддержки, но ни в коем случае не посредством насилия. Отношения между национальными меньшинствами и государством развиваются в рамках диалога. Согласно Кимлике, либеральное мультикультуральное государство должно предпринимать активные шаги для обеспечения этнокультурным группам необходимых средств, позволяющих поддерживать особый образ жизни. Не только субсидирование их деятельности, но и предоставление правовых и политических гарантий против дискриминации и любых неблагоприятных условий. Вместе с тем соответствующие государственные органы контролируют деятельность этих групп по соблюдению основополагающих гражданских прав, распространяемых на всех граждан либерального общества.

Анализ мультикультурализма как интегративной формы либеральной идеологии посредством рассмотрения текстов ведущих западных политологов-либералов позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Развитие общества является процессом диалектического взаимодействия множества различных культур, каждая из которых обладает своими, только ей присущими традициями, моделями взаимодействия и обычаями. Одним из механизмов упорядочивания выступает мультикультурализм, отрицающий культурные иерархии, деление на центр и периферию, примат вертикальных связей над горизонтальными и поощряющий многообразие культур.

Современную концепцию либерального мультикультурализма можно рассматривать как продолжение попыток на качественно новом уровне разрешить проблему сосуществования индивида и группы с разными системами ценностей. Идеино-теоретическое обоснование современного мультикультурализма отображено в идеях веротерпимости, гражданской толерантности, признании равноценности всех культур, оформленных в политической философии Нового времени. Мультикультурализм исходит из необходимости преодоления человеком жестких рамок своей идентичности ради признания ценности чужих культур. Этот процесс в концепции мультикультурализма представлен как единство легальной и моральной составляющих духовной сферы общественной жизни. Моральность мультикультурализма заключается в требовании уважения всех иных культур, а легальность – в признании всеобщих прав человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2005. – 368 с.
2. Макеева, Л.Б. Предисловие / Л.Б. Макеева // Современный либерализм : Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел Тейлор, Уолдрон. – М. : Дом интеллект. книги, 1998. – 248 с.
3. Канарш, Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация : монография / Г.Ю. Канарш. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 236 с.
4. Сахарова, В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада в условиях глобализации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / В.В. Сахарова. – СПб., 2010. – 148 л.; Ямпольская, Д.Ю. Глобализация и новые типы рациональности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д.Ю. Ямпольская. – Пятигорск, 2010. – 152 л.; Хлыщева, Е.В. Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире : дис. ... докт. филос. наук : 24.00.01 / Е.В. Хлыщева. – Астрахань, 2011. – 348 л.; Пригода, Н.Р. Мультикультурализм как фактор формирования современного общества : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Н.Р. Пригода. – Омск, 2009. – 161 л.; Арутюнова, Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Л.В. Арутюнова. – М., 2009. – 171 л.; Федюнина, С.М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе : дис. ... докт. социол. наук : 22.00.04 / С.М. Федюнина. – Саратов, 2008. – 335 л.
5. Habermas, J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State / J. Habermas // Multiculturalism. Examining the the Politics of recognition / Ed. by Gutmann A. Princeton; New Jersey, 1994. – 248 p.
6. Seifert, W. Die zweite Ausländergeneration in der Bundesrepublik / W. Seifert // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – 1992. – Heft 44. – 311 p.
7. Schulte, A. Multikulturelle Gesellschaft: Chance, Ideologie oder Bedrohung? / A. Schulte // Politik und Zeitgeschichte, Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament». – 1990, Juni. – 417 p.
8. Куропятник, А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ : дис. ... докт. социал. наук : 22.00.02 / А.И. Куропятник. – СПб., 2000. – 383 с.
9. Kymlicka, W. Politics in vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship / W. Kymlicka. – Oxford University Press, 2001. – 248 p.
10. Taylor, Ch. The Politics of Recognition / Ch. Taylor // Multiculturalism, examining the politics of recognition // Charles Taylor [et all.] ; ed. and introd. by A. Gutmann. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1994. – 411 p.
11. Уолцер, М. О терпимости / М. Уолцер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 268 с.
12. Kymlicka, W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights / W. Kymlicka. – Oxford University Press, 1995. – 321 p.
13. Kymlicka, W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka. – Oxford University Press, 2007. – 423 p.
14. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика. – М. : Издат. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 514 с.

Vatyl V.N. Multiculturalism as Integrating form of Liberal Ideology

In the article multiculturalism is considered as one of the forms of modern liberal ideology. On this basis the analysis of texts of three leading western liberal ideologists – U.Taylor, M.Uoldera, U.Kimliki is given. The explanatory models created by them are estimated as concrete experience of ideological and political activity of some of the western societies for the promotion of social stability and peaceful co-existence of groups of people and individuals with various history, culture and identity.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.08.2013

УДК 32.01

Н.А. Антанович**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРИКЛАДНОГО АНАЛИЗА
ПУБЛИЧНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ:
ОТ ПОЗИТИВИСТСКОЙ К ПОСТПОЗИТИВИСТКОЙ ПАРАДИГМЕ**

В статье показано, что прикладной анализ публичной и государственной политики складывается в рамках позитивистской парадигмы науки и опирается на достижения в изучении политического поведения и разработке исследовательских методов. Прикладной анализ публичной и государственной политики рассмотрен как дисциплина, призванная обеспечивать выработку политического курса, а также различных форм социального контроля и повышения управленческого потенциала или управленческих «способностей» бюрократических организаций. «Постпозитивистский сдвиг» 1980-х гг. связан с идеями влияния ценностей на политическое исследование, развитие принципов методологического мультиплизма, использование качественной методологии.

Исследовательская проблематика политической науки и проблематика публичной политики теснейшим образом переплетены, зачастую до такой степени, что границы между ними становятся слабо различимы. М. Вебер по этому поводу писал, что суть публичной политики (в том числе и социальной политики в узком смысле этого слова) – «изложение определенных идеалов», а социальные науки занимаются «мысленным упорядочением фактов» [1, с. 354]. Становление «мысленного упорядочения фактов» в форме прикладного анализа публичной и государственной политики (Policy analysis) происходило на протяжении всего XX в. Его концептуальная и методологическая база, используемая и по сей день, была заложена в период 1960–80-х гг.

В статье ставится цель – выявить тенденции динамики концептуальных основ прикладного политического анализа под влиянием трансформаций социальных наук от позитивистской к постпозитивистской парадигме.

Во второй половине XX в. в политической науке произошла поведенческая революция, знаменовавшая собой торжество позитивистских принципов политического анализа. Ученые соревновались в тщательности изучения различных аспектов политического поведения, совершенствуя свой методологический арсенал. Классиками изучения политического поведения стали А. Кемпбелл, Дж. Гурин, У. Миллер, Д. Стокс (автор работы «Американский избиратель» 1960 г.). Методологический инструментарий политической науки в значительной степени был обогащен сотрудниками влиятельного мозгового центра РЭНД (В. Данн, Г. Кан, У. Городон). 1950–60-е гг. стали периодом дисциплинарного выделения прикладного анализа публичной и государственной политики. Б. Уитрок и П. ДеЛеон, рассматривая развитие науки о публичной политике (Policy science) (этот термин российский политолог А.А. Дегтярев трактует как «политико-управленческие науки»), показывают, что прикладной анализ публичной и государственной политики рассматривается как: 1) часть управленческой науки (Management science) (по Э. Квейду); 2) дисциплина, призванная обеспечивать выработку политического курса, создающая основания для «управления будущим» (согласно И. Дрору); в центре анализа – проблемы социального контроля, а также управленческого потенциала или управленческих «способностей» (capacity) бюрократических организаций; 3) политико-управленческая наука, основанная на проблемно-ориентированной сущности политического анализа (Г. Лассуэлл, Д. Лернер); проблемная ориентация требует от аналитика фокусироваться на конфликтах, выявляющих фундаментальные проблемы человека в социуме; при данном подходе акцент делается на изучении событий (Event studies) [2, с. 49].

Р. Келли указывает, что изучение публичной политики, или управленческие науки, формировалось как прикладная форма *социальной инженерии*. Г. Лассуэлл подчерки-

вал роль управленческих наук в обслуживании процесса выработки и реализации политики государства, Дж. Колеманн совместно с Д. Кемпбеллом разрабатывали научные методы сбора информации и построения статистических моделей политического поведения [3, с. 520–521].

В рамках позитивистской парадигмы развития политического анализа был сделан огромный прорыв в разработке исследовательских методов. Одним из классиков в разработке и применении методов, адекватных анализу публичной политики (Public policy analysis), стал В. Данн, которым выдвинут *принцип методологической конгруэнтности*. Согласно данному принципу, конкретный метод применим к тому или иному типу проблемы. Различают проблемы первого и второго порядка. Проблемы первого порядка хорошо структурированы [4, с. 723–724]. Соответственно, к методам первого порядка В. Данн относит: анализ «вход – выход», линейное и нелинейное программирование, макро- и микроэкономический анализ, теорию игр, системную теорию, а также анализ «затраты – выгоды» (cost-benefit analysis). Названные методы неэффективны для анализа проблем второго порядка, которые являются плохо структурированными либо неструктурированными [4, с. 726]. К методам второго порядка отнесены: мозговой штурм (Осборн, 1948), синектика (Гордон, 1961), анализ множественных перспектив (Линстоун, 1981), стратегическое прогнозирование и тестирование (Мэйсон и Миртофф, 1981) [4, с. 727].

В. Данн указывает, что при применении методов политического анализа, во-первых, следует выделять критерии, по которым можно судить об эффективности исполнения советов и рекомендацией политических аналитиков; во-вторых, о качестве разработанного метода можно судить по его воспроизводимости в другом исследовании и по потенциалу (способности) решать проблемы (problem-solving capacity) [4, с. 728, 733].

В 1980-е гг. выдвигаются идеи о влиянии ценностей на политическое исследование и развиваются *принципы методологического мультиплизма* (множественности применяемых методов), которому соответствует метод триангуляции (перепроверки достоверности полученных результатов несколькими способами). Известный теоретик постпозитивизма П. Фейерабенд, выступая против жесткой демаркации научных и социально-гуманитарных суждений, выдвинул лозунг «все дозволено» [5]. «Все дозволено» в дизайне политического анализа означает «методологический мультиплизм» и погруженность оценочных исследований в политический контекст.

Р. Келли показывает, что в 1980-е гг. произошел «*постпозитивистский сдвиг*», суть которого проявилась в создании «множества каузальных объяснительных моделей, конкурирующих друг с другом» [3, с. 524]. Особым направлением становится «натуралистическое исследование», теоретики которого – авторы «качественной методологии» Ивонна Линкольн и Эган Габа. Линкольн и Габа утверждают, что социальная реальность особым образом представлена в сознании индивидов, а позитивистские взгляды о ценностной нейтральности политического исследования отвергаются. Человек должен исследоваться в «естественных условиях». Линкольн и Габа также являются сторонниками «обоснованной теории» (grounded theory), которая вырастает не из позитивистской, а феноменологической традиции [3, с. 526].

В 1986 г. И. Линкольн и Э. Габа в журнале «Policy Studies Rewire» опубликовали программную статью «Наука, оценка и политической анализ: иерархия для дисциплинарного исследования». Прикладное исследование зачастую бросает «вызовы» социальной теории, основное предназначение которой – создавать инструментарий для решения практических проблем. Линкольн и Габа являются сторонниками «натуралистического подхода» (naturalist approach), суть которого они выражают в следующем определении: «научное исследование является дисциплинарно организованным, нацеленным на решение проблемы, способствуя определенному действию» [6, с. 548–549].

Анализ публичной и государственной политики (Policy analysis) Линкольн и Габа определяют как разновидность «дисциплинарно организованного исследования, нацеленного на сбор фактов и данных «за» и «против» альтернативных вариантов [решений и политических курсов] с целью информировать переговорщиков о возможностях выбора в зависимости от ценностей, разделяемых сообществом». Таким образом, политический аналитик должен выдвинуть аргументы «за» и «против» каждого из предлагаемых альтернативных политических курсов. Линкольн и Габа подчеркивают *ценностно обоснованный выбор вариантов решений* (в зависимости от предпочтений либо политиков, либо социальных групп, интересы которых они выражают) [6, с. 557]. Процесс трансформации сырых данных в информацию должен быть *признан научным сообществом* (publicly confirmable) с точки зрения его логики и возможности перепроверки [6, с. 547].

Линкольн и Габа выделили характеристики анализа публичной и государственной политики: 1) учет запроса клиента либо целевых групп; 2) выработка вариантов ценностно опосредованных решений для обеспечения переговорного процесса (Линкольн и Габа рассматривают выработку государственной политики в терминах сделки, договорённости между заинтересованными сторонами); 3) учет контекста, в котором формируется проблема, подлежащая решению, а также определение тех переменных, которые не подлежат изменению; 4) понимание выработки политики и имплементации (policy-making and implementation) в терминах переговорного процесса (negotiation process) в противовес так называемой «насилованной» модели («гаре» model); 5) результаты проведенного анализа подлежат представлению и обсуждению в соответствующих областях деятельности [6, с. 558].

Интересно, что Линкольн и Габа выявили спектр смыслового наполнения термина «государственная политика» (Policy). Это: 1) решения государственных органов (standing decision), обеспечивающие регулирование, контроль, продвижение, предоставление услуг и иных форм влияния на социум в пределах их компетенции (sphere of authority); 2) стратегия, выработанная для разрешения либо улучшения (ameliorate) социальных проблем; 3) санкционирование определенных типов поведения посредством авторитетно-властных решений; 4) принятие норм, характеризующихся постоянством регулирующего воздействия на социум; 5) результат (output) функционирования системы принятия решений [6, с. 559–560]. Вариативность понимания политики презентует различные реальности и может существовать на различных уровнях (интенции, имплементации, опыта). Политические решения – это кульминация политических переговоров и сделок. Государственная политика формируется как результат серии взаимодействий различных заинтересованных сторон («стейкхолдеров»). Политическая арена характеризуется ценностным плюрализмом, а различные контекстуальные факторы влияют на формирование тех или иных типов политики [6, с. 562].

С. Линдер и Г. Питерс отмечали, что постпозитивистская критика вновь поставила вопрос о дисциплинарном статусе политической науки, направленной на изучение публичного и государственного управления (Policy science). Первоначально политологам был доступен ретроспективный анализ (ex-post analysis of policy decisions) либо анализ вероятных альтернативных стратегий посредством применения метода «затраты – выгоды» (cost-benefit analysis) [7, с. 739–740]. Сделать политический анализ более «объемным» позволило рассмотрение выработки определенной государственной политики как результата политического процесса (policy process). С. Линдер и Г. Питерс используют термин «дизайн выработки политики» (policy-making design), ссылаясь на две ключевые идеи, лежащие в основе политического анализа: 1) идея экономической эффективности, выдвинутая в 1937 г. Р. Коасом (R. Coase), и 2) идея направленности социального контроля (Р. Даль и Ч. Линдблом). Если политический анализ основывается

на критериях эффективности, то к слабо структурированным проблемам применяется метод «программирование – бюджетирование» (PPBS) [7, с. 745].

Таким образом, постпозитивистская политическая наука, в противовес позитивистско-поведенческой, вышла на ценностную проблематику и на переосмысление такой фундаментальной категории науки и социальной практики, как *справедливость*. Как было показано, анализ публичной политики в США в значительной степени основан на макроэкономике, а значит, на допущении, что человеческий эгоизм является базовым мотивом поведения. Но есть и второе допущение – публичная политика формируется под влиянием распределительной (дистрибутивной) *справедливости* (distributive justice). Многие исследователи стали заниматься проблемой трансформации нормативных установлений в социальное поведение [8, с. 697]. Учет мотивов справедливости используются в нормативном политическом анализе [8, с. 702]. М. Машено писал, что дистрибутивная справедливость основана на принципах и нормативных правилах, согласно которым социальные блага либо социальное бремя различные группы несут в зависимости от их статуса и богатства. Даже если социальная политика является регулятивной (по Т. Лови), субъекты власти принимают множественные распределительные решения. М. Машено выявил различные дистрибутивные принципы: 1) распределение по потребностям индивида; 2) распределение по заслугам индивида; 3) равное распределение; 4) вероятностное распределение в зависимости от успеха; 5) максимизация распределения для наименее обеспеченных лиц [8, с. 699–700].

В «копилку» концептуальных основ прикладного политического анализа входят и *оценочные исследования*. И. Иохансен, ссылаясь на М. Дениэльса и С. Уэарса (M. Daniels, C. Wirth), выделяет такие стадии развития исследований политической оценки. Первая (1910 г. – Вторая мировая война), когда оценка производилась посредством измерения *экономической эффективности* (efficiency). Представители: Ф. Тейлор, У. Мэйо, В. Диксон. Вторая стадия (после Второй мировой войны – 1963 г.), когда оценочные исследования стали самострельной областью благодаря становлению такого направления, как *оценка программ*. Третья стадия (1963 г. – 1974 г.): оценочные исследования соединились с социальным экспериментированием, различные аналитические модели стали применять к разработке социальных программ. Четвертая стадия (с 1974 г. – конец 1980-х гг.): оценка стала рассматриваться как часть процесса выработки политики (public policy making component). Оценочные исследования постепенно эволюционировали до особого вида социальной политики (evaluation as social policy) [9, с. 27–28].

Понятие «эффективность» в оценочном политическом анализе отличается многоуровневостью. Efficiency (*экономическая эффективность*) есть отношение входа (input) к выходу (output). При низкой эффективности коэффициент названного отношения высок. Пример: одна сотрудница в час обрабатывает 10 документов (коэффициент $1/10 = 0,1$), другая – 4 документа (коэффициент $1/4 = 0,25$). Effectiveness (*эффективность как действенность*) уже, чем термин Efficiency и касается воздействия (impact) проводимой политики на целевые группы. Оценка эффективности как действенности направлена на измерение уровня жизни (standards of living) [10, с. 71–72]. *Продуктивность* (productivity) рассматривается как измерение эффективности от реализации конкретных программ. Ее измерение ставится на повестку дня после Второй мировой войны под влиянием работ выдающихся японских и западногерманских экономистов [10, с. 74].

Как отмечает Р. Хафферберт, оценка публичной политики (Policy evaluation) предполагает «инструментальный взгляд на государство», которое призвано работать для членов политики (polity). При этом «*демократическое правление предполагает демократическое гражданство*». Оценка публичной политики определяется как «изучение социальных последствий правительственных действий». Тогда как традиционно политические условия (политическая ситуация или политический контекст) рассматривались

как независимая переменная, как инструмент, определяющий содержание государственной политики, Р. Хафферберт предлагает рассматривать *массовую политическую деятельность (politics) как переменную, зависящую от государственной политики (policy)* [11, с. 511–512].

Модель оценки государственной политики включает следующие действия:

- 1) определить природу проблем, которые должны быть решены;
- 2) выявить техническое соответствие инструментов решаемым проблемам;
- 3) определить целевое соответствие инструментов государственной политике;
- 4) учитывать вероятность плохого планирования имплементации решений;
- 5) проводить операционализацию политических целей как в экономических категориях (затраты – выгоды), так и в категориях социальных последствий [11, с. 513–514].

На оценочные исследования также повлиял «постпозитивистский сдвиг»: в то время как 1960–70-е гг. оценка политики осуществлялась исключительно в количественных экономических терминах, в 1980-е гг. большое внимание стали уделять социальным последствиям проводимой государством политики. Например, Ч. Озигвен утверждал, что оценочные исследования «погружены в политический контекст» (political context). Исходя из многоуровневого понимания сути политики, это означает учет при оценке программ удовлетворенности клиента. Опираясь на классические работы Г. Лассуэлла и Д. Истона, Ч. Озигвен предлагает следующее определение политики (politics): деятельности различных социальных групп по выражению и представлению своих интересов. Politics определяется тем, «кто получает, что, когда и как с учетом авторитетно-властного распределения ресурсов в конкретных ситуациях» [12, с. 91].

Ч. Озигвен показывает, что, во-первых, оценочные исследования в своем становлении зависят от социально-политической динамики, поскольку политические программы зачастую принимаются под давлением политической активности граждан. Программы могут быть как государственными, так и частными, а их принятие является результатом переговоров и достижения консенсуса. Во-вторых, оценочные исследования – это «питательная почва для принятия решений», а politics неизменно присутствует при оценке любой социальной программы. Соответственно, «программные оценщики выступают в роли политиков» [12, с. 92–94].

Таким образом, изучение публичной и государственной политики в 1960–80 гг. развилось по трем направлениям: 1) изучение различных видов политики государства, формирующихся в зависимости от социально значимых проблем, с учетом последствий принимаемых решений; 2) изучения того, как принимаемые решения влияют на динамику проблемных ситуаций; 3) влияние проблемных случаев на эффекты и последствия проводимой государством политики (рисунок).

Рисунок – Тренды в изучении публичной и государственной политики [13]

Можно заключить, что динамика концептуальных основ прикладного политического анализа укладывается в логику перехода от позитивистской к постпозитивистской

парадигме в социальных науках. В рамках позитивистской парадигмы шла наработка методов эмпирического политического анализа, которые, согласно принципу методологической конгруэнтности, увязывались с изучаемыми проблемами. Такие методы, как анализ «вход – выход», линейное и нелинейное программирование, макро- и микроэкономический анализ, анализ «затраты – выгоды», мозговой штурм, синектика, анализ множественных перспектив, стратегическое прогнозирование по сей день активно используются политологами. «Постпозитивистский сдвиг» 1980-х гг. поставил в повестку дня вопрос о ценностных основаниях политического анализа. Получил распространение принцип «методологического мультиплизма», а наряду с количественной, стала развиваться качественная методология. Постпозитивистская парадигма в конечном счете привела к постмодернистским сдвигам в политической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – С. 345–415.
2. Witrock, B. Policy as a moving target: a call for conceptual realm / B. Witrock, P. de Leon // Policy Studies Rewire. – 1986, August. – Vol. 6. – № 1. – P. 44–60.
3. Kelly, R.M. Trends in the logic of policy inquiry: a comparison of approaches and commentary / R.M. Kelly // Policy Studies Rewire. – 1986. – Vol. 5. – № 3. – P. 520–528.
4. Dunn, W.N. Methods of the second type: coping with the wilderness of conventional policy analysis / W.N. Dunn // Policy Studies Rewire. – Summer 1988. – Vol. 7. – № 4. – P. 720–737.
5. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки : пер. с англ. и нем. / общ. ред. и авт. вступ. ст. И.С. Нарский. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.
6. Lincoln, Y.S. Research, evaluation, and policy analysis: heuristics for disciplined inquiry / Y.S. Lincoln, E.E. Guba // Policy Studies Rewire. – 1986. – Vol. 5. – № 3. – P. 546–566.
7. Linder, S.H. The analysis of design or the design of analysis? / S.H. Linder, G.B. Peters // Policy Studies Rewire. – Summer 1988. – Vol. 7. – № 4. – P. 738–750.
8. Musheno, M.C. The motive in the social policy process: searching for normative rules of distribution / M.C. Musheno // Policy Studies Rewire. – 1986. – Vol. 5. – № 4. – P. 697–704.
9. Johansen, E. Evaluation as social policy / E. Johansen // Policy Studies Rewire. – August 1986. – Vol. 6. – № 1. – P. 26–35.
10. Scioli, F.P. Problems of controlling the efficiency of bureaucratic behavior / F.P. Scioli // Policy Studies Rewire. – August 1986. – Vol. 6. – № 1. – P. 71–89.
11. Hafferbert, R.I. Policy evaluation, democratic theory and the division of scholar labor / R.I. Hafferbert // Policy Studies Rewire. – 1986. – Vol. 5. – № 3. – P. 511–519.
12. Osigweh, Ch.A. Programm evaluation and its «political» context / Ch.A. Osigweh // Policy Studies Rewire. – August 1986. – Vol. 6. – № 1. – P. 90–98.
13. Policy Studies Rewire. – 1986. – Vol. 5. – № 4. – с. 1.

Antanovich N.A. Conceptual Foundations of Public Policy Analysis: from a Positivist to Post-positivist Paradigm

The article shows that the public policy analysis develops in the positivist paradigm of science and bases on study of political behavior and special research methods. Public policy analysis is considered as a discipline designed to provide policymaking, as well as various forms of social control and to improve management capacity of bureaucratic organizations. «Postpositivist shift» in the 1980s is associated with the ideas of the political influence of values on research, development methodological multiplism and qualitative methodology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.06.2013

УДК 323.21

*А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская***ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (часть 2)***

В данной статье исследуется преимущественно аксиологические характеристики гражданского общества. Первоначально исследуются основные мотивационные стратегии его субъектов. Указывается на специфику их действий и особенности использования ими интегрированных в них материальных ресурсов. В последующем выделяется совокупность функций, осуществляемых субъектами гражданского общества. Анализируется социокультурная, институциональная и экономическая среда функционирования его институтов. Проводятся различия между гражданским и квазигражданским обществами.

Введение

Как уже отмечалось в предыдущей статье, к числу субъектов гражданского общества относится широкий спектр социальных институтов и инициатив, выполняющих важную миссию по позитивной трансформации системы общественных отношений. Однако подобные институты и инициативы только тогда могут претендовать на принадлежность к гражданскому обществу, когда будут обладать определенным ценностным статусом, выраженным в соответствующих мотивационных стратегиях его субъектов – мотивах альтруистических, гуманистических, моральных, ориентированных на реализацию идеи общего социального блага.

Мотивация субъектов гражданского общества

Как справедливо отмечают многие исследователи, социальная деятельность людей в гражданском обществе характеризуется безусловной их активностью в общественных вопросах, но только в таких ее формах, которые обладают позитивным ценностным статусом. Так, например, по мнению Р. Патнама, «членство в гражданском обществе в гораздо большей степени связано с духом гражданского блага, нежели в обществе, ориентированном на распределение прибыли. Граждане в гражданском обществе хоть и не являются бескорыстными святыми, но рассматривают общественную сферу как нечто большее, нежели сражение за реализацию личных интересов» [1, с. 111]. В данных формах социальной практики на первый план выходит не удовлетворение личных утилитарных и меркантильных интересов индивидов, а осуществление субъектами гражданского общества позитивной социальной миссии, выполнение ими задачи общественного служения, нацеленной на конструктивную трансформацию условий жизнедеятельности человека. Исходя из подобного понимания, социальными практиками в формате гражданского общества, к примеру, могут быть и контроль за чистотой избирательной кампании, и участие в решении экологических проблем, и организация групп самопомощи среди социально уязвимых категорий населения, и активность в благотворительных акциях, и т.п. В случае же если отсутствует соответствующая (альтруистическая) мотивация социальной деятельности, то вне всякой зависимости от формального социального статуса любого общественного института и общественной инициативы, включая и структуры «третьего сектора», мы не можем говорить о них как о представителях гражданского общества.

Приведем несколько наглядных в этом отношении примеров. Очевидно, что социальные инициативы по реализации частных и групповых интересов могут нередко су-

* Часть 1 напечатана в : *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2013. – № 1. – С. 36–44.

в криминальных формах: мафиозные образования, бандитские группы, коррумпируемые структуры. Однако отнести их к гражданскому обществу нельзя, и в первую очередь, по их ценностным основаниям.

Другой пример: органы государственной власти в автократических режимах достаточно часто «сверху» формируют «свои» якобы структуры гражданского общества (общественные и профсоюзные организации), нацеленные в действительности на выполнение чисто политических (иногда декоративных) государственных задач. Они призваны канализировать реальные социальные инициативы в выгодное для власти русло, заблокировав деятельность сформированных «снизу» реальных институтов гражданского общества. Такие общественные организации называются в социологии контрдвижением, либо квазигражданским обществом. При этом в некоторых авторитарных государствах может складываться ситуация, когда в публичном пространстве институты квазигражданского общества качественно и количественно доминируют над субъектами подлинно гражданского общества, что, собственно говоря, соответствует изначальной цели государственной политики.

В полной мере подобная оценка относится также к определенному типу НКО, так называемым «грантососам», в основу деятельности которых (при всей их либеральной и демократической риторике) могут быть заложены чисто меркантильные соображения (получение доступа к финансовым ресурсам или же престижные соображения), а окончание внешнего финансирования приводит, как правило, к прекращению самой социальной деятельности общественной организации. Такого рода организации справедливее относить к бизнес-структурам, нежели к гражданскому обществу.

Очевидно, таким образом, что субъекты гражданского общества являются носителями не только определенного типа социальных практик, но и обладают совершенно новой ценностной парадигмой общественного развития, отличающей их аксиологически от других социальных институтов и форм общественной деятельности.

Функциональные характеристики гражданского общества

Характерной чертой гражданского общества является специфическая совокупность действий, осуществляемая ее субъектами. Сама их содержательная направленность, детерминированная, как уже отмечалось, соответствующими мотивационными стратегиями, может быть самой разнообразной, охватывающей практически все сферы жизни общества. Действительно, объектом деятельности гражданского общества является все пространство социальных отношений, но в особенности та его часть, которая находится за пределами непосредственного государственного контроля и управления.

Подобная специфичность действий выражена, в свою очередь, в двух своих базовых формах: 1) ценностных принципах, имманентно социальной деятельности и 2) особенностях использования интегрированных в нее материальных ресурсов, что позволяет судить, относится ли определенный социальный феномен к гражданскому обществу или же нет.

К числу ценностных компонентов социальных практик субъектов гражданского общества относятся следующие. Во-первых, солидарность его участников при осуществлении практических акций. Речь идет об «органической» солидарности (согласно Дюркгейму), основу которой составляет общность мнений и нравственных принципов, т.е. своеобразный моральный консенсус, который отличается от солидарности «механистической», основанной на специализации функций и деловой прагматической взаимозависимости людей. Принципы солидарности должны распространяться не только на взаимодействие между людьми внутри организации, но и на построение партнерских отношений с другими организациями.

Во-вторых, наличие доверия между его участниками, что, в свою очередь, продуцирует высокий уровень социального капитала. Как отмечает американский исследователь Ф. Фукуяма, «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами... Социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными» [2, с. 52, 54]. Рост социального капитала позволяет структурам гражданского общества существенным образом повысить КПД осуществляемой деятельности.

В-третьих, для субъектов гражданского общества, для которых их социальная деятельность лишена меркантильных соображений, характерна ориентация не на конкуренцию и соперничество, а на формирование отношений сотрудничества и взаимной поддержки, и, в конечном счете, на создание социальных сетей, что, в свою очередь, усиливает и каждую организацию (инициативу). Наглядным примером в этом отношении может являться деятельность украинской сети НПО, созданной накануне парламентских выборов 2012 г. для контроля за ходом избирательного процесса, что позволило минимизировать его нарушения.

В-четвертых, деятельности в формате гражданского общества имманентно присущи и свобода выбора его акторами способов и сферы социальной деятельности, и то, что ключевым фактором его самоорганизации является свободный гражданин, по своей воле преобразующий общественную жизнь. Как следствие, развитое гражданское общество присуще именно демократическим государствам. Любой вариант внешнего принуждения его субъектов приводит к квазисостоянию, т.е. к потере ими собственной качественной определенности.

В-пятых, структурам гражданского общества по своей природе свойственен некоммерческий характер их деятельности, что естественным образом рождает волонтерские группы и организации. Речь идет, в первую очередь, об использовании их персоналом собственного рабочего времени (на бесплатной основе) для решения социальных проблем.

Кроме этого, субъекты гражданского общества, как правило, используют для осуществления социальной миссии собственные финансовые и материальные ресурсы, активно занимаясь благотворительностью. Именно в этой сфере происходит существенная разграничительная линия между развитым и неразвитым (слабым) гражданским обществом. Так, согласно Д. Лэйну, по всем аспектам финансовой поддержки новые страны – члены ЕС, в которых гражданское общество находится в зачаточном состоянии, демонстрируют значительно более низкий уровень пожертвований, чем развитые члены Евросоюза – Великобритания и Германия [3, с. 108].

Разумеется, подобный подход совершенно не исключает, а, скорее, предполагает активное использование структурами гражданского общества фондрейзинга, т.е. поиска и использования финансовых ресурсов различных фондов и организаций, включая и бюджетное финансирование, например, в случае государственного социального заказа. Однако в любом случае они призваны делать акцент на самофинансирование. Иначе возникает угроза коммерциализации, что весьма характерно для общественных организаций постсоветских государств. Все это в конечном счете приводит к падению социального авторитета структур гражданского общества. Так, при социологическом опросе жителей Брестской области (2002 г.) более половины респондентов полагали, что мотивы, лежащие в основе социальной самодеятельности, являются эгоистическими и меркантильными: ориентацию на деньги указали 26,8% респондентов, получение власти – 16,0%, престиж 9,2%. [4, с. 9].

Угрозу гражданскому обществу составляет и чрезмерная политизация этого сектора, предполагающая получение внешнего финансирования из международных поли-

тических фондов, что, с одной стороны, вызывает подозрения со стороны действующей власти (например, статус иностранного агента для НКО в США и России, финансирующихся из-за границы), а с другой – сама эта поддержка вызывает определенные обязательства получателей перед внешним донором.

По своей природе субъекты гражданского общества на принципах благотворительности могут предоставлять и некоторый набор материально-технических средств: транспорт, медицинскую технику и препараты, одежду, бытовую и компьютерную технику и др. Однако в любом случае наличие доминанты коммерческих соображений при осуществлении социальной деятельности выводит определенную структуру за пределы гражданского общества.

В-шестых, специфика гражданского общества выражается и в отсутствии авторитарного центра, контролирующего других субъектов. В нем, как правило, существует равенство между его агентами и одновременно гораздо слабее выражены социальные иерархии, нежели в политике или в экономике, а принципы их организационной культуры, помимо универсальных правил, предполагают обязательное следование императивам плюрализма.

В-седьмых, гражданскому обществу с необходимостью присущи самоорганизация, самодеятельность и самоуправление, предполагающие известную автономность его структур по отношению к государству и друг другу. Разумеется, речь не идет об отсутствии взаимодействия между ними, а о том, что центры принятия решений находятся именно в отдельных структурах гражданского общества, а не в государственных институтах, как это зачастую происходит в авторитарных режимах.

В-восьмых, гражданскому обществу характерен открытый характер деятельности, ее транспарентность, что обусловлено как позитивной направленностью самой деятельности («нечего скрывать»), так и ее публичностью, стремлением расширить круг сторонников/партнеров, а также и ее моральной составляющей, предполагающей честность в коммуникациях с властью и общественностью.

В-девятых, важной является также нацеленность структур гражданского общества на самореализацию вовлеченных в них индивидов, поскольку в рамках подобной самодеятельности естественным образом происходит не только решение конкретных общественных проблем, но и неперенный личностный рост ее участников через процессы опредмечивания и распределмечивания их сущностных сил.

В-десятых, гражданское общество основано на принципах субсидиарности. Речь идет о том, что «разграничение компетенций идет не сверху вниз, а снизу вверх, оставляя верховной власти ту часть управленческих функций, которую самостоятельно не могут выполнить нижние уровни» [5, с. 9]. В подобном случае за структурами гражданского общества закрепляются те сферы деятельности, которыми они могут продуктивно заниматься. В качестве примера можно назвать известную монополизацию в Германии сферы социальных услуг общественными и церковными организациями при обязательной финансовой поддержке государства и его же правовой регламентации этого социального сегмента.

Специфика гражданского общества выражается и в своеобразии осуществляемых ими социальных функций. При всем их многообразии исторически и логически наибольшим значением обладают функции контроля за деятельностью государственных структур, в особенности во время избирательных кампаний («избирательные мониторинги»), обеспечивающие обратную связь между общественностью и органами государственной власти, а также публичное и открытое обсуждение крупных правительственных проектов и др. По справедливому утверждению российского социолога Л. Никовской относительно своей страны, которое в полной мере может быть применено и к другим постсоветским государствам, *«главная задача ... современного гражданского*

общества в России – контролировать действия правящей политико-государственной элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти» [6, с. 102]. В этом случае граждане должны «быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией» [7, с. 84].

Однако подобного рода деятельностью не исчерпывается социальная миссия институтов гражданского общества. В их социальной практике важную роль играют и другие функции:

1) репрезентация интересов отдельных социальных групп, например, людей с ограниченными возможностями или же отдельных профессиональных групп;

2) вовлечение гражданских объединений в сферу политического управления социальными процессами, как это происходит, например, с «фабриками мысли», дающими экспертные оценки деятельности различных социальных субъектов, общественных феноменов и др.;

3) повышение компетентности субъектов социальной деятельности (проведение обучающих мероприятий для субъектов агротуризма в современной Беларуси);

4) «укрепление законопослушных форм поведения» (А. Соловьев), т.е. канализация протестных настроений в легитимные рамки;

5) аудит программ политических партий и блоков на предмет их реалистичности и соответствия общественным потребностям, как это делают, к примеру, негосударственные социологические службы;

6) совместная работа в коллективных органах (советы, комитеты, комиссии, организация консультаций и др.), что создает возможности влияния общественности на принятие политических решений;

7) вынесение социально значимых вопросов на общественное обсуждение и их актуализация, как это делает, к примеру, белорусская неправительственная инициатива «Наш дом», концентрируя внимание государственных органов на проблемах ЖКХ;

8) содействие расширению возможностей и социального пространства для общественного участия и содействие ему;

9) сдерживание интервенции власти в те отношения, которые люди способны регулировать без помощи и участия государства;

10) борьба с проявлением индивидуализма и утверждение принципов общесоциальности, поскольку структуры гражданского общества способствуют преодолению социального и личного эгоизма. При этом происходит укрепление значимых для всего общества ценностей и ценностная интеграция населения. Последняя функция имеет особое значение в эпоху консюмеризма, поскольку, как, отмечал российский социолог В. Петухов, «чтобы не допустить окончательной победы потребителя над гражданином, необходим статистически значимый слой свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности самореализации» [8, с. 57]. В этом отношении деятельность в рамках гражданского общества выполняет важную функцию социализации личности.

Рамочные условия гражданского общества

Органической частью системы под названием гражданское общество является социокультурная и институциональная среда его обитания, создающие рамочные условия функционирования и развития его институтов и институций. В изучении этого вопроса мы исходим из принципиального положения Ф. Фукуямы: «Поскольку объединение людей зависит от доверия между ними, а доверие, в свою очередь, обусловлено существующей культурой, следует сделать вывод, что в разных культурах добровольные сообщества будут развиваться в разной степени... Социальный капитал отличается от дру-

гих форм человеческого капитала тем, что обычно он создается и передается посредством культурных механизмов – таких, как религия, традиция, обычаи» [2, с. 51–52].

Социокультурный компонент представлен, в первую очередь, его цивилизационной составляющей, укоренившейся в обществе политической культурой, социальной активностью населения, наличием в обществе развитого гражданского сознания и гражданской культуры.

Именно социокультурный фактор существенным образом детерминировал сам генезис гражданского общества. Как утверждает А. Неклесса, рассуждения о генетике гражданского общества тесно связаны с феноменом коммунальной, производительной городской культуры. «Гражданское общество базируется на новом понимании личности, т.е. это *сообщество граждан-горожан...* Сообщество граждан-горожан Большого Модерна – объединения людей, не только сознающих свою общность перед лицом внешнего мира и потому заинтересованных в правильном управлении коммунальным (общим) хозяйством, но и ...обладавших удивительным, постепенно осознаваемым даром новой культуры: достоинством, присущим от рождения любому человеку» [9, с. 77–79]. Подобная мотивация не может не порождать различные формы гражданской активности.

Действительно, подавляющее число исследователей исходят из того, что гражданское общество является производной от западной цивилизации, ее институциональных и ценностных характеристик, а именно: 1) ключевого положения закона как регулятора социальных отношений; 2) способности человека совершать прагматичный, рациональный и одновременно моральный выбор; 3) индивидуализма как признания высшей ценностью уникальной человеческой жизни, прав и свобод отдельного индивида; 4) социального плюрализма разнообразных автономных групп, создающих для обслуживания собственных интересов группы давления, сетевые отношения; 5) политической конкуренции и других атрибутов демократического общества.

Все это формирует, в конечном счете, гражданскую политическую культуру, предполагающую не только общественную активность и социальную ответственность множества рядовых граждан, но и их лояльность по отношению к действующей политической системе, которая ими рассматривается не столько как противник, соперник, отчасти даже как социальный антипод, сколько как партнер в пространстве решения общественных проблем.

В связи с этим нельзя не согласиться с российским политологом А. Галкиным, утверждавшим, что «мифом является ...распространяемая посылка, согласно которой гражданское общество и политическая система – органические антагонисты, отношения между которыми имеют исключительно конфликтный характер». Отчуждение между ними «не может быть постоянным и абсолютным, поскольку это сделало бы невозможными нормальную деятельность и даже само существование общественного организма» [10, с. 123–124]. В реальности между государством и гражданским обществом возможны и необходимы позитивное и конструктивное взаимодействие, хотя бы по той причине, что общественная деятельность всегда осуществляется в рамках определенного правового и политического поля, созданного государством. Очевидно также, что институты гражданского общества и институты государства могут в решении конкретных проблем иметь общие цели и взаимно дополнять друг друга. Это происходит, например, в современной Швеции, где получили широкое распространение Местные повестки-21, созданные локальными сообществами и инициативами, но при активном бюджетном финансировании и государственном аудите.

Действительно, гражданское общество – элементарная составная часть действующей демократии. Как справедливо отмечает украинский исследователь А. Филатов, «идея, на основе которой может развиваться сотрудничество государственных институтов и общественных организаций, выражается лозунгом «государство и гражданское

общество – сотрудничество во имя демократии» [11, с. 118]. Более того, уровень демократии в каждой стране существенным образом зависит от характера взаимодействия между государством и гражданским обществом. Очевидно, что государство в различных политических системах создает условия либо поощряющие, либо затрудняющие образование структур гражданского общества. Но не менее очевидно и то, что без саморазвивающегося гражданского общества, способного контролировать правящую бюрократию, политические институты, государство никогда не будут демократическими. При этом демократическое правовое государство создает не только оптимальную правовую среду функционирования гражданского общества, но оно же одновременно ориентировано на императивы социального партнерства. В зависимости от степени демократизации общества, их приближенности к либеральным стандартам, реально могут существовать и развиваться различные типы гражданского общества, характеризующиеся различным уровнем самоорганизации и социальной зрелости.

Разумеется, при идентификации гражданского общества следует учитывать и национальную специфику. Нельзя не согласиться с Ю. Красиным: «Если же понимать под гражданским обществом энергию общественной самодеятельности и самоорганизации, то она рано или поздно бывает востребована в любом национально-государственном сообществе, в какой бы исключительно своеобразной среде оно ни развивалось. Но в этом случае обязательно признание национальной социокультурной специфики российского гражданского общества» [12, с. 121]. Другое дело, что в авторитарных режимах подобной социальной самодеятельности минимум при максимуме государства и государственного участия, что заставляет говорить о слабости гражданского общества, но, разумеется, не о его отсутствии.

Важным условием становления и развития гражданского общества является экономический компонент, а именно: 1) высокий уровень жизни населения, позволяющий гражданам «инвестировать» в социальные проекты значительные средства, что имеет принципиальное значение для развития гражданского общества как в пространстве обеспечения собственной финансовой независимости, так и осуществления благотворительных программ. Например, на протяжении последних десяти лет американские фонды ежегодно тратили на свои благотворительные проекты и инициативы в среднем 30 млрд долл., а в европейских странах – членах Евросоюза ежегодно благотворительные фонды выделяют на свои программы около 100 млрд евро. На сегодняшний день в Европе зарегистрированы и активно работают более 110 тыс. благотворительных фондов и в них заняты в среднем от 750 тыс. до 1 млн человек (прямое трудоустройство) [13, с. 8]; 2) рыночная экономика, создающая свободного экономического субъекта, способного по собственной воле распоряжаться финансовыми средствами, и являющаяся экономическим базисом гражданского общества; 3) социальная ответственность бизнеса, субъекты которого мотивированы не только утилитарными, но и гражданскими соображениями, возлагая на себя миссию финансовой поддержки социальных инициатив.

Заключение

Таким образом, говоря о структурно-функциональной схеме гражданского общества, мы можем говорить о нескольких его критериях, неразрывно связанных и накладывающихся друг на друга. Первый критерий, выделяемый сугубо по формальным признакам, указывает на институты и институции в виде общественных организаций и инициатив, групп интересов, функционирующих в формате социальных инициатив и самоорганизации. Что же касается совокупности и сферы осуществляемых ими социальных практик, то они находятся совершенно вне системы непосредственного государственного управления, включают в себя практически все социальное пространство, но при этом в достаточно высокой степени сфокусированы на функциях демократического

контроля за деятельностью органов государственной власти, исходя из принципов субсидиарности. Однако далеко не все из выше названных институтов и социальных практик в конечном счете соответствуют второму критерию гражданского общества: к нему принадлежат только те из них, персонал которых мотивируются соответствующим образом, т.е. альтруистическими, гуманистическими мотивами социального служения, на периферию при этом отодвигая меркантильные (коммерческие) соображения. Поэтому не случайно, а закономерно подобные общественные организации и инициативы называются некоммерческими, в то время как те из них, кто претендует на этот статус, но отдает предпочтение утилитарным экономическим соображениям, его лишаются.

Третий критерий делает акцент только на тех общественных структурах и инициативах, которые, исходя из подобной моральной и социально ответственной мотивации, соответствуя организационным (правовым) критериям гражданского общества и четко осознавая свою общественную миссию, делают выбор в пользу тех способов действий, которые основаны на определенных ценностях: принципах демократии, солидарности, сотрудничества, прозрачности, самоорганизации и самореализации их носителей. Следовательно, в конечном счете к числу структур гражданского общества относятся только те социальные институты и инициативы, которые соответствуют этим трем критериям. Остальные же общественные структуры при всем внешнем их соответствии критериям гражданского общества в реальности относятся к квазигражданскому обществу.

Разумеется, речь идет о некоей идеальной картине, в которой институты гражданского общества выступают в «чистом виде». В реальности они являют собой достаточно противоречивую картину, заключая в себе как высокие мотивы, так и меркантильные стратегии, как самоорганизацию, так и определенный уровень внешнего управления. Перевес одной из них позволяет судить о доминанте в них либо миссии общественного служения, а значит, о наличии гражданского общества либо ее отсутствии или ограниченности, т.е. о его квази(псевдо)состоянии.

Институты гражданского общества естественным образом интегрированы в определенное социокультурное, политическое и экономическое пространство, которое способствует их развитию либо же ограничивает их. Разумеется, в условиях авторитарной традиции и политического патернализма гражданские инициативы в той или иной степени неизбежно блокируются, и, наоборот, политический плюрализм и правовое государство стимулируют его развитие. В полной мере подобный подход характерен и для экономической составляющей: рыночная экономика способствует его развитию, в то время как экономическая монополия оказывает на него разрушающее воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Патнам, Р.Д. Творення демократії. Традиції громадської активності в сучасній Італії / Р.Д. Патнам. – Київ : Основи, 2001. – 302 с.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели на пути к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «АСТ», 2004. – 730 с.
3. Лэйн, Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии / Д. Лэйн // Полис. – 2012. – № 2. – С. 98–116.
4. Лысюк, А.И. Общественные инициативы Брестского региона: социологический анализ / А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская // Аналитический бюллетень Белорусских Фабрик мысли. – 2002. – № 4. – С. 4–11.
5. Сердобинцев, К.С. Дифференциация власти, собственности и управления – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества в России / К.С. Сердобинцев // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 3–13.

6. Никовская, Л.И. Конфликтологический анализ современного гражданского общества / Л.И. Никовская // *Полис*. – 2012. – № 3. – С. 100–104.

7. Никовская, Л.И. Публичная политика в регионах России / Л.И. Никовская, В.И. Якимец // *Полис*. – 2011. – № 1. – С. 80–95.

8. Петухов, В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В.В. Петухов // *Социс*. – 2012. – № 1. – С. 48–60.

9. Неклесса, А.И. Генетика гражданского общества / А.И. Неклесса // *Полис*. – 2012. – № 3. – С. 77–84.

10. Галкин, А.А. Гражданское общество: мифы и реальность / А.А. Галкин // *Полис*. – 2012. – № 2. – С. 123–126.

11. Филатов, А.С. Демократия и гражданское общество: украинский выбор / А.С. Филатов // *Украина: гражданское общество в контексте европейской интеграции*. – Луганск : Знания, 2004. – С. 66–160.

12. Красин, Ю.А. Становление гражданского общества. Российская головоломка / Ю.А. Галкин // *Полис*. – 2012. – № 2. – С. 120–123.

13. Гулевская-Черныш, А. Европейская благотворительность: мы и они / А. Гулевская-Черныш // *Зеркало недели. Украина*. – № 4. – 1 февр. 2013 г. – С. 8.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civil Society: Structural-Functional Characteristics (Part 2)

The purpose of this article is primarily the study of civil society's axiological characteristics. Firstly, the main motivational strategies of its subjects are studied. The specific nature of their activities and the peculiarities of use of material resources integrated into them are pointed out. Next, the totality of functions, executed by the subjects of civil society is singled out. The socio-cultural, institutional, and economic environment of its institutions' functioning is studied. Distinctions are made between civil and quasi-civil societies.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.06.2013

УДК 291.13(141.7+004.738.5)

О.В. Добродум

РЕЦЕПЦИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА: ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКЦИИ, РЕФЛЕКСИИ И ДИСКУРСЫ

В статье рассматриваются различные формы рецепции протестантизма в контексте глобализационных проекций, рефлексий и дискурсов. Лидером протестантского сообщества являются США, в то же время происходит «протестантизация мира». Несмотря на задекларированный светский характер американского государства и презумпцию религиозной свободы, утверждаемые Америкой в глобальном масштабе, религия является «плотью и кровью» государственной системы и политического устройства в целом. Протестантизм выступает как наиболее оптимальное интегрирующее начало и в восприятии некоторых даже как своеобразная гражданская религия страны, хотя это и противоречит законодательству о свободе совести в Конституции США.

Феноменом современности становится возникновение понятий «политическая теология», «политический евангелизм», «политическая христология» и т.п., происходит постмодернистское возвращение теолого-политической темы, оживление имперского духа в США на основании теологии замещения (американцы как евреи, Америка как Сион Нового Света) и одновременно усиление влияния протестантизма на публичной арене в Америке и по всему миру.

Введение

На настоящем этапе цивилизационного развития протестантизм зачастую является значимым и влиятельным компонентом картины мира современных граждан. Исследовать взаимоотношения религии и политики в разных странах мира, например, в США, нельзя без учета влияния протестантизма на историю этих стран.

Роль протестантизма в политической истории США осмыслили Г. фон Кайзерлинг, М. Тетчер, Л. Ларуш, П. Бергер, П. Бьюкенен, Ж. Бодрийяр, Дж. Фридман, Ш. Меер, У. Альтерматт, Р. Вуфнау, Р. Хуммель, Т. Танкредо, К. Коукер, Д. Фурман, А. Уткин, Т. Юсупов, телеевангелисты Х. Линдсл, П. Робинсон и Дж. Фолуэлл.

Так, в истории США известно два особенно крупных ривайвелистских движения: Великое пробуждение 1720–1770 гг., 1780–1830 гг., последний субэтап начался в 1960-е гг. и длится поныне (имеется в виду возрождение пятидесятников и харизматическое движение «За Иисуса»). В начале 1990-х гг. тысячи христиан различных деноминаций и Организация «Марш для Иисуса» в Америке ежегодно 18 мая стали проводить празднование Дня Иисуса.

Благодаря использованию метафорических выражений наподобие «выхода Израиля из плена», «под сенью Моисея» американской историософией осуществляется символическая легитимизация сотериологической миссии США как библейской нации в архетипических формах глобальной протестантизации и евангелизации, инкультурации и синтеза либерализма с пуританством, религиозного экуменизма и христианской глобалистики, универсальности и расширения конфессиональной мозаики.

В мире нарастает противостояние религиозных консерваторов и секуляристов, за океаном определенных побед добиваются радикальные консерваторы: «Смерть Запада» П. Бьюкенена стала настольной книгой американских фундаменталистов, можно вспомнить и возмущенную реакцию на инвективы Папы Римского Бенедикта XVI в адрес «агрессивного секуляризма» (левая пресса его тут же обвинила в догматизме), а также дело с прекращением искусственного питания находившейся много лет в коме Терри Шайво (фундаменталисты тогда задействовали Верховный суд США) [1].

Параллельно с секулярным мировоззрением либеральный протестантизм распространяет идеалы прав и свобод человека, ответственности христианина за весь мир. Парадокс состоит в том, что именно протестантские проповедники-либералы являются од-

ними из создателей секулярной версии идеологии христианского глобализма в западном обществе, а общечеловеческие ценности в религиозном виде распространяются в страны бывшего СССР или Юго-Восточной Азии с помощью миссионеров-консерваторов.

Цель исследования – изучение глобалистских экспликаций протестантизма в современном международном сообществе (на примере США).

Некоторые атрибутивные характеристики современного протестантизма

В США постепенно складывается представление, что хотя религия – личное дело каждого и никто не имеет права навязывать религию другому, каждый нормальный американец должен непременно придерживаться какой-нибудь религии. Америка – страна тысячи верований – всегда была плодотворной почвой для религиозного творчества, и не семейная или этническая традиция, а свободный поиск определяет духовную жизнь. Как подчеркивал религиовед С. Здиорук, отсюда и признание равенства всех вероисповедных направлений не только перед законом, но и перед историей, и провозглашение права на свободу совести самой высокой человеческой ценностью [2].

Не следует забывать, что фундаментализм и современные проявления религиозного радикализма являются порождением именно протестантизма, и неслучайно, что именно они имеют сильные позиции в протестантских странах, в первую очередь, в США. Американские протестантские фундаменталисты участвуют в акциях против гомосексуалистов, против разрешения абортот и ведут непримиримую борьбу против христиан, сотрудничающих с представителями других религий («Армия Бога», «Ветвь Давыдова», «Завет», «Меч», «Рука Господня» и др.).

Говоря о воздействии протестантизма на американскую политику, необходимо вспомнить и телепроповедников: телеевангелист Х. Линдсл, который в своей книге «Большая усопшая планета» предсказал войну русско-арабского мира против США, был приглашен Р. Рейганом в Пентагон для проведения лекций, а телепроповедники П. Робинсон и Дж. Фолуэлл после трагедии 11 сентября объявили, что происшедшее является карой Божьей, посланной американским христианам за их чрезмерный либерализм и компромиссы в отношении других религий [3]. Протестантско-фундаменталистское мировоззрение является осевой линией американской цивилизации, религиозно-догматическим воплощением «проявленного предназначения» (manifest destiny) США.

Начавшийся в 1980-х гг. «религиозный лоббизм» («Моральное большинство», «Религиозный круглый стол», «Христианская коалиция» и пр.) характеризуется тем, что протестантские организации мотивируют свое решение «заботой о будущем человеческой цивилизации» и «выполнением неоспоримых предписаний Бога». В крайних движениях наблюдается рост насилия на религиозной почве: взрывы абортариев и убийства врачей со стороны крайних сторонников военизированных движений, в западных штатах движение «Христианское самоопределение» было вдохновителем ряда убийств, в том числе и известных деятелей.

Исламская объективированность протестантизма

Непосредственно военная политика в США также выступает религиозно ангажированной. Один из оружейных поставщиков Пентагона спровоцировал определенное напряжение международных отношений: производитель оптических прицелов для штурмовых винтовок «Trijicon» признался, что фирма уже 30 лет выбивает на корпусах закодированные послания из Нового Завета (винтовками с такими прицелами Министерство обороны вооружает морских пехотинцев в Ираке и Афганистане) [4]. Подобные надписи встречаются на оборудовании, вооружении, грузах тылового обеспечения и пр.

Весной 2009 г. катарский канал «Аль-Джазира» выпустил в эфир сюжет, призванный показать, что американские солдаты и военные капелланы в Афганистане и Ира-

ке пытаются обращать местных жителей-мусульман в христианство, патрулируя улицы с Библией в руках (подобные сообщения регулярно появляются на правозащитных сайтах в США и других странах, скажем, сайт <http://www.scribd.com/doc/15419956/Should-Soldiers-in-Iraq-and-Afghanistan-Proselytize>). Впрочем, об опасности таких практик говорят не только правозащитники: миссионер-пятидесятник А. Тэйлор пишет, что «военный прозелитизм» может привести к неверному восприятию мусульманами Америки как государства религиозных фундаменталистов, отмечая, что, по данным опросов, 2/3 мусульман считают американские военные операции на Востоке священной войной [5].

Неоднозначность американской религиозности отмечена американским теологом П. Бергером, сказавшим: «Наиболее религиозные люди живут в Индии, наименее религиозные – в Швеции. США – это страна, населенная индусами, которыми управляют шведы». По мнению американцев, влияние религии на жизнь США достигает беспрецедентных размеров: 78% жителей считают, что роль религии в жизни общества растет – это самый высокий показатель за последние четыре десятилетия. Показательно, что религиозность общества практически вдвое усилилась после атак 11 сентября: в сентябре–октябре 2001 г. примерно на 60% выросли продажи Библии и Корана, на 28% выросли продажи религиозной периодики, резко увеличились аудитории религиозных радио- и телепрограмм, а также посещаемость религиозных сайтов [6].

Америка испытала увеличение посещаемости церквей с 11 сентября, однако оно не стало драматическим: опрос 21 и 22 сентября 2001 г. о посещении церкви или синагоги за последние семь дней выявил 47% посещавших, 64% сказали, что религия очень важна для них. В январе 2002 г. 20 тыс. чел. превратили нью-йоркский стадион «Янки» в межрелигиозное собрание, Библия, Коран и книги о вере испытывали значительный рост продаж и в некоторых магазинах были полностью распроданы. СМИ говорили о жизнеутверждающем, практическом и необходимом служении, с которым столкнулись священники и раввины, газеты сосредоточились на рефлексиях о присутствии Бога в истории и религиозных вопросах, стоявших перед нацией: «Где был Бог?», «Где был Сатана?» и «О чем мы должны молиться?» [7].

Протестантизм и некоторые проявления политкорректности

Важный аспект исследования политики США в области религии [8] – политкорректность как магистральное направление и маркер религиозной свободы в этой стране, проявившийся в перманентных дискуссиях на тему хиджабов, гей-парадов, однополых браков, аборт, эвтаназии, клонирования, легализации марихуаны, женской хиротонии и пр. [9]. Атеисты критикуют девиз Америки «На Бога уповаем» (запечатленный на американских долларах), государственный гимн с упоминанием Господа в последнем куплете: «Восславим Силу, сделавшую нас и сохранившую нам страну... Пусть нашим лозунгом будет «В Боге наша вера...», требуют убрать фразу «Да поможет мне Бог» из клятвы президента страны и слов «перед Богом» из присяги на верность государству, непolitкорректной объявляют Декларацию независимости США из-за слов: «Все люди сотворены равными и наделены Творцом неотчуждаемыми правами», критикуют наличие в Конгрессе института капелланов и национальный день молитвы.

Критику атеистов вызывают минуты молчания в школах в знак верности флагам США и штата, упоминание о Боге в клятве верности для школьников и клятве полицейских и слова «один народ под Богом» в тексте клятвы гражданина страны. В Америке существует традиция акций атеистов, гуманистов и агностиков против Священных Писаний и религиозных праздников, против вывешивания скрижалей с Десятью заповедями в публичных местах. Широко распространена религиозная реклама и антиреклама, в том числе размещенная на автобусах. Власти США «стесняются» поздравлять согра-

ждан с Рождеством Христовым, предпочитая поздравления с зимними либо с сезонными праздниками.

В США основополагающие принципы демократического общества – свобода слова и свобода вероисповедания – периодически вступают в противоречие друг с другом, а также с иными правами и свободами граждан, в частности, с законами, запрещающими религиозную дискриминацию. В миссионерских кругах часто можно услышать мнение, что Соединенные Штаты становятся постхристианской страной, а эксперты предупреждают: в Америке нарастают процессы, которые могут закончиться тем, что христианство окажется вне закона. «Законы о преступлениях на почве ненависти» уже используются в США и других странах для преследования тех, кто осмеливается высказать основанные на Библии взгляды на гомосексуальное поведение, ислам и другие вопросы, о которых совершенно определенно сказано в Писании.

Рынок религиозных верований самым своим существованием подталкивает к мысли, что все религии истинны, поэтому соблюдение канонов определенной религии для миллионов людей становится не приобщением к божественному откровению, а просто результатом индивидуального выбора, который, в принципе, мог бы быть и иным. О силе приватизации религии говорит то обстоятельство, что примерно 70% американцев считают религиозные взгляды сугубо частным делом и не связывают их с принадлежностью к религиозным организациям. Религия собственного выбора неминуемо обслуживает личные нужды, будь то потребность в божественном оправдании своих действий или склонность к поиску духовных устоев: приватизированная религия лучше совмещается с политической демократией [10].

Число людей, покинувших традиционные церкви, растет не только в Европе, но и в США: 28% американцев хотя бы раз в жизни сменили свою конфессиональную принадлежность, а если посчитать протестантов, которые перешли из одной церкви в другую, получается и вовсе 44% [11]. 16,1% опрошенных отпали от какой-либо религии, но не присоединились к другой; атеистами назвали себя лишь 1,6%, агностиками – 2,4% [12].

Опрос, проведенный в 2008 г. среди христиан США, показывает, что они проявляют больше «лояльности к торговой марке зубной пасты или туалетной бумаги», чем к собственной церковной деноминации. Авторы этого исследования классифицировали церкви как бренды с целью изучить тенденции «церковного шопинга» и «рынка религиозных услуг» США. Лишь 16% протестантов заявили, что не собираются менять свою принадлежность к той или иной христианской деноминации, в то же время 22% опрошенных сообщили о полной лояльности к бренду своей зубной пасты и 19% – к любимой марке туалетной бумаги. Среди американских протестантов, регулярно посещающих богослужения, семь из десяти заявили, что могли бы сменить деноминацию [13].

Некоторые инновационные тенденции в жизни современного протестантизма

Важной тенденцией является рост численности христиан, находящихся вне деноминаций, что связывается с увеличением популярности мегацерквей: если в 1990 г. в США насчитывается менее 200 тыс. прихожан мегацерквей, то в 2009 г. их число превысило 8 млн человек. Другой феномен – евангельское христианство, оказывающееся шире церковных рамок: евангелистами и «заново рожденными христианами» называют себя 34% взрослых американцев и 45% от общего числа христиан (среди католиков такие характеристики к себе применяют 18%). Сдвиг в сторону более универсальных и мягких форм евангельского христианства является в США главной тенденцией среди протестантов [14]. В то же время американцы сравнительно мало знают о своей религии, хотя большинство заявляют, что они христиане. Половина взрослых не может назвать все четыре Евангелия в Библии, а большинство американцев не знают и первой книги – Бытия; они считают, что Иисус согрешил, пока находился на земле, отрицают

указание на реальность духовного врага или считают, что рассказывать Евангелие можно выборочно [15].

В «религиозном супермаркете» американцы могут обменять свою веру на более подходящую, заявляя о том, что «моя вера не меняется – я всего лишь поменял бренд», и употребляя понятия «духовный бизнес», «церковный маркетинг», «религиозный спрос», «духовный продукт», «религиозная реклама», «индустрия просветления» и пр.

В США все большее распространение получают инновационные способы церковного брендинга [16]: так, в магазинах сети «Forever 21» вера оказывается «пропечатанной» (благодаря ссылкам на Евангелие) на предметах одежды и упаковочных пакетах для молодежи. Прозелитизм некоторым образом осуществляется через этикетки [17], посредством функционирования «христианских» ночных клубов, евангельских рэп-фестивалей, «христианского» серфинга, евангелизации в стиле рэггей, панк и хип-хоп.

Исследование особенностей поклонения в церквях Америки в 2004 г. показывает: 15% опрошенных пасторов ответили, что их поклонение стало более современным, 36% – частично более современным. 36% всех церквей использовали «Power Point» или подобную компьютерную графику, по крайней мере, раз в месяц, использование христианской рок-, поп-музыки и музыки в стиле кантри возросло до 25%. Использование пасторами театральных постановок и скетчев увеличилось до 42%, возросло и использование видеоклипов на службах [18].

Заключение

В консервативном восприятии протестанты и их международные миссии ассоциируются с влиянием западных государств-конкурентов (в первую очередь, США), капитализмом, либерализмом, глобализмом и экспортом демократии, экспансией Запада, презумпцией американизма, Белым Домом. Евангелизм, политический центр которого находится в Америке, получает значительное распространение в разных регионах Земного шара: демократические основы протестантского вероучения позволяют ему завоевывать последователей, в том числе в странах Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии, благодаря созданию параллельного христианского социума, имеющего трастовую структуру, способствующую успешному развитию мелкого и среднего бизнеса, а основные положения социальной доктрины евангелистов, основанные на буквальной интерпретации цитат из Священного Писания, во многом совпадают с политическими основами либерализма республиканского типа.

Значительной части американских протестантов свойственны фундаменталистские, миллениаристские (хилиастические), апокалиптические и конспирологические идеи, а конституционно закрепленная сепарационная модель взаимоотношения государства и религии иногда трактуется как невмешательство государства в дела религии и церкви, но не наоборот. Религиозно ангажированной предстают и военная, электоральная, экономическая политика.

Протестантам удается создать новые институты, хорошо приспособленные для деятельности в условиях глобального пространства, где «для Христа нет границ», протестантские тезисы привлекательны для современного потребителя, а протестантские идеи органично влились в ту трансструктуру, которую лидеры глобализма видели в перспективе [19]. Протестантам свойственна высокая степень адаптации к изменившимся условиям: их мировоззрение глобально по сути, они ощущают себя членами одного христианского мирового сообщества, которое постепенно покрывает собой все страны и народы, осознающие значение для миссионерства интеграционных процессов в мире [20].

Реальностью современного этапа религиозной жизни в Америке становятся офисные священники и космические капелланы, мобильные дома поклонения в арсенале армии США и молитвенные станции в разных регионах мира, предлагающие молитву про-

хожим. Показательными в этом контексте являются советы христианам «проштудировать некоторые страницы учебника для сотрудников системы ресторанов «McDonald's» и поучиться у организаторов фаст-фуда искусству принимать людей, впервые переступивших церковный порог» [21], учитывать духовные и теологические ценности, которые несут с собой мюзиклы [22] и т.д. и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаликов, Б. Навалиться всем собором / Б. Фаликов // Газета. – 2006. – 31 марта.
2. Здіорук, С.І. Суспільно-релігійні відносини: виклики Україні ХХІ століття / С.І. Здіорук. – Київ : Знання України, 2005. – С. 529.
3. Филатов, С.Б. Возвращение к основам (протестантский фундаментализм) / С.Б. Филатов // Фундаментализм / Ин-т востоковедения РАН. – М. : Крафт+, 2003. – С. 107–126.
4. «Secret Bible Codes» on Military Weapons. – Mode of access : <http://christianfighterpilot.com/blog/2010/01/20/secret-bible-codes-on-military-weapons/>.
5. Spencer, R. Media Dream Come True : «Christian» Groups Fighting Muslims / R. Spencer. – Mode of access : <http://www.humanevents.com/article.php?id=36267>.
6. Террористы повысили религиозность общества // Washington ProFile : Weekly Digest. – 2001. – 24 дек.
7. Hertz, T. Weblog: Religion Up, Church Attendance Not / T. Hertz // Christianity Today. – 2002. – 9 January.
8. Kohur, A. The Diminishing Divide: Religion's Changing Role in American Politics / A. Kohur [etc.]. – Washington, DC : The Brookings Institution, 2000.
9. Carter, S.L. The culture of disbelief: How American law and politics trivialize religious devotion / S.L. Carter. – NY : Basic Books, 1993.
10. Религиозная составляющая // Washington ProFile: Weekly Digest. – 2007. – 11 янв.
11. Wuthrow, R. The Restructuring of American Religion / R. Wuthrow. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1988.
12. Фаликов, Б. Религия без религии / Б. Фаликов // Газета. – 2010. – 11 янв.
13. Banks, A.M. U.S. Protestants more loyal to toothpaste brand than church? / A.M. Banks // USA TODAY. – 2009. – 16 February.
14. Американцы верят в Бога, «летающие тарелки» и ведьм // Washington ProFile : Weekly Digest. – 2003. – 22 окт.
15. What America doesn't know about religion. – Mode of access : <http://www.getreligion.org/2007/03/what-america-doesnt-know-about-religion/>.
16. Moore, R.L. Selling God: American Religion in the Marketplace of Culture / R.L. Moore – NY : Oxford University Press, 1994.
17. Kerusso – Christian T-Shirts, Christian Jewelry, Christian Gifts, Christian Toys, Jesus Shirts. – Mode of access : <http://www.kerusso.com/>.
18. Ash, T.G. Free World: America, Europe, and the Surprising Future of the West / T.G. Ash. – NY : Random House, 2004. – P. 46–83.
19. Атаев, Т. Протестантизм и католицизм в аспекте геополитики и постсоветское пространство (1990-е гг.). – Режим доступа : <http://www.islamrf.ru/news/point-of-view/analytics/1879>.
20. Budde, M. The (Magic) Kingdom of God: Christianity and the Global Culture Industries / M. Budde. – Boulder, CO : Westview Press, 1997.
21. McDonald's goes to church – fast-food franchise within church complex. – Mode of access : http://findarticles.com/p/articles/mi_m1365/is_2_32/ai_77482609/.

22. McLeod, D. Academic claims musicals are the new religion / D. McLeod // The Guardian. – 2004. – 29 September.

Dobrodum O.V. Reception of Protestantism: the Globalization Projection, Reflection and Discourse

The leader of Protestant community is the United States, while at the same time we can see the «protestantization of the world». Despite the declared secular nature of American States and the presumption of Religious freedom, approved by America in a global measurement, Religion is «flesh and blood» of the State System and the Political Organization as a whole. Protestantism emerges as the most optimal integrating principle and even, in the perception by somebody, as a kind of Civil Religion of the country, although this is contrary to the law of Freedom of Conscience in the U.S. Constitution.

The emergence of the concepts «Political Theology», «Political Evangelism», «Political Christology» etc. becomes the Phenomenon of our time. There is the return of the Postmodernist Theological-Political topics, the revival of the imperial spirit in the United States on the basis of Replacement Theology (the Americans as Jews, America as Zion of the New World), and at the same time the strengthening of the influence of Protestantism in the Public arena in America and all over the world.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.06.2013

УДК 32.01:303

Н.В. Ляхович-Петракова**ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ:
ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ И СРЕДСТВО ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ**

В статье рассмотрены показатели эффективности государственного управления, рассчитываемые международными организациями. Выявлены факторы, повлиявшие на появление потребности в формировании показателей. Показано влияние этих факторов на содержание и характер расчета показателей, а так же границы их применимости. Особое внимание уделяется интегральным показателям качества государственного управления, WGI и CPIA, рассчитываемым по инициативе Всемирного Банка, показателям, рассчитываемым в ЕС в рамках программы SIGMA. Рассмотрена сущность этих показателей как инструмента, позволяющего странам-донорам ранжировать потенциальных реципиентов для оказания помощи в соответствии со своими приоритетами.

В современной политико-управленческой науке и практике все большее распространение получают количественные показатели, характеризующие качество политических процессов, государственного управления. Международные организации, аналитические центры предлагают индексы, составляют рейтинги, отражающие состояние различных стран по качеству как отдельных политико-управленческих процессов, так и политики и государственного управления в целом.

Для постсоветского пространства эта тема является достаточно новой. Поэтому исследователей, как правило, в первую очередь интересуют вопросы методики построения показателей. Особую популярность имеют индексы демократии (Е.Н. Максимова, Л.Л. Даховник [1], А.Н. Зельницкий [2]). Распространены обзоры/систематизация показателей (И.М. Локшин [3], Е.И. Добролюбова [4], И.Н. Барциц [5]). Ряд исследователей представляет собственные методики расчета (М.Г. Миронюк, А.Ю. Мельвиль, Е.Ю. Мелешкина, Я.И. Ваславский, Ю.А. Полунин [6]). Белорусские авторы рассматривают методологические аспекты индексов (Н.А. Антанович [7], Ю. Чаусов [8]), уделяют внимание показателям, имеющим значимость для экономики (М.М. Ковалев [9]). В то же время в мире все более важным становится вопрос предназначения, границ применимости и использования показателей (К. Арндт [10], С.Е. Мерри [11]).

Помимо научного интереса, показатели, отражающие качество государственного управления, имеют и политико-экономическое значение: на их основе формируются представления о стране, ее имидж (страны с низкими рейтингами, как правило, ограничены в возможности получать инвестиции, участвовать в различных проектах). Это обуславливает значимость и актуальность исследования.

Цель статьи – на основании изучения возникновения показателей, рассчитываемых международными организациями для оценки качества политики и государственного управления, выявить их назначение и рамки применимости.

Активизация использования на международном уровне показателей качества государственного управления была вызвана как политическими, так экономическими факторами. Конец холодной войны, исчезновение биполярного мира привели к тому, что идеологические критерии деления стран на своих и чужих, как основание для оказания помощи и поддержки, потеряли актуальность. На смену ему пришла новая риторика, основанная на идеях совместного интереса и совместной пользы. Безопасность на мировом уровне рассматривается как производная от устойчивости и качества политических и экономических процессов в отдельных странах. Страны, уровень развития которых значительно ниже уровня развития их окружения, рассматриваются как потенциально проблемные. В результате логичной становится практика, когда развитые страны

или мировое сообщество в целом через международные фонды и организации оказывают помощь отстающим в интересах поддержания общей безопасности.

В конце XX в. имел место беспрецедентный рост количества программ помощи и прямых инвестиций развивающимся странам. Так, С. Арндт отмечает, что в 1980 г. инвестиции составили 10 млрд долл., в 1996 г. – 100 млрд, а в 2004 г. уже 200 млрд долл. США [10, с. 24]. При этом важным мотивом помощи было инициирование и оптимизация экономических реформ в направлении от государственной интервенции к рыночно-ориентированной экономике, самостоятельному привлечению новых инвестиций. Конкуренция стран-реципиентов стимулировала национальные правительства осуществлять меры, которые бы открывали дорогу для новой помощи и инвестиций. Однако эти меры не всегда имели результатом развитие экономики. Значительная часть программ оказались неэффективными. Так, страны Африки, размеры помощи которым с 70-х гг. XX в. неуклонно росли, не демонстрировали видимых результатов развития [12, с. 179]. В Азии показательной стала ситуация иранской революции 1979 г., которая оказалась настолько неожиданной для инвесторов, что стала одним из факторов активизации использования кредитных рейтингов [10, р. 50]. С накоплением данных, позволивших статистически оценить опыт помощи странам, стало понятно, что качественная помощь – это не только инвестиции и программы. Не менее важно умение эффективно адресно направлять и использовать средства и получать желаемые результаты.

Можно выделить три подхода, объяснявших причины неэффективности программ помощи. Первый основывался на критике теории «двойного дефицита», в соответствии с которой внешняя помощь должна была стимулировать экономический рост путем заполнения дефицита внутренних сбережений и иностранной валюты (Гриффин, Доулинг, Бун, Мосли) [12, с. 178]. Однако увеличение объемов внешней помощи не приводило к пропорциональным увеличениям в развитии и инвестициях. В качестве объяснения были выдвинуты предположения о коррупции, нецелевом использовании средств правящей элитой. Стало понятно, что внешняя помощь часто способствует сохранению политических режимов, которые не заинтересованы в проведении реформ [12, с. 179]. Странам-получателям не хватает квалифицированных специалистов для освоения получаемых средств. При этом стало ясно, что неэффективное использование средств приводит к воспроизводству и усугублению ситуации, создавая «зависимость от помощи».

Второй подход акцентировал внимание на том, что эффективность внешней помощи зависит от внутренней среды в странах-получателях. Так, Дж. Ишам, Д. Кауфманн и Л. Притчет пришли к выводу, что проекты Всемирного банка более успешны в странах с высоким уровнем гражданских свобод [13].

Третий подход критиковал преобладание политических и коммерческих интересов организаций, оказывавших помощь, над мотивами развития [12, с. 182].

Таким образом, из трех пунктов критики программ помощи два указывали на то, что эффективная помощь в развитии невозможна без качественного государственного управления в странах-реципиентах. Появилась потребность в оценке качества политики и государственного управления, как факторов, влияющих на успех внешней помощи реформам. Такая оценка позволяла выявить и более точно определить эффективность программ.

К этому времени в социальной и политической науках сформировался некоторый опыт оценки государственного управления. В конце 1980-х гг. в странах Запада прошла волна административных реформ, получивших название «новое государственное управление», в результате которых была создана методология оценки качества государственного управления. К 90-м гг. XX в. социальная наука накопила опыт использования количественных показателей для сравнительной оценки социальных процессов. Развивалась социально-экономическая статистика. В 1966 г. с выходом книги «Социальные индикаторы» [14], написанной по заказу NASA группой социологов под ре-

дакцией Бауэра, началось «Движение за социальные индикаторы». Американскими политологами под руководством Т.Р. Гурра был реализован проект «Полития». Академия наук СССР в 1976 г. осуществила проект «Типология несоциалистических стран», в рамках которого на базе обобщения данных международной социально-экономической статистики исследовались 85 стран, строилась 31 переменная [15].

Все эти исследования показали, что наиболее эффективным способом оценки управления является построение комплексных показателей качества государственного управления. В 90-х гг. XX в. отдельные страны и международные организации начинают финансирование разработки индикаторов, характеризующих страны и позволяющих их сравнивать. Особое внимание уделяется показателям, характеризующим качество государственного управления и его отдельные аспекты. Так, эксперты Международного валютного фонда в 1996 г. отметили, что «содействие хорошему управлению осуществляется в том числе путем обеспечения верховенства закона, улучшения эффективности и подотчетности государственного сектора и борьбы с коррупцией, в качестве основных элементов, границ, в которых экономика может процветать» [16].

В политической науке и практике начинает активно использоваться категория «хорошее управление», рассматриваемое и как средство достижения развития и как цель развития. Всемирный банк определил «хорошее управление» как «осуществляемую предсказуемо, открыто и осознанно политику принятия решений; бюрократию, следующую профессиональной этике; исполнительную ветвь власти ответственную за свои действия и сильное гражданское общество, участвующее в государственных делах, и все действующие в соответствии с законом» [17, с. XIV].

Разные исследователи в числе критериев качества политики государственного управления называют различные характеристики: поддержка правительства, взаимное доверие, легитимность, отсутствие гражданской войны и др.

Международные организации, аналитические центры также строят показатели, характеризующие отдельные стороны политики и государственного управления. Наиболее часто оценивается демократия (индекс и рейтинги демократизации организации Freedom House, индекс демократизации Т. Ванханена из Университета Хельсинки). Значительный резонанс имеют исследования коррупции (индекс восприятия коррупции организации и Барометр мировой коррупции Transparency International, индексы организации Global Integrity, индекс непрозрачности Pricewaterhouse-Coopers). Значительное внимание политико-управленческим аспектам уделяется при оценке рисков PRI, в том числе политических рисков BERI, ICRG. Рассматриваются экономические аспекты управления (Индекс экономической свободы организации Heritage Foundation).

В ходе многих из этих исследований важной проблемой было обеспечение достоверности данных. В политической науке получили распространение исследования, ориентированные на поиск корреляций между показателями, предоставляемыми разными организациями [3]. Некоторые организации, например, Transparency International, проводят сложные операции с данными, позволяющие повысить уровень их достоверности. Так, в индексе восприятия коррупции, наряду с количеством баллов и рангом страны, приводятся также число источников, разница между наиболее высокими/низкими значениями индикаторов, величина стандартного отклонения и доверительный интервал по каждой стране. Ряд организаций не принимают данные от стран, где отсутствует достаточное количество источников информации.

Однако исследования отдельных проблем отражают лишь определенные стороны государственного управления. Поэтому все более значимыми и резонансными становятся комплексные показатели, позволяющие не только оценить качество государственного управления по отдельным параметрам, но и агрегировать различные показатели, получаемые иногда из одного, а иногда из разных источников.

Можно выделить национальные и межстрановые интегральные оценки качества государственного управления. К методикам первой группы относятся, например, американская программа оценки качества управления GPP; «Стратегии государственного управления – от вступления к интеграции» в Болгарии [4], ДРОНДы в России [18]. Однако исследования этого типа отражают специфику и задачи государственного управления отдельных стран и не подходят для межстранового сравнения.

Межстрановые оценки ориентированы на сравнение стран вплоть до построения рейтингов и, как правило, осуществляются международными организациями. При этом они могут иметь универсальный характер и применяться ко всем странам мира либо иметь региональную локализацию.

Одним из самых известных проектов универсальных межстрановых сопоставлений стал проект Всемирного Банка WGI [19]. Его исходной целью была оценка перспектив для свободного развития бизнеса в той или иной стране. Критерии и индикаторы для формирования WGI впервые разработали в 1990-е гг. Д. Кауфман, А. Край, М. Мастрucci. Индикаторы строятся на основе интеграции данных нескольких сотен шкал, полученных в результате исследований в странах мира. Каждая шкала измеряет один показатель государственного управления. После этого посредством математических процедур обработки шкалы поэтапно объединяются в шесть индикаторов, на основании которых строятся рейтинги, приобретающие значение от 0 (минимальное) до 100 (максимальное) для каждой страны [3]. WGI включает шесть показателей:

- 1) право голоса и подотчетность;
- 2) политическая стабильность и отсутствие насилия;
- 3) эффективность правительства;
- 4) качество регулирования;
- 5) верховенство закона;
- 6) контроль коррупции.

На базе показателей WGI Институт Всемирного банка разработал интегральный показатель государственного управления GRICS. На его основе можно проводить межстрановые сравнения. Рассчитывается он каждые два года. Показатель используется в качестве одного из критериев при выделении средств из Фонда развития тысячелетия.

К числу интегральных показателей государственного управления относят также CPIA. Этот показатель является результатом работы по системной оценке качества работы госорганов, начатой Всемирным банком еще в 1970-х. Оценивает факторы, способствующие политике страны и институциональным изменениям для сокращения масштабов нищеты, устойчивому росту и эффективному развитию. CPIA имеет 16 компонентов, разделенных на четыре группы. Первые 8 индикаторов, объединенные в блоки А (экономический менеджмент) и В (структурная политика), носят экономический характер. Показатели блоков С (политика социального равенства и включения) и D (управление госсектором и институты государства) оценивают политико-управленческие аспекты. Блок С включает такие параметры, как гендерное равенство, справедливое использование государственных ресурсов. Блок D оценивает управление государственным сектором и институты государства и включает следующие показатели: право собственности и управление, основанное на законе; качество бюджетного и финансового менеджмента; эффективность в мобилизации доходов, качество государственной администрации; транспарентность, подотчетность и коррупция в госсекторе. Все показатели основаны на экспертных оценках по странам командами банка, которые готовят свои предложения по рейтингам. Для оценки по каждому из критериев используется шкала от 1 до 6 («1» – самое плохое качество, «6» – высшее качество).

Существует два набора индексов CPIA: 1) взвешенная сумма четырех кластеров конкретных показателей с равными весами своих субкомпонентов; 2) индекс, который

ставит весом 0,68 на управление кластером CPIA и 0,24 к среднему из трех других компонентов. Показатели CPIA используются в выделении льготных кредитов Международной ассоциации развития (IDA). Строится IRAI. Ресурсы IDA выделяются на основе показателей страны в рейтинге. Особое значение имеет индекс IDA специального распределения индекса (ISAI), который основывается на результатах ежегодного постконфликтного показателя (PCPI). Этот показатель, в свою очередь, рассчитывается для стран, имеющих право на исключительные ассигнования IDA.

Еще более заметна оценочная составляющая при проведении региональных оценок. Так, в Европе достаточно известной является программа SIGMA – совместная инициатива Организации экономического сотрудничества и развития и Европейского Союза, которая финансируется Европейской Комиссией и Организацией экономического сотрудничества и развития. Задачей SIGMA является содействие совершенствованию системы государственного и корпоративного управления. Она реализуется на основе оценки прогресса реформ по сравнению с первоначальным состоянием в 6 областях: государственная служба; управление разработкой и реализацией политики; управление государственными расходами; контроль за международными финансовыми операциями; внешний аудит; государственные закупки. В основе оценки лежат стандарты ЕС, базирующихся на правилах, директивах, а также лучшем опыте ЕС. Программа касается как стран, входящих в ЕС, так и государств – кандидатов на вступление. В 1999 г. SIGMA разработала Общую схему оценки, которую принято относить к показателям государственного управления «второго поколения».

На основе программы реализуются стратегии административной реформы практически во всех странах ЕС. SIGMA также проводит экспертную оценку для стран – кандидатов на членство в ЕС и представляет рекомендации Европейской Комиссии и странам-бенефициарам относительно соответствия их систем государственного управления требованиям, необходимым для членства в Европейском Союзе.

Региональный показатель «Индекс эффективности государственного управления в Африке Мо Ибрагима» [22], рассчитываемый «Mo Ibrahim Foundation» (эта организация занимается поддержкой лучших управленцев в Африке), строится на основе интеграции статистических данных, оценивает эффективность государственного управления в африканских странах. При подсчете индекса правительства оцениваются по 88 индикаторам, показывающим уровень услуг, предоставляемых правительствами гражданам. Эти услуги сгруппированы по четырем категориям: безопасность и законность; равноправие и права человека; устойчивые экономические перспективы; человеческое развитие. Подобные задачи решает и рейтинг, составляемый организацией APRM, который имеет целью собрать достоверную информацию.

Можно сделать вывод, что все создаваемые международными организациями показатели, отражающие качество государственного управления, имеют сильно выраженную оценочную составляющую. Однако история развития систем показателей позволяет понять, что оценочная составляющая обусловлена в первую очередь их предназначением. Целью оценки является не просто ранжирование стран, выделение более и менее усмешных. Показатели качества государственного управления являются инструментом, позволяющим странам-донорам ранжировать потенциальных реципиентов в соответствии со своими приоритетами, главным из которых является способность страны потратить полученные ресурсы с максимальной пользой и минимальными проблемами, которые могут быть вызваны неэффективным государственным управлением. В то же время для стран получателей помощи значения их рейтингов – это всего лишь отражение их перспектив для получения ресурсов.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Максимова, Е.Н. Индексы демократии как инструмент анализа институционального развития: украинский контекст / Е.Н. Максимова, Л.Л. Даховник // *Грані*. – Дніпропетровськ, 2010. – № 3(71) – С. 134–138.
2. Зельницкий, А. Измерение индекса демократии как предпосылка управления процессом демократизации (Украина и посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы, 1994–2004) / А. Зельницкий // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2004. – № 2. – С. 156–168.
3. Локшин, И.М. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи / И.М. Локшин // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. – 2011. – № 4. – С. 74–92.
4. Добролюбова, Е.И. Показатели эффективности реформ государственного управления в России: возможные подходы. Рабочие материалы / Е.И. Добролюбова // *Всемирный банк. Система мониторинга реформ государственного управления в России: возможные подходы [Электронный ресурс]*. – 2003. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/home/25/admref_5_1.doc. – Дата доступа : 16. 06. 2013.
5. Барциц, И.Н. Показатели эффективности государственного управления (субъективный взгляд на международные стандарты) / И.Н. Барциц // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. – 2008. – № 1.
6. Мельвиль, А.Ю. Опыт классификации стран / А.Ю. Мельвиль [и др.] // *Полис*. – 2006. – № 5. – С. 15–39.
7. Антанович, Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии / Н.А. Антанович // *Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. – 2010. – № 1. – С. 161.
8. Чавусаў, Ю. Свабода мэтадалогіі – мэтадалогія свабоды / Ю. Чавусаў // *Палітычная сфера*. – 2004. – № 3. – С. 78–90.
9. Ковалев, М.М. Факторы, влияющие на экономический рост, конкурентоспособность и страновые рейтинги / М.М. Ковалев, В.В. Новик // *Вопросы внешней политики Республики Беларусь*. – Минск : БГУ, 2001. – С. 68–117.
10. Arndt, C. Governance indicators / C. Arndt. – Maastricht : Boekenplan. – 2009. – 329 p.
11. Merry, S.E. Measuring the World Indicators, Human Rights, and Global Governance / S.E. Merry // *Current Anthropology*. – 2011. – Vol. 52. – Supplement 3. – S. 83–95.
12. Нуршаихова, А.Ж. Проблемы оказания содействия развитию: обзор современной критики / А.Ж. Нуршаихова // *Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2010. – № 2. – С. 179–185.
13. Isham, J. Governance and Returns on Investment: An Empirical Investigation / J. Isham, D. Kaufmann, L. Pritchett // *World Bank Policy Research. – Working Paper*. – 1995. – № 1550.
14. Bauer, R.A. Social Indicators / R.A. Bauer – MIT Press Classics. – 1967. – 380 p.
15. Бородкин, Ф.М. Социальные индикаторы – что это такое? / Ф.М. Бородкин // *Мир России*. – 2004. – № 4. – С. 62–101.
16. The IMF's Approach to Promoting Good Governance and Combating Corruption: A Guide [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access : <http://www.imf.org/external/np/gov/guide/eng/index.htm>. – Date of access : 09.06.2013.
17. Governance: The World Bank's Experience. – Washington : The World Bank. – 1994. – 65 p.
18. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Минфина России // *Мин-во финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]*. – 2011. – Режим

доступа : <http://www.minfin.ru/ru/reforms/budget/resoriented/report/minfin/> – Дата доступа : 09.06.2013.

19. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project // Worldbank [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp>. – Date of access : 16.06.2013.

20. CPIA 2011 criteria // Worldbank [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.worldbank.org/ida/papers/CPIAcriteria2011final.pdf>. – Date of access : 16.06.2013.

21. SIGMA // OECD [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.oecd.org/site/sigma/about/>. – Дата доступа : 16.06.2013.

22. The 2012 Ibrahim Index of African Governance (IIAG). Methodology // Moibrahimfoundation [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://www.moibrahimfoundation.org/downloads/2012-IIAG-methodology-EN.pdf> – Date of access : 16.06.2013.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

PRI – Political Risk Index;
BERI – Business Environment Risk Intelligence;
ICRG – International Country Risk Guide;
GPP – Government Performance Project;
ДРОНД – Доклад о результатах и основных направлениях деятельности органов исполнительной власти;
WGI – World governance indicators;
GRICS – Governance Research Indicator Country Snapshot;
CPIA – Country Policy and Institutional Assessment);
IDA – International Development association;
IRAI – IDA Resource Allocation Index;
ISAI – IDA Special Allocation Index;
PCPI – Post-Conflict Performance Indicators;
SIGMA – Support for Improvement in Governance and Management;
ЕС – Европейский союз;
APRM – African Peer Review Mechanism.

Liachovich-Petrakova N.V. Governance Indicators at the International Level: Assessment Tool and Tool for Development Assistance

Governance indicators calculated by international organizations have been analyzed in the article. The factors that influenced the emergence of the need for the formation of the indicators were considered. The influence of these factors on the content and nature of the calculation, as well as the limits of their applicability were described. Particular attention is paid to the integral index of governance, such as WGI and SPIA, calculated by the World Bank, the index calculated in the EU in the framework of SIGMA program. Indicators are considered as a tool to enable the donor countries to rank potential recipients of assistance in accordance with their priorities.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2013

УДК 327

*И.А. Кузнецова, Ф.Х. Левисон Карильо***ВИДЫ КОНТРОЛЯ НАД ВЛАСТЬЮ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕНЕСУЭЛЫ)**

В статье проводится теоретический анализ соотношения власти и контроля, выделяются основные виды контроля: институциональный и гражданский. Институциональный контроль определяется зафиксированной в конституции системе разделения властей и основан на равновесии между ветвями государственной власти. Гражданский контроль подразумевает контроль общества за действиями властей в виде развитой партийной системы, контроля со стороны избирателей и других структур гражданского общества. На примере Республики Венесуэла устанавливаются факторы, определяющие виды и пределы контроля над властью: специфика законодательства, политическая культура населения, доминирующий тип идеологии, характер политического лидерства и политической элиты, социально-экономическая ситуация, внешнеполитическая составляющая. Выявлено, что контроль над властью может являться элементом стабильности политической системы и инструментом легитимации власти.

Проблема контроля над властью занимает центральное место в обеспечении стабильности функционирования политической системы. Более того, данная проблематика не теряет своей актуальности в условиях демократии, даже вопреки укоренившемуся в политической теории мнению о том, что контроль политической сферы присущ скорее авторитарным и тоталитарным режимам. Каждое государство заинтересовано в легитимности существующих властных институтов, так как это гарантирует его эффективное функционирование. В данной связи особенно важно найти надежное соотношение власти и контроля, поскольку если превысить пределы контроля, это может подорвать легитимность власти, и, в конечном счете, привести к дезинтеграции всего политического механизма.

Авторы ставят своей целью доказать, что контроль над властью может служить инструментом легитимности политической системы, а также выявить факторы, оказывающие влияние на установление границ контроля в Республике Венесуэла.

В условиях демократических режимов все сферы жизни общества находятся вне прямого контроля со стороны властных структур. Поэтому выражение «контроль над властью» применительно к демократиям, на первый взгляд, содержит в себе явное противоречие. Тем не менее если рассматривать данное высказывание с точки зрения теории разделения властей, то становится понятным, что институциональный контроль перманентно присущ самой природе демократии. Классическая теория разделения властей, разработанная Ш. Монтескье, направлена на то, чтобы предотвратить превалирование одного органа власти над другим, а ее довольно распространенная трактовка, сформулированная испанским ученым Андресом де Бласом, звучит следующим образом: «С помощью разделения власти между различными органами ...обеспечивается баланс между властью монарха, дворянства и народа при древнем режиме» [1, р. 98]. Данный принцип, унаследованный нами от Монтескье, является основополагающим и необходимым для обеспечения управления государственным механизмом, что способствует равновесию между властями и позволяет государству эффективно контролировать членов общества для того, чтобы в современной цивилизации люди со своими личными интересами и амбициями согласились подчиняться во благо всего общества. Все это служит для достижения высокого уровня общественной организации, регулируемой правовой системой, единственной целью которой является общее благосостояние.

Разделение государственной власти способствует не ослаблению власти, а ее укреплению и равновесию, основанному на системе «сдержек и противовесов». Легитим-

ность государственной власти основывается на одобрении данной власти обществом, что достигается посредством контроля избирателей за властными институтами в ходе выборов, участия политических партий, общественных организаций в политической жизни страны. Данный вид контроля за действиями властей можно рассматривать как гражданский контроль, осуществляемый институтами гражданского общества. Мексиканский исследователь Д. Валадес определяет два вида контроля над властью следующим образом: «С одной стороны, действия, которые применяет к себе сама власть, с другой стороны, действия, являющиеся результатом гражданской активности» [2, с. 13].

Способы осуществления контроля над властью зависят от типа политической системы, а также характера политического окружения. К числу факторов, оказывающих влияние на установление видов и границ контроля над властью, относятся особенности политической и правовой культуры населения, доминирующий тип политической идеологии, состав правящей элиты, социально-экономическая ситуация в стране, специфика законодательства. Кроме того, в условиях глобализационных процессов, происходящих в современном мире, возникает необходимость введения также внешнеполитической составляющей в механизм контроля над властью. В рамках каждого из видов контроля можно выделить отдельные элементы. Так, институциональный контроль в зависимости от ветвей власти подразделяется на законодательный, исполнительный (административный), судебный, а также прокурорский надзор.

В конституции каждой страны содержатся инструменты, составляющие правовую систему контроля, которая, помимо разрешения разногласий, служит для управления организациями и учреждениями, регулирования их деятельности, общественной жизни, а также удовлетворения потребностей социальных служб в обеспечении безопасности жизнедеятельности населения.

Начиная с 1999 г., с приходом к власти команданте Уго Чавеса, венесуэльское правительство дало ход значительным преобразованиям в политической, экономической и, в первую очередь, социальной сфере, для чего в самом начале своего правления Президент предложил учредить и заново выстроить Боливарианскую республику, внедрив новые механизмы, позволяющие государству осуществлять власть над обществом и обеспечивать ее эффективность. Данные изменения были закреплены путем принятия нового Основного закона страны. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999 г. устанавливает систему разделения властей и четко определяет полномочия органов, осуществляющих публичную власть. Так, в ст. 136 Конституции сказано: «Публичная государственная власть распределяется между муниципальной властью, властью штатов и общенациональной властью. Власть общенационального уровня разделяется на законодательную, исполнительную, судебную, систему защиты прав человека и избирательную власть» [3, р. 48].

В целом Конституция ориентирована на внедрение значительных изменений в политическую систему Венесуэлы, а также направлена на построение нового общества с социальными ценностями, в котором гарантированы основные права на развитие личности посредством передачи власти народу, вовлеченному в процесс управления страной. Кармен Бохоркес описывает новую Конституцию следующим образом: «Боливарианская Конституция направлена на образование демократического и социального государства, основанного на принципах права и справедливости, путем создания новой правовой системы, которая позволит обеспечить эффективное функционирование социальной демократии прямого участия, в которой гарантируются условия для автономного и достойного личностного развития, а власть осуществляется с учетом выполнения всего объема прав человека» [4].

Итак, в стране конституционно закреплена президентская система правления, где глава государства (президент) является одновременно главой исполнительной вла-

сти и возглавляет правительство. В то же время орган законодательной власти – Национальная ассамблея (однопалатный парламент) – обладает правом импичмента по отношению к президенту. Установление однопалатного парламента является довольно нетипичным для федеративного государства, и, кроме того, возможность роспуска Национальной ассамблеи президентом в случае троекратного отклонения его важных предложений, позволяет судить о перевесе полномочий в сторону исполнительной власти. В случае «жесткой» системы разделения властей законодательная и исполнительная ее ветви взаимно сдерживают друг друга, а парламент и правительство во главе с президентом имеют относительно равные полномочия.

Исходя из текста Основного закона, институциональный контроль в Венесуэле хотя и достигается посредством деконцентрации властных функций между ветвями власти, однако с довольно ощутимым креном в пользу исполнительной власти и неопределенностью функций судебной власти, что свидетельствует о некотором дисбалансе в системе разделения властей. Тем не менее контроль исполнительной власти во главе с президентом и вице-президентом не превышает допустимых пределов. Во многом это объясняется харизматической личностью бывшего президента Уго Чавеса и проводимой им политикой «широкой демократии», носящей явную социально-демократическую направленность, а также готовностью населения страны воспринимать проводимые реформы. Легитимация гражданами страны государственной политики не дает оснований судить о существующем режиме как об авторитарном в его классическом понимании, поскольку подобные режимы держатся исключительно за счет страха и угнетения населения, а «лидеры, находящиеся у власти, извлекают огромные личные выгоды и осуществляют неэффективную политику, включая постоянный патронаж населения» [5, p. 1259].

Специфической чертой конституционной системы Венесуэлы является выделение в системе разделения властей гражданской власти, которая не имеет аналога в других странах. Гражданская власть осуществляется Республиканским советом по вопросам нравственности в составе Генерального прокурора, Генерального контролера республики, а также народного защитника. Механизм защиты прав человека осуществляется посредством ведения института омбудсменов, призванных следить за недопущением нарушений прав человека по отношению к гражданам как со стороны государства, так и непосредственно в самой системе власти. Электоральная власть создана для контроля за формированием органов власти на всех уровнях, а также в структуре партий и общественных организаций. Избирательная власть осуществляется Национальным избирательным советом. Данные нововведения позволяют говорить о конституционном закреплении гражданского контроля как одного из элементов в системе разделения властей и институционализации механизмов защиты прав человека. Таким образом, гражданский контроль в Венесуэле предусмотрен на конституционном уровне и поэтому является неотъемлемой частью институционального контроля.

В то же время гражданский контроль за властью может проявляться и в таких традиционных формах, как контроль со стороны институтов гражданского общества: политических партий, общественных организаций, избирателей. Важнейшим индикатором демократичности общества служит развитая партийная система, поскольку партии являются связующим звеном между обществом и властью. Сложившаяся в Венесуэле после падения военной диктатуры П. Хименеса в 1958 г. многопартийная система в полной мере удовлетворяет политические пристрастия населения.

До прихода к власти Уго Чавеса во главе сформированного им в 1997 г. Движения Пятая Республика (ДПР) в стране при формальной многопартийности доминировали две политические партии: Демократическое действие (ДД) и Социал-христианская партия (КОПЕЙ). На данный момент в парламенте представлен широкий спектр поли-

тических партий: от центристских до крайне левых, – что является признаком политической активности населения. Лидирующее положение занимает Единая социалистическая партия Венесуэлы, которую возглавлял У. Чавес вплоть до своей кончины, с 2013 г. – Н. Мадуро. Партия получила на последних парламентских выборах 26 сентября 2010 г. 93 места в парламенте из 165 возможных [6]. Идеологическая программа ЕСПВ привлекательна своей социальной ориентацией с упором на построение «демократического социализма» и нацелена на привлечение в качестве социальной базы представителей уязвимых слоев населения, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства. Однако популярность эта партия получила преимущественно благодаря личности Уго Чавеса, что позволило ЕСПВ привлечь в свои ряды широкие общественные массы.

Поддержка со стороны венесуэльского народа объясняется харизматизмом личности самого команданте и преобладанием персоналистских тенденций в политической культуре населения. Кроме того, партия сумела правильно сформулировать социально-политическую платформу, основополагающими принципами которой является боливарианский проект, черпающий вдохновение главным образом в идеях Симона Боливара, пропитанных духом национального освобождения и независимости. Идеология национального возрождения заложила в сознание венесуэльского народа дух патриотизма, который характеризовал его политический путь со времен войны за независимость, и придала революционный характер происходящим в стране переменам. В условиях экономической нестабильности венесуэльское общество нуждалось в фигуре «освободителя», который бы привел страну к социально-экономическому процветанию. По мнению генерала Мюллера Рохаса, одного из ближайших соратников Уго Чавеса и его советника, «боливарианизм, служащий вдохновением этого движения, не является доктриной или теоретическим учением, которое может быть использовано для решения реальных проблем общества, это скорее пространство, в котором венесуэльское общество наполняется метафорическим содержанием» [7, р. 181]. Представленные У. Чавесом социально-экономические преобразования, отраженные в Конституции 1999 г. и в плане «Симон Боливар», в целом получили широкую поддержку венесуэльского народа, который принял действия государства, а также механизмы контроля с целью достижения и обеспечения политической стабильности в стране. Социально-экономические потребности населения были взяты под контроль государства на законных основаниях, и это не вызвало широкого общественного недовольства, а, наоборот, способствовало легитимации проводимых властями реформ.

В условиях взаимозависимого мира внешнеполитическая составляющая играет также существенное значение в определении границ контроля над властью. Применительно к Республике Венесуэла ее международная политика во многом определяется энергетическим фактором, связанным с экспортом нефти. Страна была в числе основательниц организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) в 1960 г. и на данный момент является ее активной участницей, поэтому льготные поставки нефти используются для укрепления позиций Венесуэлы на мировой арене. Как член ООН и ОАГ страна выступает за создание широкой сети регионального сотрудничества в латиноамериканском регионе. Безусловно, торговля нефтью выступает в качестве мощного рычага контроля не только в регионе, но и во всем мире, а в эпоху глобализации служит для сдерживания гегемонистских претензий отдельных государств и крупнейших международных корпораций. В данном контексте речь идет о контроле над властью глобального масштаба, позволяющем государству не только сохранить свой суверенитет и независимость, но и выстраивать самостоятельную внешнюю политику.

Таким образом, пример государственной политики в Республике Венесуэла свидетельствует о том, что контроль над властью по своей сути направлен на поддержание стабильности функционирования политической системы. В то же время такой конт-

роль должен быть осуществлен в разумных пределах, закрепленных в законодательстве, и легитимирован обществом. В противном случае превышение границ контроля может привести к дезинтеграции политического организма и, в конечном счете, его распаду.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Blas Guerrero, Andrés de. *Teoría del Estado I. El Estado y Sus Instituciones* / Andrés de Blas Guerrero. – Madrid : UNED, 2010. – 460 p.
2. Валадес, Д. Контроль над властью / Д. Валадес. – М. : Идея-Пресс, 2006. – 248 с.
3. *Constitution of the Bolivarian Republic of Venezuela*. Titulo original: *Constitución de la República Bolivariana de Venezuela*. – Caracas : Asamblea Nacional Constituyente, 1999. – 144 p.
4. Bohórquez, Carmen L. *La Experiencia del Proceso Venezolano Actual* / Carmen L. Bohórquez // Conferencia de la Universidad del Zulia, Venezuela [Recursos electrónicos]. – 2005. – Modo de acceso : <http://www.uca.edu.sv/facultad/chn/c1170/bohorquez1.htm>. – Fecha de acceso : 17.06.2013.
5. Gerard, Pedro i Miquel. *The Control of Politicians in Divided Societies: The Politics of Fear* / Pedro i Miquel Gerard // *Review of Economic Studies*. – 2007. – № 74(4). – P. 1259–1274.
6. Единая социалистическая партия Венесуэлы // Википедия [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.ru.wikipedia.org>. – Дата доступа : 17.06.2013.
7. Sandoval Forero, E.A. *Venezuela: Horizonte Democrático en el Siglo XXI* / E.A. Sandoval Forero, R. Salazar Pérez, A. Romero Salazar. – LibrosEnRed. – 2003. – 472 p.

Kuznetsova I.A., Levison Carrillo F.J. The Types of Control over the Power and their Influence on the Stability of the Political System (as an example Venezuela)

In the article the theoretical analysis of a correlation between power and control is made, the main types of control are revealed: institutional and civil. Institutional control is determined as being fixed in the constitution of power's division system that is based on the balance between the branches of state power. Civilian control means control of society over the authorities' actions in the forms of developed party system, electoral control and other civil society's structures. As an example of the Republic of Venezuela the factors defining the types and limits of the control are found: specific legislation, political culture of population, dominant type of ideology, the characteristic of political leaders and political elites, social and economic situation, and foreign policy. In this article it is revealed that the control over the power may be an element of political stability and an instrument of legitimizing power.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.06.2013

УДК 327:316.3

Ю.А. Цырфа**РОЛЬ СОЦИУМА В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

В статье детально рассматривается существующая взаимосвязь между конструктом внешнеполитической идентичности государства и его социальной составляющей, которая является одним из основных факторов, влияющих на формирование идентичности. Доказано, что, опираясь на отдельные коллективы или группы, составляющие население конкретного государства, оно использует наличие угроз безопасности, существующих извне, с целью сплочения социума и становления позитивного восприятия политики государства, которая, будучи поддерживаема населением, придает властному механизму черты «биомогущества». В этой связи установлено, что, пытаясь реализовать свои интересы на международной арене, параллельно выстраивая идентичность собственного «Я», государство налаживает интеракции со значимыми для него «Другими». В результате существующие между ними различия постепенно исчезают или, наоборот, приводят к применению государством технологий самоконтроля либо самосвязывания с целью сохранения идентичности социума и, как следствие, его внешнеполитической идентичности.

Введение

Поскольку государство-нация уже в течение достаточно длительного времени считается ключевым актором международных отношений, первично феномен внешнеполитической идентичности рассматривается с точки зрения его государственной принадлежности, ведь и все остальные постулаты теоретизирования относительно развития мировой политики в первую очередь выстраиваются с учетом исключительного значения государственных игроков или зависимости определенных процессов от их развития. Становление Вестфальской системы международных отношений, которая легитимизировала первичность существования суверенных государств, способствовало замене исключительной власти церкви властными полномочиями отдельных суверенов [1, с. 43]. До подписания Вестфальского мирного договора 1648 г. абсолютное подчинение всех властных отношений церковным канонам нивелировало наличие определенных общественных различий на уровне отдельных социальных групп и, соответственно, созданных на их основе европейских государств. Поэтому, получив своеобразное «узаконивание» своего существования, после 1648 г. государства стали способными выстраивать их внешнеполитические идентичности как основной механизм репрезентации собственных «Я», природа которых наделяла их исключительной властью выявлять, представлять и нормализовать отдельные аспекты общественных отношений, базовыми для которых выступали имеющиеся социальные различия [1, с. 47].

В данной статье ставится цель проанализировать существующие взаимосвязи между социумом отдельного государства и его властным механизмом, а также определение роли, которую их взаимодействие играет в процессе конструирования внешнеполитической идентичности государственного актора международных отношений.

Формирование взаимоотношений по оси «нация – государство»

Считается, что Вестфальский мир продлил теоретический этап разрешения дилеммы баланса идентичности и различий, который приобрел очертания весомого фактора развития международных отношений как таковых, однако его подписание не стало своего рода переломным моментом для начала полного игнорирования влияния все еще

Научный руководитель – Е.А. Коппель, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

довольно существенного теологического фактора выстраивания международной политики. Первоначально роль государства сводилась скорее к своеобразному «тиражированию» достижений христианства в процессе выделения и защиты групповой идентичности, которая получила доминирующую роль по сравнению с существующими общественными различиями [1, с. 48]. Иными словами, суверенное государство перебрало на себя ранее присущую религии функцию, определив новые теоретические «ареалы» реконструирования своей идентичности. Однако все же был в корне реорганизован состав акторов, которые должны были представлять идентичности и различия отдельных обществ.

С появлением националистического дискурса, истоки которого все еще являются сомнительными с точки зрения современной теории международных отношений, суверенные государства приобретают характеристики государств-наций, которые перебирают на себя ключевую роль в политических взаимодействиях, возникающих на европейском поприще. В конце XIX в. каждая нация тяготеет к позиционированию своей группы в качестве этноса – самодостаточной, органической общности, которая характеризуется собственными четко определенными принципами развития, своего рода собственной «душой» [2, с. 591]. С точки зрения Э. Кедури, националистический дискурс видит человечество в роли естественного объединения наций с присущим набором исключительных признаков (существование которых может быть легко установлено), а единственно возможным типом легитимного управления считает национальное самоуправление [3, с. 9]. Данное положение, по сути, способствует признанию государств-наций как «естественных» и бесспорно «истинных» акторов современных международных отношений. Ведь само собой государство-нация тяготеет к трактовке его сущности на основе присущей ей национальной и территориальной целостности, основанной на предположении об абсолютизации существующей в ее пределах этнической гомогенности и предоставлении государству права политической репрезентации определенных общественных групп.

Современное развитие международных отношений доказывает существенность данного тезиса, устанавливая своеобразный баланс существования государства (как основного международного игрока) и народа, который всегда придерживается националистического дискурса развития. Учитывая интенсификацию мировых политических, экономических, социально-культурных и других связей, а также принимая во внимание углубление процессов глобализации, можно утверждать, что отдельные националистические идеологии пока неспособны удовлетворить большинство требований социума. Очень часто практическое применение националистического дискурса вызывает обратный эффект бытия отдельного народа, ведь существенно ограничивает выбор инструментария его существования исключительно идеологическими объектами, применение которых не обеспечивает постоянной поддержки развития той или иной общественной системы. Как следствие, невыполнение отдельных требований членов общества приводит к мобилизации социума с целью поддержки и укрепления механизмов существования государства-нации. Поэтому люфт, образующийся при гармонизации воли народа и сущности представительных механизмов государства, может быть существенно сужен.

Согласно точке зрения большинства теоретиков международных отношений, образование нации всегда является основой для создания реально действующего государственного механизма, поэтому идентичность «населения» государства выступает своеобразным базисом для легитимизации института государства и реализации его дальнейшей практической деятельности. Однако сегодня представители исторической социологии утверждают о первичном образовании государства как института, легитимизация деятельности которого происходит посредством конструирования нации и дальнейшей реализации идеологии национализма. Например, по мнению Б. Андерсона, любая нация

должна восприниматься в качестве «мнимого политического сообщества», существование которого подтверждается настолько, насколько оно может считаться своего рода культурным артефактом, представленным текстуально [4, с. 4–6]. Похожий тезис высказал и Ч. Тилли, утверждая, что ни одно скоординированное, иерархически выстроенное и территориально организованное сообщество не может считаться «национальным государством». По его мнению, незначительное количество существующих национальных государств смогли когда-то создать или сейчас становятся настоящими «государствами-нациями» – национальными государствами, суверенная территориализация которых безусловно скомпонована с первичными и основными факторами идентификации, которыми считаются религия, язык, символическое значение собственного «Я». Современные Великобритания, Франция и Германия (как и Соединенные Штаты Америки, Канада и Австралия) не могут считаться полноценными государствами-нациями, даже если они и выступают в роли национальных государств [5, с. 11–12].

В этом смысле важность понимания сущности национального государства заключается в его неизбежной парадоксальности как отдельного общественного образования, которое не характеризуется четко определенной стабильной идентичностью. Поэтому для любого государства характерным оказывается существование напряженности между отдельными группами, которые стремятся стать частью необходимого для его развития «мнимого политического сообщества», поддерживая, однако, оси собственных идентичностей, что, в свою очередь, приводит к выработке реакции на наличие первичной стабильной идентичности государства (а не ее конституирования). Иными словами, государство ни в коем случае не может являться завершенным сообществом: диссонанс, который существует между требованиями к конструированию его идентичности и ее практическим становлением, не может быть устранен в полном объеме, ведь перформативная природа такой идентичности не может быть выведена в абсолютных категориях. Данный парадокс внутреннего развития государства требует постоянного процесса его трансформации: не имея иного онтологического значения, кроме продуцирования значительного количества разнообразных практик, которые конституируют реальность развития государства, оно находится (и должно находиться) в процессе постоянного становления. Завершение практической деятельности государства, связанной с его позиционированием на международной арене, в обязательном порядке должно было бы привести к недостатку отдельных преддискурсивных основ, поскольку статичность означает его неизбежную гибель [1, с. 12]. Более того, попытки зафиксировать определенную модель государственной идентичности и окончательно определить угрозы процессу ее позиционирования на международной арене не могут перерасти в абсолютный комплексный процесс, который может быть успешно завершён. Так, по мнению Л. Алкофф, идентичность является той ценой, которую отдельный игрок мировой политической сцены должен уплатить за собственную субъектность [6, с. 322].

Формирование концепта «био-могущества» и его практическое значение

Анализ деятельности государства на международной арене позволяет констатировать тот факт, что оно всегда реализует собственный политический курс вне заданной структуры, которая заложена путем теоретизирования относительно процесса формирования государства и механизма его функционирования, поэтому соответствующие действия данного актора не могут быть ограничены в развитии или направлении, ведь невозможность выявления государственной позиции на международной арене приводит к невозможности обеспечения безопасности актора и, как следствие, может оказаться причиной его окончательного краха. При возможности реализации такого сценария любые идентичности оказались бы «затвердевшими», все угрозы были бы уничтожены, а потребность в наличии стабильных властных структур и сфер использования

их силового воздействия могла бы просто исчезнуть. При условии абсолютной реализации спланированного проекта обеспечения безопасности отдельного государства, оно очень быстро прекратило бы свое существование. Безопасность как отсутствие развития оказалась бы причиной смерти государственного актора, вызванной состоянием статического существования. С другой стороны, невозможность государственного проекта безопасности гарантировать постоянное продвижение государства на международной арене приводит к стимулированию процесса становления или трансформации его внешнеполитической идентичности [1, с. 12].

Ощущение постоянного присутствия угроз международному положению государства само по себе не представляет опасности для идентичности или даже существования государства: оно является их прямой предпосылкой. Пока отдельные объекты имеют способность к изменению во времени, техника их позиционирования в качестве угроз развивается в пределах внешнеполитического курса каждого государства [1, с. 13].

С одной стороны, такая роль государства усугубила существующие общественные проблемы, способствуя игнорированию имеющихся различий в пользу теоретического утверждения гомогенности социумов. С другой же – восприятие существования государства как определенной данности безапелляционно требовало адаптации всех существующих общественных требований к определенным государственным нуждам и интересам. Поэтому социальная составляющая того или иного государства рассматривается с точки зрения своеобразного «народного взноса», сделанного в пользу поддержания мощности государственного механизма. Такой концепт «биоомгущества» государственного актора сводит значение отдельных индивидов или определенных общественных групп исключительно к восприятию их роли в качестве своеобразного «рычага» поддержки процесса развития государства. Государственный контроль над общественным ресурсом, который способен сделать свой вклад в процесс реализации национальных интересов актора, стал рассматриваться в рамках теории международных отношений после появления концепта «биоомгущества» и его дальнейшей разработки в рамках данного научного дискурса [7, с. 265]. Если принять во внимание длительную гегемонию рационалистической теории, присущую данной области знаний, можно с легкостью сделать вывод о доминировании концепта «биоомгущества» исключительно в пределах теоретизирования о роли военной составляющей международных отношений. В любом государстве на общество возлагается ответственность за выполнение воинского долга в случае существования угрозы его национальным интересам или их нелегитимного нарушения. Поскольку в данном случае национальные интересы государственного актора *de facto* приобретают способность манипулирования потребностями социума, реалистическая парадигма международных отношений (которая, анализируя факторы, используемые государством в процессе борьбы за власть, наиболее значимыми считает именно применяемые военные средства) склоняется к объективизации обществ, выделяя их в качестве отдельного вида механизмов воплощения государственных интересов. Поэтому при условии доминирования в рамках науки о международных отношениях реалистической парадигмы знаний государство получает абсолютизированный приоритет над социумом, который рассматривается исключительно в качестве отдельного источника «биоомгущества», необходимого для усиления мощи государственного актора в процессе развития мировых политических отношений.

Учитывая дальнейшее становление и развитие международных взаимодействий, можно предположить, что определение национальных интересов путем применения военных средств выступает внутренним процессом по отношению к конструированию внешнеполитической идентичности государства. Ведь формируя отдельное «общество безопасности», в рамках которого практическое выстраивание структур обеспечения национальной или социальной безопасности интенсифицирует и повышает значение

властных отношений, конституирует внешние или внутренние, природные или «патологические», цивилизованные или варварские этнические и территориальные границы, государство интегрирует общественные массы в систему собственного функционирования, опираясь на их существующий страх быть истребленными или поглощенными путем вмешательства со стороны другого актора международной сцены [1, с. 202]. Как результат, исповедание «идеологии страха», поддерживаемое государством и, в некоторых случаях, нацией, выступает в роли достаточно весомого манипулятора общественным сознанием, применяемого в процессе реализации национальных интересов [1, с. 49]. Кроме того, общественный страх может быть напрямую использован в качестве средства выведения определенной оценки значимости отдельных интересов государства: иницируя становление «угрозы смерти», государство получает легитимный базис для ведения военных действий. Фактически оно приобретает своеобразную монополию на распоряжение всеми аспектами жизнедеятельности общества. В ответ индивиды получают исключительные гарантии защиты их жизни и безопасности общества в целом. Иными словами, жизнедеятельность отдельных индивидов должна быть организована в соответствии с имеющимися потребностями того государства, которое данные индивиды считают своим сувереном. Поэтому потребность в выживании выступает первичным элементом конструирования взаимоотношений государства и общества. И современное государство приобретает очертания механизма трансформации его собственных угроз в опасности существования социума как такового. Эти опасности порождают чувство государственной принадлежности индивидов, ведь обеспечение их физической неприкосновенности в случае возникновения внешней угрозы создает среду перманентной стабильности и безопасности общества, которое, таким образом, подвергается процессам дальнейшей гомогенизации. Существующие оборонные дискурсы поддерживаются благодаря имеющейся возможности возникновения данных угроз. В этом ключе оборонные стратегии, конкретизированные благодаря практической реализации внешней политики, приобретают характеристики интегральной части идентичности государства как актора международных отношений. Гарантируя безопасность общества и, следовательно, освобождая индивидов от существующих предубеждений относительно имеющихся угроз, государство уменьшает вес проявлений индивидуалистических характеристик «Я» отдельных членов социума. Т.е. существующая вероятность гибели, которая подталкивает индивида к декларированию собственного «Я» как отдельной индивидуальности, выступает в роли своеобразного инструмента, предоставляющего государству возможность ограничивать, интернализировать и регулировать проявления индивидуальных «Я» [8, с. 18].

Граждане современных государств, по сути, участвуют в военных действиях для сохранения жизни всего населения. Ведь войны уже давно не ведутся во имя отдельного суверена, честь которого должна быть подпорчена полным поражением его войска: военные действия являются средством обеспечения существования каждого члена общества, которое может быть мобилизовано с целью полного уничтожения врага, представляющего угрозу физическому выживанию населения государства [7, с. 259–260]. Т.е. жизнь человека одновременно предстает в роли своеобразного «орудия», используемого государством для удовлетворения его собственных интересов, и конечной цели, для реализации которой члены общества соглашаются на ограничение их фактической свободы. Наличие государственной власти, которая может поставить под угрозу существование всего населения, является обратной стороной деятельности суверена касательно обеспечения перманентного выживания индивидов [7, с. 260]. Данная аргументация всегда выступала тем «шатким» базисом, на основе которого государство получало способность обеспечения собственной безопасности. Выстраивая образ врага, государство *de facto* питало ощущение смертельной угрозы среди населения, одновременно

пытаясь падавіць існуючых ворагаў для рэалізацыі вызначаных інтарэсаў. Вядзь улада ўстаўляецца і рэалізуецца на ўзроўні асобных жыццяў, рас і шырока-масштабных феноменаў па тыпу насельніцтва [7, с. 260]. У даным кантэксьце прыбываюць асобнае значэньне слова Ф. Ніцше аб «смерці ў правільнае час», паськолькі ў сучасным свеце індывідуальнае адчуваньне пагрозы смерці можа быць выкарыстаным у якасьці інструмэнта для задавальненьня нацыянальных інтарэсаў дзяржавы [8, с. 171]. Смерць сама лімітуе магчымасьці рэалізацыі ўлады, вядзь пры жыцьці асобныя індывідуалы выступаюць самабытным крыніцам «біамагутнасьці», рэсурсы якога могуць быць выкарыстаны ад імя дзяржавы. Улічваючы тое, што насельніцтва не мае поўнай улады над сваёй жыцьцём, яе разьвіцьцё ці спыненне рэгулююцца выключна нацыянальнымі інтарэсамі дзяржавы, што, у сваю ачэрэд, забяспечвае канструаваньне, падтрымку і трансфармацыю яго існуючай ідэнтычнасьці. Т.е. нацыянальныя інтарэсы накіруюць індывідуальныя дзеянні ў рух забяспечваньня існаваньня ідэнтычнасьці дзяржавы, якая, у сваю ачэрэд, прыбывае матэрыяльнае значэньне, безапэляцыйна замяшчае асобныя групавыя сацыяльныя ідэнтычнасьці. У даным сэнсе яна, у прынцыпе, можа лічыцца абсалютнай.

Сьмьсьць міжнародных інтэракцыяў дзяржаўнага «Я»

С пункту згляду А. Вендта, ваенныя тэхналягіі і няправільна ўстаўленныя рэжымы бэзбэспэчнасьці могуць стаць асновай для вырабкі функцыянальна эквівалентных суррогатаў сьдэргаваючай сілы самабытнага Левіафана, зменьшаючы бэспэчнасьць дзяржаў касатэльна магчымасьці іх паглыбленьня са староны «Другога» і, як следствіе, дапамагаючы ім атрымаць неабходныя выгады існаваньня каллектыўнай ідэнтычнасьці. Аднак гэтыя сьрэдствы зьяўляюцца даволна несовершенным і часовым варыянтам рэшэньня праблемы давер'я, вядзь яны не касуюцца яе непасрэдна. У выпадку іх выкарыстаньня ў воньнепалітычным зьмэраньні дзяржавы не атрымаюць абсалютнай гарантацыі таго, што «Другі» адкажуцца ад ідэі пошуку шляхаў зьніжэньня ўплыву гэтых сьрэдств (напрыклад, укладваючы інвэстыцыі ў разьвіцьцё тэхналягіяў, здольных нівеліраваць ваеннае прэвасходства) ці не будуць парушаць нормаў існуючага рэжыму, калі такія дзеянні дазваляюць ім рэпрэзэнтаваць сваё «Я». Т.е. выкарыстоўваючы знешнія сьрэдствы ціску, дзяржава вымушэна ўлічваць, што «Другі» могуць да вызначанай ступені «раскрыць» іх намеры і, як вынік, паглытаць іх. Даньні аргумэнт зьдэрудняе ідэнтыфікацыю дзяржавы наады зь другімі актарамі, паськолькі яны не могуць карыставацца поўным давер'ем дзяржавы, якое павіна ў першую ачэрэд задавальняць інтарэсы сваёга «Я». Гэтая праблема перашкаджае фарміраваньню каллектыўнай ідэнтычнасьці наады пад аадытаваў Левіафана, які, у зьмэраньні Т. Гоббса, не быў здольны сфарміраваць сацыяла, выкарыстоўваючы выключна сьрэдствы ціску і задавальняючы сваё інтарэсы, што аб'ектыўна зьяўляецца бэспэчнай, чым магчымасьць існаваньня міжнароднай анархыі [9, с. 359]. Па гэтай прычыне Н. Эліас лічыць сумнівавым існаваньне самакантраля ў якасьці асновы цывілізацыі [10, с. 148–149]. Сьрэдствы знешняга ціску могуць гуляць вызначаную ролю пры ініцыяваў аадынаў давер'я між аадынамі, аднак наяўнасьць каллектыўнай ідэнтычнасьці прэдуадмывае перадачу «Другому» як мінімум часткі адпавэснасьці за сваё «Я», што, у сваю ачэрэд, звычайна зьяўляецца і далейшых дзеяў [9, с. 359].

Такія дзеянні асновываюцца на ўвераньні ў тое, што «Другой» будзе сьдэргаваць рэалізацыю сваё інтарэсаў, неабходных для задавальненьня яго «Я». Калі актара ўверэны ў тое, што другі іады не маюць намераў адносна іх далейшага паглыбленьня ці не будуць зьяўляцца за рамакі задавальненьня сваё інтарэсаў, іх саадынаваў ідэнтыфікацыя будзе прэадыаваць на аснове

высокого уровня доверия, ведь появится возможность проявления взаимного уважения к интересам сторон даже при отсутствии влияния внешних средств давления. С точки зрения А. Вендта, не выпуская из поля зрения непосредственную индивидуальность «Другого», следует иметь в виду, что самоограничение собственного «Я» дает возможность определенному «Другому» отказаться от его претензий на индивидуальность в пользу идентификации с данным «Я». Т.е. акторы делают возможным сближение с другими игроками, позволяя им идентифицироваться с собой, и, как следствие, сами идентифицируются с ними. Эти процессы не могут самостоятельно генерировать выработку коллективной идентичности, поскольку отсутствие положительных стимулов для идентификации самоограничения может в итоге привести к исчезновению доверия между контрагентами [9, с. 359].

Следующая траектория самоограничения может иметь место только в случае полного фиаско других акторов, проявляясь в виде самосвязывания [9, с. 362]. Самосвязывание заключается в попытке уменьшить беспокойство «Другого» касательно выявления намерений определенного «Я» через его односторонние инициативы, которые не предусматривают наличия специфического типа взаимности. В системе международных отношений, для которой характерным является самостоятельное регулирование собственной стабильности, проблема существования таких инициатив заключается в ее трактовке как таковой, поэтому основной задачей актора является воспроизведение жестов по отношению к «Другому», истинность которых может быть доказана путем уменьшения значения собственных интересов. Например, актор может в одностороннем порядке отказаться от определенных технологий (ситуация, когда Украина отказалась от арсенала собственного ядерного оружия после распада Советского Союза), оставить подконтрольные территории (как СССР поступил во время вывода войск из стран Восточной Европы и Афганистана), установить внутренние конституционные ограничения на использование силы за рубежом (в случае послевоенных Германии и Японии) или подчинить собственную внешнюю политику коллективным требованиям (как Германия, которая долгое время проводила свой внешнеполитический курс с помощью дипломатической деятельности Европейского Союза). Конечно, такое снижение собственной значимости имеет смысл только в случае полной уверенности государства в том, что в результате такой деятельности не будут нарушены его суверенные права, чего очень сложно добиться государствам, находящимся в составе саморегулируемых систем (что, в свою очередь, является причиной существования «дилеммы» безопасности). Таким образом, предпосылкой самосвязывания отдельных аспектов поведения государства должен стать «нисходящий» самоанализ его положения и угроз, которые существуют для него в данный момент. В результате подобной оценки ситуации государство должно осознать, что «достаточное количество» ядерных боезарядов является действенным средством для преодоления агрессии и дает ему больше возможностей, чем наличие паритета или определенных преимуществ, или что «Другой» не занимает настолько враждебной позиции, как считалось ранее, или что его враждебность зависит от определенных действий собственного «Я» данного государства. Последний аргумент предполагает наличие признания и скорейшего прекращения содействия актора собственным неудачам, что, в свою очередь, создает основу для выработки дилеммы безопасности, которая требует критического взгляда на собственную «самость» (*Me*) с точки зрения смежного социального «Я» (*I*) [9, с. 362].

Именно формирование т.н. социального «Я» отдельного государства напрямую требует приведения организации жизни общества в соответствие с существующими государственными требованиями, непосредственным результатом которого можно считать игнорирование важности существующих идентичностей в пользу единой идентичности государства. Однако выстраивание истинной идентичности происходит на фоне

существования ложного восприятия различий, истинность которых приносит в жертву все перспективы конструирования настоящей идентичности [8, с. 67]. Данный факт доказывает относительность определения первоначального значения идентичности или, наоборот, различий, существующих в обществе. Более того, он позволяет утверждать, что международные отношения как таковые содержат в своей основе субъективный базис, ведь в данное время концентрируются вокруг важности выделения современной идентичности государства. Таким образом, можно доказать и универсализм, присущий отдельным государствам-нациям, поскольку он может быть подтвержден наличием их определенных интересов.

Считается, что эпоха Модерна в полной мере унаследовала религиозный универсализм, который составлял основу международных интеракций Средневековья. В Новое время произошла подмена религиозных стереотипов своеобразной «универсальной причинностью», что не привело к существенным изменениям в рамках теоретического изучения международных отношений, однако способствовало полной замене акторского состава игроков, которые имели возможность пользоваться характеристиками универсальности. Т.е. международные отношения как таковые продолжали апеллировать к универсальности, присущей средневековым межсубъектным взаимодействиям. Соответственно, развитие универсального по своей природе дискурса национализма поддерживалось на фоне игнорирования разнообразия и отдельных индивидуальных особенностей. Значение различий как таковых нивелировалось в процессе становления единой идентичности государства-нации. Естественным следствием такой логики эпохи Модерна оказалась гомогенизация и полное стирание различий, имеющих в рамках отдельных обществ до образования государств-наций. Иными словами, становление государства привело к превращению разницы пространств в однообразие времени, которое трансформировало территории в традиции, а отдельные народы репрезентовало в качестве индивидов. Пороговым пунктом такой идеологической подмены считается преобразование отграниченных пространственными барьерами «внешних» территорий (которые всегда позволяли выделить «среду обитания «Других», отличив ее от внутреннего ареала существования общества) в единую темпоральную сферу развития традиций [11, с. 300]. Хотя для социума, который обладает способностью к выработке своего общего «Я», всегда будут существовать четкие разграничительные линии, определяющие внутренний и внешний ареалы его существования. Данный факт свидетельствует о наличии своеобразного механизма поддержки сконструированной идентичности государства, поскольку только на основе использования определенных эксклюзивных практик существования идентичности может быть гарантирована безопасность и стабильность внутренней среды государственного актора. Т.е. внешний ареал существования государства приобретает черты своеобразного «рычага», используемого для приоритизации процесса конструирования его идентичности. Соответственно, выстраивание идентичности государственного актора в обязательном порядке требует как нормализации соотношения определенных общественных различий, так и наличия внешней среды существования.

Согласно точке зрения Р. Деветека, идентичность государства можно считать эффектом, созданным, с одной стороны, благодаря существованию определенных дисциплинарных практик, которые пытаются нормализовать процессы общественной жизнедеятельности, обеспечивая ощущение единства социума, а с другой – благодаря внедрению эксклюзивных практик, направленных на обеспечение безопасности внутривнутриполитической идентичности на основе процессов пространственной дифференциации, поддерживаемых различными дипломатическими, военными и оборонными тактическими действиями. Следовательно, можно говорить о наличии дополнительной взаимо-

связи между сдерживанием внутренних и внешних «Других», которая помогает интенсификации процесса конституирования внешнеполитической идентичности [12, с. 198].

Заклучение

Сконструированная идентичность государства одновременно исполняет роль фактора объединения и разграничения социума, поскольку ее способность к унификации отдельных групп напрямую зависит от властных полномочий, которые делают возможной дифференциацию общества. Идентичность государственного актора способствует как выработке чувства принадлежности членов общества, которое она характеризует, так и появлению чувства отчуждения для лиц, не считающихся жителями данного государства. По сути, такой порядок вещей является прямым условием существования внешнеполитической идентичности как отдельного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Campbell, D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity* / D. Campbell. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1998. – 289 p.
2. Kumar, K. *Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective* / K. Kumar // *Theory and Society*. – 2000. – № 29:5. – P. 575–608.
3. Kedourie, E. *Nationalism* / E. Kedourie – New York : Praeger, 1960. – 176 p.
4. Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson – New York : Verso, 1991. – 240 p.
5. Tilly, C. *Coercion, Capital and European States: AD 1990–1992* / C. Tilly – Cambridge : Blackwell, 1992. – 271 p.
6. Alcoff, L.M. *Who's Afraid of Identity Politics?* / L.M. Alcoff // *Reclaiming Identity: Realist Theory and the Predicament of Postmodernism* / P.M.L. Moya, M.R. Hames-Garcia (eds.). – Berkeley : University of California Press, 2000. – P. 312–344.
7. Foucault, M. *Right of Death and Power Over Life* / M. Foucault // *The Foucault Reader* / P. Rabinow (ed.). – London : Penguin Books, 1984. – P. 258–272.
8. Connolly, W.E. *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox* / W.E. Connolly – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1991. – 244 p.
9. Wendt, A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
10. Elias, N. *The Civilizing Process* / N. Elias – *State Formation and Civilization*, Vol. 2. – Oxford : Basil Blackwell, 1982. – 376 p.
11. Bhabha, H.K. *DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation* / H.K. Bhabha // *Nation and Narration* / H.K. Bhabha (ed.). – London : Routledge, 1990. – P. 291–322.
12. Devetak, R. *Postmodernism* / R. Devetak // *Theories of International Relations* / S. Burchill, A. Linklater (eds.). – New York : St. Martin's Press, 1996. – P. 179–209.

Tsyryfa I.A. The Role of Society in the Process of State Foreign Policy Identity Construction

The article considers the existing relationship between the construct of the state foreign policy identity and its social component which is one of the main factors influencing the formation of identity. It is shown that, based on proper collectives or groups which form the population of a particular state, the latter uses the security threats that exist outside in order to unite the society and to establish a positive perception of the state's policy, which, while being supported by the public, provides the authoritative mechanism with the features of «bio-power». In this regard, the author proves that, trying to realize its interests on the international arena and simultaneously build the identity of its own «Self», the state establishes interactions with the important «Others». As a result, the differences, existing between them, are gradually disappearing or, on the contrary, leading to the usage of the self-control or self-binding technologies by the state in order to preserve the identity of society and, consequently, its foreign policy identity.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.07.2013

УДК 32.01:303

Н.С. Решетникова

ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА КАК ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Статья представляет собой краткий мониторинг, содержащий введение в понятийный аппарат, концепции и цели рационального научного мышления, которые применяются в политических науках и являются методологией исследовательского процесса политического мышления.

Введение

Сущность теории рационального выбора составляет утверждение: когда люди могут сделать выбор из какого-либо количества способов деятельности, то они обычно делают то, что в свете их допущений обеспечивает им наилучший результат. Рационализм политического мышления является важной частью методологии политической науки, поскольку в значительной мере позволяет прояснить сущность многих политических феноменов. В то же время вряд ли можно утверждать, что рационализм является полностью самостоятельным течением политической мысли. Например, чтобы выяснить, почему индивиды преследуют те или иные интересы, как они их реализуют, какой расклад политических сил ограничивает их деятельность, необходимо обратиться к иным теоретическим течениям.

Рациональное политическое мышление имеет в своей основе развитие теории рационального выбора. С чем связано моделирование рационального выбора и в чём заключаются эпистемологические основания рационального мышления? Исходная посылка настоящей статьи состоит в том, что теории рационального выбора в меньшей степени являются теоретическими течениями, а в большей степени инструментальными технологиями, формирующими политическое мышление. Президент А.Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию 2013 г. отметил: «Любая молодая нация должна, с одной стороны, учиться у окружающего мира. Откровенно скажем – и копировать и повторять. А с другой – всегда помнить о том, что на каком-то этапе надо быть готовым привести в мир что-то своё» [1].

Развитие теории рационального выбора

Как парадигма развития методологии политического мышления теория рационального выбора возникла в русле бихевиорального течения в американской политологии. Это течение возникло в 50–60 гг. XX в. и имело целью анализ поведения индивидов с помощью эмпирических методов. По крайней мере в США бихевиоризм стал доминирующим подходом в политических науках. Однако, в противовес бихевиоризму, который апеллировал к социологии либо к психологии, теория рационального выбора связана более с методологией, принятой в экономике.

Энтони Доунс был пионером в области применения этой теории к анализу поведения избирателей и борьбы между партиями, а его работа революционизировала исследования в области выборов. Избиратель голосует за партию, которая в случае прихода к власти обещает ему ожидания наивысшего. Партии руководствуются исключительно стремлением к власти и в связи с этим меняют свои программы, апеллируя к голосам выборщиков.

Научный руководитель – Л.Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

Работы рационалистов сыграли значительную роль в развитии теории рационального выбора по многим направлениям. В своих исследованиях они показали, что эгоистические личности не всегда будут участвовать в совместной деятельности для достижения общей цели. Поэтому зачастую люди продолжают участвовать в загрязнении окружающей среды, осознавая, что осуществляют антисоциальные действия. Это можно убедительно доказать следующим образом. Мы знаем, что изменение способа деятельности будет иметь небольшое влияние на общую проблему либо не будет иметь никакого влияния на финансовые и иные позиции. Результатом является безуспешность совокупной деятельности: рациональное следование собственным интересам приводит к ухудшению ситуации у всех личностей. Элементы научного социального мышления рассматриваются в работах американских исследователей, например, Кеннета Гувера и Тода Донована. К их числу элементов научной стратегии авторы относят следующее: концепции, переменные величины, гипотезы, измерения и теории [2, с. 17].

Американские политологи М. Дубник и Б. Бардес фактически ставят знак равенства между политическим мышлением и политическим анализом и считают, что политическое мышление является главным образом формой разрешения политических проблем [3, с. 254]. Работы рационалистов содержат принципиальную полемику с плюрализмом и ортодоксальным марксизмом, которые основаны на том, что для политической мобилизации достаточно соблюдения всеобщего интереса.

Профессор Л.В. Сморгунов считает, что Ханна Арендт прекрасно описала метод политического мышления, когда «возможна интерпретация событий с позиции разнобразия ценностных суждений» [4, с. 127]. Это стало побудительным источником для эмпирических исследований в таких разнородных областях, как анализ социальных революций и сотрудничество между государствами в экологической сфере.

Теория игр занимается ситуациями, в которых стратегия, выбранная иными субъектами, влияет на то, какая стратегия будет наилучшей для личностей. Эта теория привнесла к значительным модификациям теории совокупной деятельности, облегчая исследователям выяснить, почему иногда возможно избегать безрезультативности совокупной деятельности, когда число единоличных субъектов принятия решений невелико. Теория игр уже употребляется при моделировании ядерных ударов, гонки вооружений, разоружения и иных явлений, важных для специалистов в области международных отношений. Она также сыграла ключевую роль в стремлениях выяснить суть процессов создания предвыборных коалиций.

Суботраслью теории рационального выбора является теория социального выбора; её сторонники искали ответ на вопрос, можно ли найти приемлемый и демократический способ агрегации предпочтений граждан таким образом, чтобы установить социальное ранжирование альтернатив. Английский политолог М. Оукшот считает, что «своеобразным показателем глубины влияния рационализма на сам образ нашего мышления и действия является то, в какой степени идеология стала подменять собой традиционное поведение [5, с. 26]. Проблема не связана только с простым принципом большинства. Этот тезис показал, что необходимо ставить различные принципиальные вопросы на тему демократии. Сторонники этой суботрасли подвергают сомнению убежденность, что демократия – это выражение воли народа, сосредоточенной через ранжирование социальных предпочтений.

Еще одной суботраслью теории рационального выбора являются теории рационального выбора. Сторонники этого течения считают, что интервенция демократических правительств в целях поддержки падающих рынков часто создаёт больше проблемы, нежели способствует их решению.

С точки зрения нормативизма, теория публичного выбора выступает за конституционное ограничение размеров и автономии государства, а также за регулирование корпоративных конструкций.

Теория рационального выбора применима равным образом как для тех, кто стремится выяснить суть политических явлений, так и для тех, кто следует подходам, исходя из нормативизма. Более того, теория рационального выбора по крайней мере не должна соприкасаться с консервативной ориентацией одного из её вариантов – теорией публичного выбора. Хотя такие тенденции характерны для трудов американских теоретиков рационального выбора.

Ключевые положения главного течения теории рационального выбора

Один из важнейших постулатов теории рационального выбора содержит положения о том, что для личностей характерна внутренняя рациональность и они имеют достаточно много времени, а также соответствующую эмоциональную дистанцию, чтобы выбрать наилучший способ деятельности независимо от того, с какой сложной ситуацией они имеют дело. В сборнике статей выдающихся политических учёных современности (К. Шмитт, Х. Арндт, Р. Арон, П. Рикер и др.) отмечается, что «политическое» превращается «в одну из главных проблем политической философии, имеющую не только различные решения, но и далеко расходящиеся друг от друга способы её постановки, различные модусы толкования и интерпретации» [6, с. 5].

Исходя из понятийной точки зрения, самой простой проблемой является процесс параметрического принятия решений в условиях определённости. В таком случае каждая действительность имеет известный результат, а на взаимоотношения между действиями и результатами не влияют действия никакой иной личности, и даже результаты и действия можно трактовать как постоянные параметры.

Сложность составляет тот факт, что действия могут приводить к различным результатам в зависимости от какого-либо судьбоносного события, либо личности могут быть неуверенными в результатах своих действий. Доказано, что при выполнении определённых условий личности выбирают такую позицию, как будто стремились к максимализации ожидаемой полезности (результативности), придавая выплатам из различных всевозможных результатов значения, вытекающие из правдоподобности их появления. Понятие применимости, необходимое для понимания процесса принятия решений, можно вывести в принципе из экспериментов, в которых личности осуществляют свой выбор между лотереями, руководствуясь результатами, и можно утверждать, что это информирует об отношении личности к риску.

Теория рационального выбора выясняет деятельность личностей и результаты, к которым эта деятельность приводит, обращаясь к способам деятельности (стратегиям), которые доступны личностям, к их предпочтениям относительно итогов деятельности.

Эта теория применяет логические и математические операции относительно ключевых положений, одни из которых являются аксиомами на предмет рационального поведения, а другие вспомогательными положениями в контексте правил, применяемых игроками с целью осуществления политических прогнозов. Теория рационального выбора является примером дедуктивно-номологического подхода к выяснению сущности явлений. Представляется, что этот метод включает следующие ключевые положения:

- побуждает исследователя к формулированию ясных и прямых положений, которые в вербальной аргументации остаются часто недосказанными;
- обладает «позитивной эвристикой»;
- включает комплексом категорий, которые помогают в создании различных вариантов подобного выяснения сущности явлений.

Поскольку мы имеем дело с дефинициями, упрощающими репрезентацию действительности и сконструированными в целях её лучшего понимания, мы можем сосредоточиться на тех основных моментах, которые необходимо выяснить для понимания сущности явления, и определить, какие аспекты можно оставить на втором плане, как малосущественные.

Если существуют повторные употребления результатов, теория гарантирует, что эти утверждения логически вытекают из иных исследований, которые можно использовать, чтобы удостовериться, можно ли и далее прибегать к моделированию феноменов политического мышления, которые уже ранее себя зарекомендовали.

Теория выходит за рамки известных индуктивных корреляций в целях обеспечения функционирования механизма, который связывает независимые переменные и зависимо проявляющиеся в деятельности личностей.

Рациональная теория представляет собой единую системную модель выяснения сущности явлений в различных областях социальных наук и субдисциплин, создавая возможность взаимообогащения различных позиций, благодаря которым можно получить важные результаты, полезные для исследования разнородных явлений.

Теория рационального выбора признаёт предпочтения, убеждения и выстроенные в соответствии с ними стратегии причинами предпринимаемых действий субъектов. В связи с этим аналитики обычно признают, что теория рационального выбора основана на принципе методологического индивидуализма, в соответствии с которым «адекватное» выяснение социальных явлений должно происходить из убеждений, стратегий и предпочтений личностей. Теория рационального выбора может вместе с тем считаться редукционистской, т.к. обращается к выяснениям собственно личностных «социальных атомов». Здесь имеет место как бы дополнение к утверждению о том, что теория рационального выбора является либо может являться методологически индивидуалистическим феноменом. Если бы так было в действительности, то эта теория стала бы онтологией, в рамках которой по сути существуют только личности, а оперирование такими понятиями, как «социальные структуры», «институты», «роли» и др., на которых базируется социология, является в лучшем случае выгодным, коротким способом мышления на тему личностей. Известно, что такие позиции занимали некоторые представители крайнего либерализма, например, Хайек, и что это повлияло на развитие течения «новых правых». Из этого следует, что теория рационального выбора содержит неотделимое консервативное «крыло», вариант которого отражает теория публичного выбора.

Теоретически все игры, которые в какой-то мере репрезентуют действительность, содержат более чем один пункт равновесия, создавая таким образом проблему координации убеждений. Чтобы иметь возможность играть рационально (вариант – мыслить рационально), игрок (вариант – децидент) должен допустить предположение о том, что формируется определённое равновесие. Там, где не хватает таких совместных допущений, даже если дециденты выбирают стратегии, отвечающие какому-то состоянию равновесия, то нет в принципе причины, чтобы считать их стратегии наилучшими ответами на стратегии оппонентов, поскольку различные игроки (дециденты) (вариант – «игроки политической сцены») могут действовать в рамках различных стратегий равновесия при условии доминанты (и дополнений) своей стратегии.

Для того чтобы создать модель рационального мышления (выбора), необходимо определить правила игры, а также границы того, что можно и что нельзя делать, что нужно и что не нужно знать игроку (дециденту). На практике это означает достижение стилизованной репрезентации роли и возможностей децидента. Например, в соответствии с теорией рационального выбора можно предположить, что модели взаимоотношений между председателями постоянных комиссий Парламента – Национального собрания Республики Беларусь и рядовыми депутатами Палаты Представителей и Совета Ре-

спублики принимают за аксиому принципы управляющего контроля ежедневного распорядка через председателей комиссий, и часто оказывается, таким образом, что члены специальных комиссий осведомлены о ходе подготовки законопроектов в их сфере более, чем рядовые депутаты Парламента – Национального собрания. Модели политического мышления подобного рода включают не только фрагменты, касающиеся личности, но и «институциональные» фрагменты, касающиеся правил и политических ролей.

В онтологических категориях частью этих моделей являются принимаемые как аксиома элементы социокультурного характера.

Большинство теоретиков рационального мышления высказываются за признание определённых форм эмпирической эпистемологии. Это означает по крайней мере, что существуют очевидные факты, которые являются «достаточно независимыми» от тестируемых теорий, что могло бы послужить для неё, указывая на то, что некоторые из её ключевых положений являются фальшивыми. Рационализм политического мышления явственно прослеживается в трудах Х. Арндт. Политика, по Арндт, – «это обмен рациональными аргументами, в которых и заключается высшая сила свободного человека» [7, с. 90].

Эмпирическая применимость теории рационального мышления вызывает различные контрверсии. Так или иначе учёный, использующий эту теорию, по определению не должен высказываться в пользу эмпиризма в какой бы то ни было из его форм.

Некоторые критики эмпиризма стараются понять деятельность личности, обращаясь к её очевидной перспективности и отрицая необходимость поиска в социальных науках общих прав, на предмет которых свидетельствуют обобщённые данные. Теория рационального мышления может вполне согласовываться с таким интерпретационистским качественным подходом, поскольку она может представлять собой также способ анализа значений деятельности иных децидентов, склоняя, таким образом, приглядеться к желаниям и убеждениям личностей. Желания и убеждения, следовательно, в свете этой теории ведут к пониманию политических намерений и действий.

Ограниченная рациональность

От теории рационального выбора можно было бы ожидать по крайней мере однозначного понимания того, что означает термин «политическое мышление». Однако данная теория этого сделать не позволяет. Несмотря на то, что среди теоретиков игр имеет место согласие по поводу того, что определённые состояния политического равновесия носят временный характер, в то же время нет согласия относительно того, что понимать под «равновесием», чтобы снизить количество альтернативных позиций. Хотя подобного рода позиция может показаться чисто технической проблемой, в действительности она может играть ключевую роль в политике. Потребность координации в полезном пункте равновесия мышления тех или иных групп, подобно мыслящим группам избирателей и политических элит, может многое прояснить в понимании способов функционирования избирательных систем.

Некоторые теоретики рационального мышления считают, что доминирующая модель содержит слишком неубедительные положения, касающиеся рациональности личностей. Особенно влиятельными были работы Герберта Саймона (1982 г., 1985 г., март 1986 г.) на тему ограниченной рациональности. Считается, что в условиях ограниченного доступа к информации, ограниченного количества времени и ограниченных познавательных способностей к преобразованию информации личности используют эвристические способы, вмонтированные в стандартные операционные процедуры, как направление, позволяющее создать более короткий путь к необходимому результату.

В то время, как некоторые учёные считают, что рациональные действия могут опираться только на убеждения с рациональными основаниями, для других действия являются рациональными с процедурной точки зрения, если они опираются на убежде-

ния, которые являются рассудительными в контексте, в котором находится социальный актор (децидент). Дециденты продолжают свои действия до тех пор, пока выплата не упадет ниже удовлетворительного уровня; тогда они ищут иной удовлетворительный способ деятельности. Такая схема процесса принятия решений показывает, что обычно дело доходит только до исчезающих перемен проводимой политики, что подлежит защите с нормативной точки зрения в условиях радикальной неуверенности.

За последние годы в политической науке вновь возросло внимание к вопросам ограниченной рациональности. Это привело к созданию основанной на концепции ограниченной рациональности модели совокупной деятельности второй генерации. Модели теории игр не проясняют приведенных позиций как в экспериментальных условиях, так и на практике. Согласно альтернативному подходу, люди способны к научению политическому мышлению и поэтому способны поступать и действовать рационально.

Эволюционная теория игр получила своё развитие первоначально в биологии, которая, однако, может использоваться также применительно к социальной эволюции этого рода, показывает, что, если пройдет значительное количество времени, эволюционный прессинг покажет, что в глазах очевидцев ситуация будет выглядеть так, будто бы игроки употребляли рутинные способы деятельности, которые создавали состояние равновесия. Это означает, что, если игроки не вполне отдают себе отчет, правильно ли они поступают, то в дальнейшем они будут копировать действия тех децидентов, которые действовали более успешно. Можно высказать предположение, что в относительно стабильном окружении стороны, занимающие противоположные позиции, будут стремиться к состоянию равновесия в политическом центре.

Эволюционный подход является, однако, не только более реалистическим. Он также может выяснить координации в одном состоянии равновесия, в то время когда в игре их существует несколько; личности обладают многими способностями к эвристическому мышлению, чтобы можно было, когда это необходимо, принимать рациональные политические решения, а иногда и отказаться от их принятия. Они опираются на коммуникации и на определение того, являются ли те или иные субъекты заслуживающими доверия и интернализуют ли нормы собственного поведения, игнорирование которых влечёт за собой несравнимые потери.

Каким же образом возникают рутинные способы деятельности, стандартные операционные и эвристические процедуры, существование которых подчеркивает научная литература на тему ограниченной рациональности? Одним из способов возникновения этих явлений является наследование игроками (децидентами) методов, употребляемых теми, кто действует более результативно, быть может, благодаря случайному открытию приемлемой эвристики. Наследование такого рода показывает выразительную аналогию с естественным отбором. Рутинные способы деятельности эволюционируют в плане повторяющихся, напоминающих игру интеракций между игроками, переносимыми эти способы деятельности как разновидность культурного генетического кода в результате распространений относительно результативных способов деятельности благодаря их наследованию.

Заключение

Во-первых, существование многих состояний равновесия ограничивает предположительную потенциальную способность модели мышления. Во-вторых, невозможно сформулировать рациональную модель политического мышления без теории, выясняющей, как игроки (дециденты) координируют свои ожидания, опираясь на совместные (всеобщие) ожидания, а стандартная теория игр не основана на собственной подобной теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А.Г. Обновление страны – путь к успеху и процветанию. Послание Президента А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию / А.Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2013. – № 74(24209). – 20 апр.
2. Hoover, K. The elements of social scientific thinking / К. Hoover, T. Donovan. – New York : St. Martin's Press, 1995. – S. 17.
3. Melvin, J. Bardes Thinking about public policy. A problem – solving approach / J. Melvin, A. Barbara Dubnick. – New York, 1983. – S. 254.
4. Сморгунов, Л.В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии / Л.В. Сморгунов // Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 127.
5. Оукшот, Майкл. Рационализм в политике и другие статьи : пер. с англ. – М. : Идея-Пресс, 2002. – С. 26.
6. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М. : Идея-Пресс, 2009. – 224 с.
7. Ерохов, И.А. Человеческое и политическое: философия Ханны Арндт / И.А. Ерохов // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М. : Идея – Пресс, 2009. – С. 90.

Reshetnikova N.S. Theory of Rational Choice as a Methodological Paradigm of Political Thinking

This article is a sort of brief monitoring consisting of introduction to the notion vocabulary, concepts, and objectives of rational scientific thinking which are used in political sciences and provides a methodology to the process of political thinking.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.06.2013

УДК 31. 00: 01

М.Г. Коктыш**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

В статье рассматриваются теоретические и методологические аспекты государственной идеологической политике в контексте исследования идеологии национальной государственности, правовой аспект государственной идеологии, локальный уровень формирования идеологии. Проанализирована и выделена государственная идеологическая политика на республиканском и региональном уровне, где важную роль играют местные исполнительные органы власти и местные Советы депутатов. Государственный уровень идеологии рассматривает вопросы национальной государственности, тенденции и перспективы развития правового государства, раскрывает механизмы деятельности идеологических процессов в Республике Беларусь. Локальный уровень идеологии связан с актуальными проблемами идеологического обеспечения органов власти на местах, взаимодействие власти и граждан в решении задач региона.

В современных условиях развития белорусского общества и формирования молодой белорусской государственности актуальное значение приобретает государственная идеологическая политика, направленная на решение стоящих перед обществом задач.

Основной ориентир государственной идеологической политики Республики Беларусь – кардинальное повышение качества жизни, обеспечение благополучия граждан, создание стабильного процветающего общества. Достижение этой цели предполагает творческий поиск оптимальной для переходного периода модели социально-экономического и политического развития на основе инноваций, укрепления правовой государственности, эффективного управления, использования достижений науки [1, с. 3].

Мирная, спокойная и безопасная жизнь, гражданское согласие – это фундаментальные ценности, которые берегут белорусы и которые, как все мы видим, становятся редкостью в современном мире. Солидарность и справедливость – вот два ключевых слова, которыми можно было бы описать принципы, нами исповедуемые [2, с. 2].

Методология идеологических процессов белорусского государства представляет собой составную часть и специфическую междисциплинарную область социально-политического познания, включая элементы исторических, философских, культурологических и других знаний, имеющую своим содержанием совокупность принципов и способов организации, развития и оценки теоретических взглядов и представлений об основах социально-политического устройства белорусского общества, его исторических истоках и приоритетах развития, изучения механизмов функционирования национального самосознания, системы норм, идеалов и ценностей [3, с. 21].

Приоритетным направлением теоретических исследований ученых Беларуси является национальная государственность. Эту тему исследуют В.Е. Астаповский [4], В.А. Круталевич [5], М.Ф. Пилипенко, Н.С. Сташкевич, П.И. Бригадин, В.А. Мельник [6], О.Г. Слука [7], И.А. Юхо, Е.В. Матусевич, А.Ф. Вишневский, Л.Е. Криштапович, В.И. Малиновский. В их работах анализируются исторические условия и тенденции становления белорусской государственности, влияние на национальную идентификацию Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР. Выясняются интересы, стратегические задачи и проблемы государственности, духовно-ценностная сущность национальной идеи, альтернативы политиче-

Научный руководитель – Л.Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

ского развития. В контексте государственной идеологической политики исследуются тенденции и перспективы утверждения в Беларуси правового государства и гражданского общества (Н.В. Павлова [8], Е.В. Матусевич, Г.А. Василевич [9], Д.М. Демичев), роль в структуре демократии политических партий (В.А. Бобков, И.В. Котляров, Н.В. Кузнецов), прав и свобод человека (Н.Н. Белякович, И.И. Котляр). Адресованные публикации носят теоретико-прикладной характер. Они содержат ряд фактов из жизни страны, суждений и выводов, которые раскрывают реальное состояние и механизмы формирования в Беларуси правового государства и гражданского общества. Опыт и проблемы модернизации государственной политики и идеологии переходного периода анализируются в работах Л.Е. Землякова [10], С.В. Решетникова [11], П.И. Бондаря, Е.В. Матусевича, М.В. Ильина, С.Г. Паречиной, В.А. Мельника, В.В. Шинкарева.

В трудах Г.А. Василевича [12] раскрывается концепция правового государства, эффективности деятельности институтов государственной власти в формировании государственной идеологической политики. Автор раскрывает проблемы и перспективы конституционализма, особенности правовой политики белорусского государства, выявляет причинно-следственные взаимосвязи политических и идеологических изменений и права, результативность с соблюдением конституционных норм государственными и общественными институтами. В современном правовом государстве основой правовой системы является Конституция, где гарантируются права и свободы граждан, обеспечивается принцип разделения властей, закрепляются общепризнанные принципы и нормы международного права. Правовое государство – такой тип государство, в котором существует конституционный строй, т.е. принята и действует демократическая Конституция и реально обеспечиваются права и свободы человека и гражданина, органы государства связаны правом, действует принцип разделения властей [13, с. 195].

Политико-идеологические процессы в Республике Беларусь планомерно изучают коллективы Института социологии Академии наук Беларуси, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Исследуемые вопросы можно дифференцировать как эмпирические, теоретико-прикладные (интерпретация фактов и причин процессов, объяснения эмпирических ситуаций), сравнительные.

Актуальное значение в теоретическом исследовании государственной идеологической политики имеет коллективное учебное пособие «Основы идеологии белорусского государства» под редакцией С.Н. Князева и С.В. Решетникова [14]. Идеология государства интерпретируется авторами как специфический тип идеологии, призванный интегрировать общество, формировать у граждан патриотические чувства и устремления, направлять их духовно-созидательную энергию и поведение в русло общих интересов и национальных приоритетов, способствовать реализации политического курса правительства. Учебное пособие даёт обобщённое представление о теоретическом базисе, истории, истоках идеологии национального государства, динамике идеологических процессов в стране, их влияний на политическое развитие, ценностно-мировоззренческие ориентации граждан, социально-экономические изменения. Авторы издания включают в структуру государственной идеологии четыре блока: теоретико-методологический, процессуальный, институциональный, инструментальный. Содержащиеся в книге теоретические положения и выводы могут послужить исходным пунктом для дальнейшего творческого развития представлений о социальной роли идеологии в переходном обществе, специфики идеологии белорусского государства.

В учебном пособии В.А. Мельника «Основы идеологии белорусского государства» [15] выделены три раздела: идеология и её роль в жизнедеятельности современного общества; культурно-историческая составляющая идеологии белорусского государства; политическая, экономическая и социогуманитарная составляющие идеологии

белорусского государства, а так же механизм функционирования идеологии белорусского государства, стратегия общественного развития Республики Беларусь в XXI в.

Белорусские учёные обосновано акцентируют внимание на исторической преемственности в развитии национальной государственности после распада СССР, ценностно-мировоззренческих и конституционно-правовых основах идеологии суверенного государства, белорусской модели развития, динамике идеологического процесса в Республике Беларусь [16, с. 42].

Дальнейшая теоретическая разработка государственной идеологии, как подсказывает практика трансформации белорусского общества, Конституция Республики Беларусь, выступление Президента страны и другие официальные документы, должна предусматривать:

1) углубленный анализ тенденций мирового развития, роли суверенного белорусского государства в реализации общечеловеческих ценностей;

2) объективную аналитическую оценку отечественной истории, социально-политической ситуации в Республике Беларусь: успехов, проблем, противоречий и перспектив продвижений по пути демократизации и цивилизованности;

3) развёрнутое обоснование национальной идеологической модели постсоциалистического переустройства, её ценностно-мировоззренческих, конституционно-правовых, социально-экономических основ;

4) чёткое определение приоритетных задач и демократических технологий политико-идеологического обеспечения процесса реализации белорусской модели развития институтами государства и гражданского общества.

Локальный уровень государственной идеологической политики связан с деятельностью местных исполнительных и распорядительных органов власти и местных Советов депутатов. Без местного управления и самоуправления нет возможности формировать современную идеологию белорусского государства в условиях развития представительной демократии, формирования гражданского общества.

Повысить роль местных Советов в жизни общества, сделать власть на местах более ответственной перед людьми, приближённой к каждодневным проблемам и задачам конкретного человека – цель государственной политики. Эффективные государственные институты, компетентные, профессионально подготовленные кадры, высокий уровень науки и производства – это те составляющие, которые способны обеспечить динамичный прорыв и развитие нашей страны. Качество производства, качество управления, в итоге качество жизни человека – вот те основные составляющие, на которых твёрдо стоит наше государство [17, с. 11].

На местном уровне особенно ощутимо то, что граждане выступают одним из главных субъектов политического действия и в то же время являются носителями определённых идеологических взглядов. Идеология воспитывает людей, даёт им верную ориентировку в сложном окружении, вырабатывает у них высшую систему ценностей, помогает в соблюдении позитивных исторических, культурных, духовных традиций.

Идеология как система действий, направленных на обеспечение желательного восприятия людьми стратегических целей общества и государства, придаёт смысл экономическим, социальным и политическим аспектам жизни государства и местных территорий, оправдывает их, определяет необходимые способы и стимулы их активизации.

Основными функциями идеологической работы на местах являются: овладение общественным сознанием; внедрение в него собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; создание в глазах общественного мнения позитивного образа предлагаемых в стране идеалов, целей и задач экономического, социального, политического развития; распространение и пропаганда их в трудовых коллективах по месту жительства населения; обеспечение целенаправленных действий людей, в целях исполне-

ния поставленных перед конкретной территорией и государством в целом задач. Идеология присущими ей формами и методами должна способствовать созданию подлинного народного самоуправления, обеспечивающего решение жизненно важных задач через человека и во имя человека [18, с. 290].

Согласно ст. 117 Конституции местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах [19, с. 36]. Основным звеном местного самоуправления являются местные Советы депутатов – представительные органы государственной власти на территории соответствующих административно-территориальных единиц. Местные Советы призваны обеспечить согласованную деятельность органов территориального общественного самоуправления.

Единую систему местных Советов депутатов в Республике Беларусь составляют сельские, поселковые, городские, районные, областные Советы депутатов. Единство системы местных Советов обеспечивается общностью правовых начал, принципов образования и деятельности, а так же задач, которые они призваны решать в интересах населения, социального и экономического развития соответствующей территории.

Местное управление – это форма организации и деятельности местных исполнительных и распорядительных органов для решения вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории. Систему органов местного управления составляет совокупность государственных органов, осуществляющих государственно-управленческую деятельность на местном уровне. Единая система органов местного управления на территории Республики Беларусь состоит из областных, районных, городских, поселковых и сельских исполнительных комитетов и местных администраций [20, с. 297].

Государственная идеологическая политика в системе органов исполнительной и распорядительной власти – это целенаправленная деятельность должностных лиц местных исполнительных и распорядительных органов, а так же руководителей предприятий, организаций, учреждений, направленная на мобилизацию населения для участия в реализации конкретных социально-экономических задач и государственной политики в целом. Государственная идеология призвана аккумулировать политические идеи и ценности, разделяемые большинством граждан.

Современные социально-политические и экономические преобразования, происходящие в Беларуси и на Брестчине, требуют строить идеологическую работу в тесной связи с реалиями, потребностями и надеждами каждого человека. Только такой подход будет помогать людям с разными жизненными устремлениями прийти к осознанию общих для нас, белорусов, ценностей и установлению в обществе атмосферы согласия и созидания. Деятельность органов местного управления на локальном уровне в реализации государственной идеологической политики изложил в своём выступлении председатель Брестского областного исполнительного комитета К.А. Сумар, который отметил, что создавать непосредственный контакт между простым человеком и властью, способствовать выявлению и удовлетворению потребностей, нужд, проблем людей – главная задача, без решения которой не может существовать государство [21, с. 5].

Главная цель государственной идеологической политики на локальном уровне – формирование у граждан высокой морально-психологической готовности к решению задач социально-экономического развития региона, выработка солидарной ответственности власти и граждан за проводимую государственную политику в стране, воспитание чувства патриотизма и национальной гордости за принадлежность к своему государству, к истории и культуре белорусского народа.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Государственно-правовой уровень идеологии способствует формированию системы ценностей граждан, развитию политической культуры и нацеленности на реализацию членами общества повышения уровня и качества жизни, формирования социально ориентированного государства.

2. Национальная государственность способствует исследованию становления и развития государственности, развитости социально-экономической, политической и духовной сферы общества, реализации стратегии устойчивого развития Республики Беларусь.

3. Локальный уровень государственной идеологической политики повышает роль и значение местных Советов депутатов, исполнительных органов власти в системе государственного управления, делает власть на местах более ответственной, приближает её деятельность непосредственно к трудовым коллективам и гражданам, формирует у граждан высокий уровень готовности к решению задач социально-экономического развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А.Г. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию / А.Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2006. – 24 мая. – С. 1–4.

2. Лукашенко, А.Г. Языку не нужны визы / А.Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2013. – 21 июня. – С. 1–2.

3. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты : учеб.-метод. пособие для преподавателей, студентов, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации / Я.С. Яскевич. – Минск : РИВШ БГУ, 2003. – 360 с.

4. Астаповский, В.Е. История белорусской государственности : учеб. пособие [для студентов вузов] / В.Е. Астаповский, В.А. Бажанов, В.И. Малиновский : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – 192 с.

5. Круталевич, В.А. История Беларуси: становление национальной государственности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич. – Минск : Право и экономика, 1999. – 388 с.

6. Мельник, В.А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В.А. Мельник. – Минск : Тесей, 2003. – 240 с.

7. Слука, А.Г. Национальная идея: шлях народа (генэзіс праблемы) / А.Г. Слука. – Минск : РИВШ, 2005. – 428 с.

8. Павлова, Н.В. Гражданское общество и правовое государство / Н.В. Павлова, Г.И. Степанов. – Минск : Право и экономика, 1999. – 217 с.

9. Василевич, Г.А. Конституционное развитие и белорусское государство / Г.А. Василевич // Беларус. Думка. – 2003. – № 2. – С. 24–30.

10. Земляков, Л.Е. На основе согласия: государственно-конфессиональная политика в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков // Беларус. Думка. – 2013. – № 2. – С. 74–81.

11. Решетников, С.В. Государственная политика и управление в Республике Беларусь : учеб. пособие / С.В. Решетников, Н.А. Антанович. – Минск : БГУ, 2010. – 176 с.

12. Василевич, Г.А. Органы государственной власти Республики Беларусь (конституционно-правовой статус) : учеб. пособие / Г.А. Василевич. – Минск : БИП-С, 1999. – 248 с.

13. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 768 с.

14. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие для вузов ; под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.

15. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В.А. Мельник. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 2011. – 343 с.
16. Бондарь, Ю.П. Институционализация политической науки в переходном обществе (системный анализ опыта Беларуси и России) : дис ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Ю.П. Бондарь ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2006. – С. 42.
17. Лукашенко, А.Г. Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни / А.Г. Лукашенко. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию // СБ. Беларусь сегодня. – 2010. – 21 апр. – С. 1–11.
18. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие для вузов ; под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.
19. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 9-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 64 с.
20. Демичев, Д.М. Конституционное право : учеб. пособие / Д.М. Демичев. – Минск : Выш. шк., 2004. – 351 с.
21. Сумар, К.А. Формы и методы идеологической работы по обеспечению выполнения программ социально-экономического развития Брестчины в Год качества / К.А. Сумар // Актуальные проблемы идеологического обеспечения деятельности органов власти. Информационный бюллетень ; сост. А.С. Рогачук. – Брест, 2010. – № 1. – 105 с.

Koktysh M.G. State and Local Level Ideological Politics: Theoretical Approaches

The theoretical and methodological aspects of the state of ideological politics in the context of the study of ideology of national statehood, the legal aspect of the state ideology, the ideology of forming a local level are considered. The ideological state policy at the national and regional level, where the important role is played by local executive authorities and local councils is analyzed and highlighted. The State ideology level considers the questions of national statehood, trends and prospects of the development of constitutional state, reveals the mechanisms of ideological processes in the Republic of Belarus. The local level of ideology is associated with actual problems ideological support of local authorities, the interaction of government and citizens in solving the problems of the region.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2013

УДК 316

Ю.М. Бубнов

РЕПРЕССИВНЫЕ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье рассматриваются основные репрессивные и превентивные меры, призванные минимизировать в белорусском обществе коррупцию в форме взяточничества. Обращается внимание на то, что только репрессивными мерами, сколь бы суровыми они ни были, невозможно существенным образом снизить коррупционные риски. Основной упор необходимо сделать на превентивные меры, среди которых особую роль должна сыграть демократизация и де бюрократизация белорусского общества.

В борьбе со взяточничеством, как и против любой девиации, можно исходить из двух общих подходов: репрессивного и превентивного. Жёсткого водораздела между ними нет. Все репрессивные меры имеют и превентивное значение, предостерегая граждан от совершения преступлений. И тем не менее между ними есть принципиальное отличие. Репрессивная мера направлена непосредственно на человека, уже преступившего закон. Это способ его наказания за уже совершённое преступление. А превентивная мера ориентирована на невинных перед законом граждан. Она предостерегает их от совершения правонарушения путём создания среды с наименьшими соблазнами противозаконных деяний. Репрессивные меры борьбы с коррупцией наиболее популярны в народе. К ним следует отнести прежде всего ужесточение санкции против коррупционеров вплоть до смертной казни.

Смертная казнь за взятки

На Востоке (в отличие от Запада) всегда предпочитали жёсткие меры борьбы с коррупцией, справедливо считая её опаснейшей болезнью, подрывающей основы государства. Ещё в глубокой древности, по свидетельству Геродота, в Персии со взяточников живьём сдирали кожу и обтягивали ею кресла для судей, дабы те всегда помнили о судьбе своих нечистых на руку предшественников на этом месте. Далекое не все наши современники считают подобные меры проявлением средневекового варварства. И сегодня найдётся немало сторонников применения смертной казни по отношению ко взяточникам. В Китае, например, по сей день коррупционеров не только осуждают на длительные тюремные сроки, но нередко и расстреливают. В сентябре 2000 г. по обвинению в коррупции был казнён даже заместитель Председателя Всекитайского Народного Собрания. Конечно же, страх потерять жизнь является хорошим предохраняющим средством от коррупционных соблазнов. Однако можно ли истреблением взяточников устранить коррупцию как социальное явление? Сомнение в эффективности даже таких крутых мер истребления взяточников вызывает уже хотя бы тот факт, что, несмотря на расстрелы, мздоимство в той же Поднебесной не только не сведено к нулю, но даже, по свидетельству самих китайцев, процветает. По-видимому, и смертная казнь за взятки не является панацеей от коррупции. Всё дело, на наш взгляд, в том, что казнят коррупционеров, а не коррупцию. А разница, как легко понять, принципиальная: если существуют благоприятные условия для коррупции, рубить головы взяточникам придётся до бесконечности, поскольку она подобна Лернейской гидре с тысячью головами. Рубка Гераклом голов этой гидры, как известно, приводила к удвоению их количества. Подобная результативность наблюдалась до сих пор у самых именитых борцов со взяточничеством, которые поручали полномочия искоренять коррупцию среди чиновников

всё тем же чиновникам, только из другого ведомства. Как тут не вспомнить печальный опыт борьбы с лихоимством скорого на расправу русского царя Петра Великого, все старания которого привели в конечном счёте к появлению непревзойдённого взяточника Александра Даниловича Меньшикова.

Увеличение сроков тюремного заключения

Впрочем, наши современники в век гуманизма уже не так часто предлагают сдирать со взяточников кожу и сажать их на кол. Чаще всего они имеют в виду увеличение сроков тюремного заключения. Но куда уж увеличивать сроки отсидки, когда частью 1 ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) (получение взятки) предусмотрено до семи лет, частью второй – до десяти лет, а частью третьей – до пятнадцати лет тюрьмы. По степени суровости санкций коррупцию и так уже почти уравнивали с убийством, производством наркотиков и оружия. Целесообразно ужесточение наказания разве что по отношению к тем взяточникам, которые должны по долгу службы стоять на страже закона – в первую очередь, работников прокуратуры и судей. И всё же похоже на то, что ресурс увеличения сроков тюремного заключения за взятки уже исчерпан. Но есть возможность больно ударить коррупционера по карману. Речь идёт о конфискации имущества взяточника.

Конфискация имущества взяточника

Эта мера широко применяется во многих развитых странах мира, в том числе и в Беларуси. Статьи 430–431 УК РБ предусматривают возможность конфискации всего или части имущества преступника. Подчёркнём, не предмета взятки, а всего имущества попавшегося мздоимца. Эта мера хороша тем, что обесценивает смысложизненную установку коррупционера – накопление материальных благ. Риск потерять всё имение может уберечь наиболее здравомыслящих чиновников от соблазна коррупционной прибыли. Правда, следует признать, что дальновидные коррупционеры находят противоядие против этого риска, переводя часть наиболее ценного имущества на имя своих родственников и доверенных лиц.

Штрафы

В последнее время в ряде стран, в частности, в России, в качестве одной из мер противодействия коррупции предлагается не сажать взяточников в тюрьму, а штрафовать их. В апреле 2011 г. Госдума приняла внесённый президентом России Д. Медведевым законопроект, в соответствии с которым альтернативой тюрьме для взяточников выступают штрафы. Причём размер штрафов кратно коррелирует с суммой взятки. Чем крупнее взятка, тем солиднее штраф. Конкретно эта зависимость выглядит так. Если взятка не превышает 25 тыс. российских рублей, то основное наказания за ее получение составит штраф в размере от 12- до 60-кратной суммы незаконной mzды с лишением права занимать определенные должности либо ограничение свободы до трех лет. За особо крупный размер (более 1 млн российских рублей) штрафные санкции будут варьироваться от 80- до 100-кратной суммы побора, а в случае избрания судом альтернативной, но более жесткой меры наказания тюремный срок взяточника составит от 8 до 15 лет с обязательным штрафом в размере 70-кратной суммы взятки. Правда, есть верхний предел всех штрафов за преступления, связанные со взятками, – не более 500 млн российских рублей. Критики этой меры резонно упрекают её сторонников в создании для мздоимцев возможности откупаться от тюремного заключения. К тому же, добавим от себя, судебские работники сами попадают в коррупционный соблазн назначения преступникам качественно различающихся видов наказания. Да и с точки зрения социальной справедливости могут быть нестыковки: бедные по-прежнему будут получать

реальные сроки, а богатые снова получают шанс откупиться. В любом случае, эта мера заслуживает того, чтобы проверить её на социальную эффективность.

Запрет на профессию для чиновников-коррупционеров

Из различных социальных слоёв нередко звучит предложение навсегда исключать из реестра государственных служащих, пойманных с поличным взяточников. УК РБ в ст. 430 (получение взятки) предусматривает лишение преступника права занимать соответствующие должности и заниматься определённой деятельностью. Такой своеобразный «запрет на профессию» многие считают оправданной репрессивной мерой, имеющей и превентивное значение [1, с. 4]. Она способна удержать чиновников от коррупционных соблазнов, сопровождающих жизнь высокопоставленного должностного лица. Сомнение может вызывать разве что жёсткость меры, раз и навсегда перечёркивающей служебную карьеру оступившегося чиновника. С другой стороны, неотвратимость наказания в сочетании с его жёсткостью является веским аргументом предостережения от совершения коррупционных преступлений.

Итак, репрессивные санкции по отношению к взяточникам отечественная Фемида предусмотрела и так уже максимальные. Дальше закручивать правовые гайки, пожалуй, некуда. Но даже столь суровые санкции пугают далеко не всех, как показывает статистика правонарушений и данные социологических исследований. А это означает, что репрессивные меры себя практически полностью исчерпали. Но это не означает, что их нужно сворачивать. Наоборот, их следует дополнить превентивными мерами.

Превентивные меры отличаются от репрессивных тем, что объектом их воздействия являются не преступники, а условия, порождающие преступление. Соответственно, если репрессивные меры применяют правоохранительные и контролирующие органы, то превентивные меры иницируют общественные деятели и политические лидеры, а разрабатывают учёные и социальные технологи. Осуществляются превентивные меры не в ходе спецопераций органов правопорядка, как репрессивные мероприятия, а в рамках социальной политики. В отличие от репрессивных мер, набор которых сильно ограничен, превентивных мероприятий может быть неисчерпаемое множество. Понимая это, мы всё же попытаемся сформулировать и кратко охарактеризовать некоторые из них.

Расширение и распространение знаний по вопросам предупреждения коррупции – это одно из требований Конвенции ООН против коррупции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. В Конвенции прямо сказано о необходимости «осуществления программ публичного образования, включая учебные программы в школах и университетах». Такие учебные программы должны обеспечивать будущим специалистам «специализированную и надлежащую подготовку с тем, чтобы углубить осознание ими рисков, которые сопряжены с коррупцией и связаны с выполнением ими своих функций». Знание и понимание людьми того, что собой представляет взятка и какие наказания она предусматривает, составляет фундамент всей борьбы с коррупцией. Такое знание служит важным профилактическим средством как для будущих государственных служащих, так и для всего населения, предостерегая их от коррупционного взаимодействия. Именно с этой целью в Беларуси с 2009 г. введён учебный курс «Коррупция и её общественная опасность». Учебным этот курс можно назвать только условно, потому что его задача не научить, а предостеречь от коррупционных рисков, помочь будущим управленцам противостоять соблазнам власти. Наш опыт преподавания этого курса свидетельствует о значительном интересе студентов к содержанию дисциплины.

Прозрачность и публичность государственных закупок

Этот метод минимизации коррупции предлагается в ст. 9 Конвенции ООН против коррупции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. В ней со-

вершено справедливо утверждается, что прозрачность, открытая конкуренция и применение объективных критериев при принятии решений о государственных закупках являются эффективными мерами предупреждения коррупции. С этим невозможно не согласиться. Ясно, что только при условии соблюдения комплекса всех процедур, обеспечивающих прозрачность и публичность государственных закупок, можно надеяться на минимизацию коррупционных рисков на этой поистине «золотой жиле» мздолюбивых чиновников и предприимчивых бизнесменов. В Беларуси любые значимые по стоимости закупки проводятся на конкурсной основе. Уровень прозрачности и публичности государственных закупок в значительной степени повышают электронные торги.

Электронные торги и конкурсы на размещение государственных заказов стали широко внедряться в последнее время в связи с распространением компьютерных технологий. Частный бизнес давно уже освоил Интернет для проведения торговых операций. А вот государственные заказы стали размещаться в Интернете для прямых торгов и конкурсов лишь сравнительно недавно. Да и то это касается в основном российского опыта. В какой-то степени такая медлительность при освоении перспективных технологий может быть объяснена присущей государственной системе нерасторопностью. Однако приходится принимать во внимание и коррупционные интересы определённой части чиновничества, всегда имевшего немалые «откаты» на государственных закупках и заказах. Под любыми предлогами они стараются «свернуть» электронные торги в кулуарный формат, открывающий для них широкие возможности коррупционной «маржи».

Публичная отчётность как один из основополагающих принципов функционирования государственных организаций, в соответствии со ст. 10 Конвенции ООН 2003 г., является одним из условий, препятствующих коррупции. Начиная с революционной для своего времени реформы Сербия Туллия, сделавшей достоянием римской публики содержание государственных законов, общественная публичность стала одной из фундаментальных основ правопорядка. В полной мере это относится и к коррупции, которая расцветает в условиях излишней секретности и закрытости общественно значимой информации. Чаще всего в такой скрытности заинтересованы только нечистые на руку чиновники. Социально ориентированная и прозрачная система публичного властвования и администрирования, как считают современные юристы [2, с. 32], способна стать той силой, которая сможет парализовать коррупцию и эффективно контролировать бюрократию.

Участие населения в выявлении коррупционеров Конвенция ООН считает важнейшим фактором успеха в решении этой проблемы. Конвенция в ст. 10 рекомендует обеспечить населению все возможные каналы доступа к правоохранительным органам для представления им сообщений, в том числе анонимно, о любых случаях, которые могут рассматриваться в качестве представляющих собой какое-либо из коррупционных преступлений. Действительно, участие населения в активном противодействии коррупции способно обеспечить тотальный контроль за мздолюбивым чиновничеством. Так бы оно и было, если бы не три проблемы. Первая – меньшая – проблема состоит в риске анонимной клеветы и сведения личных счётов между гражданами. Вторая, гораздо более существенная проблема, проявляется в том, что, к сожалению, значительная часть населения не заинтересована в раскрытии коррупционных каналов взаимодействия с покладистыми должностными лицами. Есть ещё и третья проблема – проблема морального плана. Дело в том, что в отечественной ментальности считается неприличным «сигнализировать» государственным органам о правонарушениях сограждан. Как и при князьях, встарь обиравших население, сегодня немало людей по-прежнему считают государство своим врагом, которому зазорно помогать даже в выявлении преступников. Для того чтобы люди захотели сигнализировать одним государственным органам о взяточниках в другом государственном органе, необходимо, во-первых, чтобы они не боялись это делать, во-вторых, чтобы они были заинтересованы в борь-

бе с коррупцией и, в-третьих, чтобы они считали это благородным, порядочным делом. К сожалению, пока все три условия тотального народного контроля за взяточниками не соблюдаются. Необходима долгая и кропотливая работа с этим самым населением, чтобы сделать его однозначным союзником в борьбе с коррупцией. Но до тех пор, пока мздоимство остаётся массовой социальной практикой, эта мера не даст сколько-нибудь значительных результатов.

Коммерциализация государственной деятельности

Такое предложение высказал известный в своё время экономист Гавриил Попов. Будучи мэром Москвы, он всерьёз рекомендовал вывесить в каждом государственном учреждении прејскуранты расценок услуг всех должностных лиц. Таким образом, считал автор идеи, чиновники будут более ориентированы на интересы и потребности клиентов, получая от них средства к существованию. Легальность оплаты услуг чиновников, по мысли Г. Попова, должна избавить их от комплекса социальной вины и криминальных рисков. А государство сможет получать налоги с официальных платежей посетителей государственным служащим. Критики этой идеи назвали предложение Г. Попова легализацией взяточничества и реанимацией средневековой практики «кормления» чиновников. К тому же такая реформа государственной службы вряд ли избавила бы её от коррупции, поскольку сохранила бы в неприкосновенности главную её предпосылку – монопольную диктатуру бюрократии. Поэтому вряд ли стоит всерьёз рассматривать перспективы перехода чиновничества на самоокупаемость в современном обществе.

Повышение жалования сотрудникам государственных структур

Идея материально заинтересовать чиновников быть честными не нова. Предложение легально повысить заработную плату государственным служащим, дабы они не зарились на мзду, поддерживает, по нашим данным, каждый четвёртый гражданин Беларуси. Особенно часто эта идея звучит из уст самих чиновников. Их можно понять. Это совершенно беспрюграмный для них вариант борьбы с коррупцией. В России, где коррупция достигла необозримых масштабов, предполагается не только наказывать взяточников, но и «перекупить» их высокими окладами. Активно пропагандируется, в частности, проект, согласно которому ставки окладов госчиновников должны возрасти на порядок и достичь нескольких тысяч долларов. Например, Б. Немцов несколько лет назад предложил установить зарплату премьера на уровне 10 тыс. долларов, простого министра – 7 тыс., начальника отдела – 500–600 долларов. К сегодняшнему дню идея Б. Немцова фактически уже претворена в жизнь. Авторов реформы не испугал тот факт, что принятие их предложений привело к ежемесячному удорожанию бюрократии на 20 млн долларов. В своём интервью Немцов сказал: «Это обойдётся дешевле, чем платить нынешнюю нищенскую. По оценкам антикоррупционного комитета, масштабы вреда, который причиняет стране коррупция, в виде беспошлинного ввоза товаров и т.п., составляют 20 млрд долларов в год. Цифра, сопоставимая с годовым бюджетом России. Повысив зарплату, государство сможет нанять не испорченных взятками молодых профессионалов, а кроме того, сократить аппарат на 20%» [3, с. 5]. Однако простое повышение окладов государственных служащих, как показывает опыт, не даёт ощутимых результатов. Даже с повышенным жалованием российские чиновники по-прежнему берут взятки. Важно не просто увеличить оклады государственным служащим. Нужно придать повышению жалования характер заботы ведомства о работнике и его семье. Тогда оно будет восприниматься не как должное, а как поощрение, которое ещё нужно заслужить. Сегодня, например, белорусские таможенники получают персональные надбавки за звание, за знание иностранных языков, за особые условия службы, за выслугу лет, ежегодные пособия на оздоровление и т.п. Следовательно, повышать

жалование государственным служащим, как и всем прочим «бюджетникам», конечно же, надо. Но делать это нужно с умом.

Сокращение численности чиновников

Одним из самых практикуемых административной системой методов противодействия коррупции является сокращение численности чиновников. Причём обычно секвестру подлежит каждый пятый государственный служащий. Цифра 20%, похоже, обладает определённой магией, потому что именно её чаще всего оглашают решительные лидеры государств, ополчившиеся на коррупционеров среди своих собственных служащих. Последней на нашей памяти инициативой такого рода стало решение президента России Д.А. Медведева сократить с 2010 по 2014 гг. очередные 20% федеральных чиновников. В соответствии с этим указом, федеральный уровень чиновничьей иерархии не досчитается более 100 тысяч госслужащих, на чём российский бюджет намерен сэкономить 43 млрд рублей (почти 1,5 млрд американских долларов). Стоит заметить, что это уже не первая такая инициатива российских президентов новейшего времени. Белорусский Президент неоднократно практиковал 20-процентное сокращение государственных служащих в первые годы своего правления. Совсем недавно (в середине января 2013 г.) Президент Беларуси потребовал очередного, теперь уже 25-процентного сокращения госаппарата. О том, насколько продуктивны подобные меры борьбы с бюрократической коррупцией, эмоционально высказался всё тот же Д.А. Медведев: «Сокращаем. Потом проходит полгода – глядь, и опять та же численность» [4, с. 5]. Слова российского президента подтверждаются конкретными цифрами: с 2008 г. по 2010 г. федеральный уровень государственного аппарата России пополнился 20 тысячами служащих, на уровень округов, краёв, областей и республик пришли 60 тысяч новых работников пера и печати, на муниципальный – ещё 50 тысяч чиновников. Очевидно, что простое сокращение государственных служащих – это Сизифов труд. Необходимо сокращать чиновничьи функции.

Сокращение бюрократических функций

Противодействовать коррупции снижением численности чиновников подобно борьбе с температурой у больного человека. Беспредельный рост численности чиновничьего аппарата есть всего лишь симптом засилья административно-командной системы над гражданским обществом. Необходимо бороться не с симптомами, а с причиной бюрократизма в форме коррупции, коей выступает монопольное доминирование административно-командной системы. Необходимо ликвидировать не чиновников, а административные функции, многие из которых бесполезны, а то и вовсе вредны. Аналитики российского правительства, например, выяснили, что почти 1,5 тысячи функций тамошних чиновников избыточны, т.е., попросту говоря, не нужны, более 260 – дублирующие, а ещё 700 требуют уточнения их функциональной необходимости [4, с. 2]. Нетрудно представить себе, сколько государственных служащих сидят на этих бесполезных функциях по всей необъятной России. Масштабы Беларуси намного меньше, но это не означает, что проблема избыточных чиновничьих функций для нас менее актуальна. Напротив, нам лишних чиновников труднее прокормить. Ликвидация этих никому, кроме самих чиновников, не нужных функций будет означать снижение коррупционных возможностей всего чиновничьего сословия. Помимо этого, ликвидация лишних кресел экономит бюджету немало материальных ресурсов. Но захотят ли чиновники сдать без боя свои привилегии контролировать всё и вся, ни за что не отвечая? Вопрос, как говорится, риторический.

Минимизация вариативности решений чиновников

Одной из предпосылок коррупции является возможность должностного лица манипулировать своими функциями. Множественность возможных решений государственного служащего может быть использована им для получения коррупционного дохода с лиц, заинтересованных в том или ином варианте исхода дела. Например, «вилка» штрафных санкций налогового инспектора или сотрудника ГАИ может быть использована недобросовестными работниками в качестве инструмента давления на провинившегося бизнесмена или автолюбителя с целью получения коррупционной выгоды. Предусмотренная законом однозначность алгоритма управленческих решений и санкций позволяет сильно сократить коррупционные возможности мздолюбивых государственных служащих.

Переход от разрешительного к уведомительному принципу регистрации общественных инициатив. Суть такого перехода состоит в том, что чиновник лишается права разрешать или запрещать то или иное социально значимое дело. Его функцией становится только регистрация инициативы граждан, за которую они сами теперь и несут полную ответственность. Такой переход, уже частично осуществлённый в процедуре регистрации бизнеса, стал чрезвычайно важным шагом государства на пути ликвидации оснований для коррупции в органах государственной власти.

Принцип «одного окна» в работе с заявлениями граждан стал «визитной карточкой» белорусских административных реформ, направленных на деbüroкратизацию всей государственной системы нашей страны. Теперь все подготовительные документы, необходимые для оформления, например, дарения недвижимости или прописки, собирает та контора, в которую обратился гражданин. Вместе с сокращением возможностей для предъявления необоснованных требований со стороны чиновников снизились и их возможности собирать с посетителей нелегальную дань в виде мзды. Таким образом, побочным, но очень важным следствием внедрения принципа «одного окна» стало не только устранение очередей перед служебными кабинетами, но и сокращение условий для коррупции. Но, как показали опросы, проведённые Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований, реализация принципа «одного окна» в работе конкретных контор ещё оставляет желать лучшего. Тем не менее направление совершенствования государственных служб, работающих с населением, выбрано верно. Дело только за тем, чтобы последовательно идти намеченным курсом.

Электронный документооборот

Дальнейшим шагом на пути деbüroкратизации и избавления чиновничества от соблазнов мзды может стать внедрение электронного документооборота в широкую административную практику. Создание электронных баз данных, паролльно доступных для оперативного использования населением и ответственными должностными лицами, сократит до минимума личное общение граждан с чиновниками. А это, в свою очередь, будет способствовать выбиванию ещё одного камня из фундамента мздоимства. Принципиальную возможность и целесообразность электронного документооборота доказал положительный опыт отечественных банков, успешно использующих компьютерные технологии в управлении счетами граждан.

Подбор кадров с учётом психологических и моральных качеств является одной из самых очевидных превентивных мер противодействия коррупции в государственных органах, чьи сотрудники плотно работают с населением. В ряде случаев проверка претендентов на ответственные должности производится в расширенном и углубленном режиме, когда анализируется репутация родственников и предков претендента на ответственную должность. Сторонники этого метода исходят из принципа, согласно которому яблоко от яблони недалеко падает. Для яблок этот принцип, может быть, и бес-

спорен, однако для людей с их свободой воли он изобилует таким количеством исключений в ту и другую сторону, что полностью дискредитирует его как закон. Другим принципиальным недостатком этого метода является несовершенство основного инструмента измерения психологических и моральных особенностей человека, в качестве которого применяются различные тесты. До сих пор учёные не создали тест, который не вызывал бы сомнений у практиков. Это не обесценивает сам метод, но ограничивает его действие и не позволяет абсолютизировать результаты тестирования.

Проверки государственных служащих

«Доверяй, но проверяй». Этот девиз можно применить ко многим государственным ведомствам, поскольку большинство из них имеет службы внутренней безопасности. Об эффективности этих подразделений можно спорить, но вряд ли кто-то решится ратовать за их роспуск. Сильной стороной деятельности служб внутреннего контроля за работой персонала является их глубокая интегрированность в трудовой коллектив. Однако и слабая сторона состоит в том же самом. Серьёзным препятствием для эффективной деятельности служб собственной безопасности может стать как раз их статусная и социально-психологическая вовлечённость в коллектив ведомства.

В стремлении очистить государственные органы от мздоимцев некоторые высокопоставленные должностные лица идут ещё дальше. Так, например, руководитель департамента собственной безопасности МВД России генерал-лейтенант милиции Юрий Драгунцов предложил проверять чиновников на *склонность* брать взятки [5, с. 9]. Его поддержал председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству А. Александров. Столь высокая поддержка такого радикального предложения должна продемонстрировать законный характер подобной проверки, которую многие юристы считают nepозволительной провокацией. Помимо вполне очевидной правовой коллизии, процедурно решить которую авторам этого предложения будет непросто, есть ещё одна проблема, на наш взгляд, ещё более существенная, чем риск оказаться провокатором преступления. Сторонники проверки чиновников «на вшивость» исходят из того, что причиной взяточничества выступает субъективная склонность индивидов к взяточничеству. Есть, дескать, люди, склонные брать взятки, а есть те, кого никакими посулами не совратить с пути праведного. Неподкупные люди, конечно же, существуют на свете. Возможно, их даже хватит для того, чтобы сформировать правительство целой страны. Однако уповать только на кристальные моральные качества чиновников мы считаем проявлением легкомысленного идеализма. Не отрицая важности морально-психологического тестирования претендентов на государственные должности, мы всё же предлагаем больше полагаться на создание объективных предпосылок, обеспечивающих искомую модель поведения должностных лиц независимо от их морального облика.

Оперативный контроль за работой должностных лиц

По нашим данным, полученным в ходе социологических опросов, каждый третий респондент поведал в анонимной социологической анкете о том, что передача так называемых подарков чиновникам происходит в их рабочих кабинетах. Подобная практика обязательно сократится, если по месту работы должностных лиц будут гласно или негласно установлены аппараты аудио- и видеоконтроля. Само знание чиновников о том, что такие аппараты могут быть установлены, будет сдерживающим фактором, оберегающим их от совершения противоправных действий, угрожающих их статусу и репутации. Поэтому для удешевления проекта могут быть установлены имитаторы видеоконтроля. Широкая практика применения этого метода в развитых странах доказала их эффективность. Самой насыщенной в пересчёте на душу населения аппаратами видеонаблюдения за гражданами, в том числе и на их рабочих местах, оказалась Великобритания.

Напомним эрудированному читателю, что именно в этой стране была создана антиутопия Дж. Оруэлла «1984», описывающая обстановку тотального визуального наблюдения Большого Брата за гражданами. Если же говорить о самом методе видеонаблюдения за служащими на их рабочих местах, то легко понять ограниченность его применения. Коррупционное взаимодействие в этом случае попросту переместится в любое другое место, недоступное всевидящему оку государства.

Ротация кадров

Одним из факторов, способствующих коррупции, является наличие у ответственных работников тесных этнических, родственных, дружеских, соседских, религиозных и иных связей. Чем больше таких связей у чиновника с окружающей социальной средой и чем они теснее, тем сложнее ему противостоять соблазну порадовать родным и близким людям в обход закона. Для нейтрализации фактора социального окружения часто применяется метод ротации управленческих кадров с учётом их этнического происхождения, родственных и иных связей.

Пришлые «варяги» обычно более свободны от влияния неформальных социальных отношений и чаще руководствуются уставом, регламентом и прочими официальными нормами взаимоотношений с населением. Проблема этого метода состоит лишь в том, что людям свойственно довольно быстро заводить новых приятелей, друзей и соседей, находить среди социального окружения соплеменников и единомышленников. Поэтому ротацию ответственных кадров приходится производить периодически и систематически, что требует дополнительных организационных усилий и материальных затрат. Следует отметить и возможные риски вследствие применения этого метода. В том случае, если основными критериями для проведения ротации кадров будут избраны этнический или религиозный признаки, это может спровоцировать соответствующие конфликты.

Метод «круговой поруки»

Подобно тому, как клин выбивается клином, круговую поруку издоимства можно попытаться разрушить круговой антикоррупционной порукой. Создать её можно на основе ответственных рекомендаций работающих сотрудников государственных структур каждому вновь поступающему на службу сотруднику. С предложением о поручительстве не менее двух лиц при назначении претендентов на руководящие должности выступил будучи Генеральным прокурором Республики Беларусь Г.А. Василевич [6, с. 14]. В России при реализации этого принципа намерены пойти ещё дальше. Там собираются осуществлять набор всех сотрудников правоохранительных органов по рекомендациям не менее двух заслуженных работников. Ответственность должностных лиц, давших рекомендации проштрафившемуся работнику, будет приводить к их увольнению со службы. Подобные предложения обсуждаются в российской прессе. Целесообразность использования метода антикоррупционной «круговой поруки» в отечественных ведомствах вполне очевидна. При этом, правда, стоит учитывать и возможные негативные последствия этого метода. Он может намертво «сцементировать» взаимной ответственностью уже существующие коррупционные сообщества внутри тех или иных государственных структур, превратив их в неприступные крепости для раскрытия извне.

Анонимное анкетирование

Опрос работников той или иной государственной структуры является очень грозным оружием против коррумпированных сотрудников. В любом коллективе найдутся честные и ответственные граждане, не согласные мириться со взяточничеством своих коллег. Однако в силу различных обстоятельств, в том числе и чистых условностей псевдоморального характера, честные работники могут не иметь возможности способ-

ствовать выявлению мздоимцев среди своих сослуживцев иначе, как только анонимным способом. Анонимное анкетирование может стать приемлемым каналом информации для руководства о наличии в персонале нечистоплотных сотрудников. Однако с этим острым оружием следует обращаться чрезвычайно осторожно. Мотивация коллег, сообщающих в анонимной анкете об имеющихся фактах коррупции, может быть самой различной. Приходится учитывать вероятность клеветы и сведения личных счётов между конкурирующими сотрудниками. Поэтому полученную посредством анонимного анкетирования информацию обязательно нужно перепроверять другими методами. Руководитель, решивший применять анонимное анкетирование сотрудников, должен быть готов к обострению межличностных отношений между ними и ухудшению морально-психологического климата в коллективе.

Важно помнить также о том, что работу по анонимному анкетированию должна выполнять сторонняя независимая организация, которая не заинтересована в результатах опроса. Она выберет методику опроса, наилучшим образом обеспечивающую его анонимность. При всех сложностях и возможных негативных последствиях метода анонимного анкетирования, его время от времени стоит использовать, поскольку даже сама вероятность такого опроса будет для имеющихся в коллективе мздоимцев серьёзным предостережением.

Опросы общественного мнения

На наш взгляд, это самый эффективный метод выявления коррупционеров в структурах государственной власти. Суть его состоит в периодических выборочных анонимных анкетных опросах населения о качестве работы тех или иных ведомств. Этот метод отличается от анонимного анкетирования сотрудников минимальной вероятностью клеветы со стороны респондентов. Массовый характер анкетирования обеспечивает максимально возможную объективность оценок работы государственного органа или даже отдельного должностного лица. Ограничение методического характера здесь только одно: проводить опросы общественного мнения должны независимые организации и группы исследователей-профессионалов.

«Телефоны доверия»

Это ещё один метод, основанный на использовании принципа «обратной связи». Граждане получают возможность по «телефону доверия» сообщить уполномоченному органу обо всех незаконных или аморальных действиях должностных лиц. Этот канал «обратной связи» может функционировать как в анонимном, так и в персонифицированном виде. Помимо телефона, часто используются также книги замечаний и предложений. Этот формат «обратной связи» в наибольшей степени формализован. Книги замечаний и предложений представляют собой род официального документа со специальной процедурой регистрации и реагирования на имеющиеся записи. В этом состоит несомненное преимущество этих книг, не позволяющее отдельным заинтересованным лицам игнорировать или фальсифицировать их содержание. Но в этом же заключается и их очевидный недостаток. Наши сограждане чаще всего всё ещё опасаются оставлять персонифицированные замечания в адрес власть предержащих. Сколько-нибудь значимое должностное лицо вызывает у большинства наших соотечественников страх и трепет. Жаловаться с указанием собственного имени и адреса рискуют немногие. Поэтому анонимный формат обратной связи всё же остаётся более предпочтительным.

Контроль расходов чиновника

Доходы чиновника можно узнать по его расходам. Такая логика положена в основу метода контроля доходов должностных лиц посредством добровольного или при-

нудительного предоставления ими деклараций об имеющемся у них и их ближайших родственников имуществе. Действительно, к чему брать взятки, если их нельзя тратить на себя или своих близких? Предоставление чиновниками деклараций об имуществе является одним из самых эффективных средств противодействия коррупции. Ст. 19 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» обязывает граждан, поступивших на государственную службу, а также государственных служащих и членов их семей предоставлять декларации о доходах, имуществе и об источниках денежных средств в соответствующий государственный орган.

Непредоставление декларации о доходах и имуществе или умышленное внесение в неё неполных, недостоверных сведений является основанием для отказа в приёме на государственную службу, назначении государственного служащего на другую государственную должность либо для привлечения его к дисциплинарной ответственности, в том числе освобождению от занимаемой должности. Проблема применения этой меры состоит в контроле достоверности предоставленных должностным лицом сведений о доходах и расходах. Тотальные проверки деклараций слишком накладны для самого бюджета и делают свечи дороже самой игры. Остаётся уповать на выборочные проверки. Но при этом и санкции для недобросовестного чиновника должны быть в статусном смысле фатальными.

Современные технологии позволяют контролировать бюджет должностных лиц, используя их карт-счета. Всеобщий переход жителей Беларуси на расчеты электронными карточками по всем видам платежей сделает такой контроль эффективнейшей мерой выявления коррупционеров во всех сферах общественной жизни. Осталось только законодательно утвердить право работодателя увольнять с должности служащего, который не в состоянии объяснить несоответствие своих расходов и доходов. Отрицательным последствием массового применения такой меры станет усиление тотального контроля над личностью, сокращение сферы приватной жизни людей, а также, возможно, дальнейшее увеличение влияния административно-командной системы нового типа.

Гарантии лицам, способствующим выявлению коррупции

Коррупционные преступления, связанные со взяточничеством, обладают спецификой, препятствующей их высокой раскрываемости. Эта особенность состоит в том, что чаще всего они представляют собой взаимодействие двух основных действующих лиц (взяткодателя и взяткополучателя), в равной степени заинтересованных в сокрытии коррупционного деяния. Очень важно разрушить «спайку» интересов коррупционных подельников, предоставив им шанс избежать уголовной ответственности. Такую возможность даёт белорусский закон.

Ст. 23 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» гласит: «Физическое лицо, противоправно предоставившее государственному должностному или приравненному к нему лицу имущество или другую выгоду в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц, освобождается от ответственности, если имело место вымогательство со стороны государственного должностного или приравненного к нему лица ..., если физическое лицо после предоставления указанным лицам имущества или выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц, добровольно (подчёркнуто нами – Ю.Б.) заявило о содеянном». Эта норма закреплена также в ст. 431 УК РБ. В некоторых случаях сумма взятки может быть даже возвращена её владельцу. Благодаря возможности одной из сторон коррупционного взаимодействия избежать уголовного преследования, было раскрыто немало преступлений, что оправдывает сомнительную «добровольность» признательных заявлений части незадачливых взяткодателей и взяткополучателей.

Равенство перед законом

Одной из важнейших предпосылок коррупции является чувство вседозволенности и безнаказанности, нередко возникающее у начальников высокого уровня. Когда закон суров только по отношению к простым гражданам, а правящая элита оказывается вне сферы его действия, коррупция в верхах расцветает пышным цветом, заражая всё общество до самых низов. Рыба, как известно, гниёт с головы. Следовательно, и очистить общество от взяточничества следует, начиная с самой верхушки бюрократической пирамиды. Страны с развитой демократией и здесь дают фору нашему переходному обществу, не оставляя в покое своих высокопоставленных чиновников. Так, например, в Израиле под следствием по обвинению в коррупции находился даже президент страны Вейцман, который был вынужден по этой причине уйти в отставку. Бывший канцлер Германии «объединитель немцев» Г. Коль, несмотря на все свои бесспорные заслуги перед нацией, также подпал под статью о финансовом мошенничестве, хотя радел не о себе, а о родной партии. Такие прецеденты, широко обсуждаемые свободными средствами массовой информации, способны избавить от синдрома неприкосновенности любого представителя политической элиты, не говоря уже о региональных лидерах или простых чиновниках. Важнейшим условием, обеспечивающим равенство перед законом всех слоёв населения, включая и политических лидеров, является реально действующая демократия. Выборы населением руководителей исполнительных и законодательных органов государственной власти, а также иных важных для общественной жизни персон, таких как, например, судей и начальников муниципальных правоохранительных органов, позволит очистить от коррупционеров административный аппарат на всех его уровнях.

Выборность должностных лиц

Одним из самых действенных барьеров на пути коррупции в сфере государственной службы является выборный принцип распределения важнейших должностей. К таким должностям следует отнести не только высших должностных лиц исполнительной и представительной ветвей власти в центре и на местах, но также судей, начальников муниципальных контролирующих и правоохранительных органов. Правда, введение этого принципа целесообразно только на подготовленную длительным опытом реальной демократии социальную почву. Народ, привыкший жить под эгидой авторитаризма, очень скоро может попасть в западню псевдодемократии, когда за ширмой избирательного процесса власть будут осуществлять мафиозные клики. Переходной формой к выборности важнейших должностных лиц на местах может послужить прописанное в законе право населения объявлять общественное недоверие некомпетентному или вороватому чиновнику. Уже сама возможность такого своеобразного «импичмента» способна послужить предостережением для слабых на руку государственных служащих.

Метод социокультурной дискредитации мздоимства

В ходе социологического исследования мы выяснили, что коррупционный режим взаимодействия с чиновниками характерен в большей степени для успешных бизнесменов. Это может свидетельствовать о высоком статусе мздоимства среди предпринимателей. То, что практикуют сравнительно успешные деловые люди, становится своего рода эталоном и для неопитов бизнеса. Поэтому в борьбе с мздоимством важно дискредитировать сам коррупционный стиль взаимодействия государственных служащих и простых граждан. Для этого необходимо предусмотреть специальную программу мер по дискредитации мздоимства с целью вывода его за пределы не только правового сознания, что, с формальной точки зрения, уже имеет место, но и за пределы приемлемой моральной нормы. Особая роль в этом деле должна принадлежать средствам массовой информации, в первую очередь, телевидению. Это может быть и сатирическая

социальная реклама (скорее, антиреклама), и серьезные аналитические передачи. Конкретный формат каждой отдельной меры по дискредитации мздоимства должен определяться специалистами соответствующей отрасли идеологической и информационно-пропагандистской работы. Важно, чтобы идейно-пропагандистский прессинг на коррупционное сознание был постоянным и повсеместным, осуществлялся преимущественно не «лобовым» методом, а с использованием тонких психологических инструментов. И нужно быть готовым к тому, что эта работа на десятилетия, поскольку, как говорил К. Маркс, человеческий череп представляет собой самую неприступную крепость. Однако, учитывая свидетельство профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Булгакова о том, что разруха в головах, начинать лечить общество от коррупции тоже следует отсюда же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. Презумпции против коррупции / А. Алексеев // Законность. – 2008. – № 4. – С. 4.
2. Голик, Ю.В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю.В. Голик, В.И. Карасёв. – СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2005. – С. 32.
3. Аргументы и Факты. – 2005. – № 28. – С. 5.
4. Кузьмин, В. Минус сто тысяч / В. Кузьмин // Российская газета. – 2010. – 23 сент.
5. Дать, взять, сесть // Российская газета. – 2010. – 30 сент. – № 221(5300). – С. 9.
6. Василевич, Г.А. Коррупция и проблемы возмещения ущерба / Г.А. Василевич // Республика Беларусь в системе международных экономических отношений / науч.-ред. совет: М.В. Мясникович [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 14.

Bubnov Y.M. Repressive and Preventive Measures Counteraction to Corruption

The main repressive and preventive measures aimed at minimization of corruption in the form of bribery in the Belarusian society are considered in the article. The attention is paid to the fact that it is impossible to reduce essentially corruption risks only by repressive measures no matter how severe they are. It is necessary to focus on the preventive measures among which the main role is to be played by democratization and debureaucratization of Belarusian society.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.04.2013

УДК 316.42

С.Т. Кавецкий

КОНЦЕПЦИЯ АНОМИИ И СОВРЕМЕННЫЕ АНОМАЛИИ

Статья посвящена раскрытию содержания многогранного понятия аномии, введенного в научный оборот Э. Дюркгеймом. В ней рассматриваются как традиционные, так и современные аномалии: девиантное поведение, экономическое и социальное отчуждение, социокультурная травма и др. Анализируются переходные, трансформационные общества на постсоветском, постсоциалистическом пространстве.

Введение

В российских и белорусских публикациях, посвященных различным сторонам творческого наследия Э. Дюркгейма, часто анализируются его исследования о роли коллективных норм и ценностей в качестве регуляторов социального поведения. Вместе с тем редко встречаются работы, посвященные анализу содержания концепции социальной аномии, использованной им при рассмотрении процессов, приводящих к социальной дезинтеграции и дезорганизации.

Понятие аномии Дюркгейм ввел для объяснения распространения различных социальных девиаций в переходных обществах, оказавшихся социально дезорганизованными. Он подчеркивал, что «изучение отклоняющихся форм позволяет нам лучше определить условия существования нормального состояния» [5, с. 328]. Причем само это понятие использовалось им в рамках общетеоретической модели, описывающей эволюцию обществ, изменение способов их социальной организации. Социальную интеграцию Дюркгейм считал показателем здорового состояния общества, в противоположность социальной дезинтеграции и аномии как явления «анормального», характерного для переходных и кризисных периодов. В социальной солидарности Дюркгейм видел основу социальной интеграции, обеспечивающей регуляцию взаимоотношений между индивидами в обществе. Он выделял две ее формы – механическую и органическую.

Две формы солидарности соответствуют, по Дюркгейму, двум противоположным формам социальной организации. Первая из них архаическая, при ней господствуют сходные для всех (как по количеству, так и по интенсивности) коллективные чувства. Вторая форма социальной организации опирается на развитое разделение труда и соответствует сложному современному обществу, напоминающему организм с различными органами. Нормальному состоянию общества соответствует «разделение труда как нормальное явление» [5, с. 328]. Оно характеризуется нормативной регуляцией труда, развитым экономическим планированием.

Но разделение труда может принимать девиантные (патологические) формы, которые необходимо анализировать. Он выделяет три формы аномального разделения труда, оказывающего на общество «разлагающее действие». «С первым случаем этого рода мы сталкиваемся в промышленных или торговых кризисах, банкротствах, являющихся частичными нарушениями органической солидарности» [5, с. 329]. Вторая форма – «антагонизм труда и капитала» [5, с. 329]. Если в средние века, – поясняет Дюркгейм, – работник и хозяин вместе живут и трудятся в одной лавке, составляя часть общей цеховой корпорации, то появление мануфактур, а затем крупной промышленности отделяет рабочего от патрона. Вслед за К. Марксом (но без ссылок на его работы) Э. Дюркгейм показывает, как развитие крупного промышленного производства отрывает рабочего от семьи, противопоставляет его работодателю, разрывая традиционные связи между людьми, приводя к специализации выполняемых людьми социальных функций. Возникающее в ходе этого процесса классовое деление затрудняет формирование общественной солидарности, поскольку такое разделение труда имеет принудительный

характер и не отвечает естественному распределению способностей людей. Третья форма – это «наука, разорванная на множество детальных, но не соединенных между собой исследований, не образует уже единого целого» [5, с. 331]. Вследствие неупорядоченного разделения интеллектуального труда теряется «единство знания». Дюркгейм отдает здесь дань уважения О. Конту, подчеркивавшему синтезирующее значение своей позитивной философии и предлагавшего правительству учредить независимый орган для обеспечения интеграции научной деятельности. Пути к выводу научного сообщества из раздробленного и аномического состояния Дюркгейм усматривал, если воспользоваться современным словосочетанием, в преодолении «идиотизма узкой специализации», порождаемого аномальным разделением научного труда и в восстановлении функционального единства в действиях различных частей сложного социального организма [5, с. 333–335].

В III разделе книги «О разделении общественного труда», который называется «Аномальные формы» в главе III «Аномическое разделение труда» Э. Дюркгейм на конкретных примерах анализирует разделение труда как источник солидарности и его антиподы. Исследуя аномальное развитие, он приходит к выводу, что если «разделение труда во всех этих случаях не производит солидарность, то потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии аномии» [5, с. 342]. Это, видимо, и есть первое упоминание термина «аномия» у Э. Дюркгейма.

В работе «Метод социологии» Э. Дюркгейм исследует социальный факт через призму нормального и патологического состояния общества. В главе III «Правила, относящиеся к различению нормального и патологического» он пишет, что «мы будем называть нормальными факты, обладающие формами наиболее распространенными; другие же болезненными или патологическими» [5, с. 455]. Сам факт может быть назван патологическим только по отношению к конкретному виду деятельности и социальному типу. «Нужно отказаться от весьма распространенной еще привычки судить об институте, обычае, нравственном правиле так, как будто они были дурны или хороши сами по себе и благодаря самим себе для всех социальных типов без различия» [5, с. 55].

В заключении III главы Э. Дюркгейм отмечает, что «из теории изложенной в этой главе, иногда делали вывод, что, с нашей точки зрения, рост преступности на протяжении XIX в. явление нормальное. Такое истолкование далеко от нашей мысли. Многие факты, приводимые нами в связи с самоубийством, наоборот, заставляют нас думать, что такой рост в целом – явление патологическое» [5, с. 471]. Он видит решение аномальных проблем «не в том, чтобы насильно толкать общество к идеалу, кажущемуся ему соблазнительным; его роль – это роль врача: он предупреждает возникновение болезней хорошей гигиеной, а когда они обнаружены, старается вылечить их [5, с. 471].

Книга «Самоубийство», которую Э. Дюркгейм посвятил проблеме суицида, тесно связана с исследованием разделения труда. Поскольку понятие «аномия» Дюркгейм впервые ввел при рассмотрении факторов, способствующих росту числа самоубийств, мы обратимся к содержанию этой работы. В ней он отмечает, что «в современном обществе человек не обязательно более удовлетворен своим положением, чем в прежних обществах, и попутно привлекает внимание к росту самоубийств как проявлению доказательств, может быть, патологических черт нынешней организации совместной жизни» [6, с. 326]. Дюркгейм определяет самоубийства «как всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [6, с. 326]. Рассматриваются факторы и причины внесоциального и социального характера самоубийств. Раскрывая социальные типы самоубийств, исследователь выделяет эгоистическое, альтруистическое и аномическое. Э. Дюркгейм дает определение аномического типа как «беспорядочной, неурегулиро-

ванной человеческой деятельности и сопутствующими ей страданиями» [6, с. 303]. В момент социальной дезорганизации общество временно утрачивает способность осуществлять регуляцию поведения индивидов, в чем находит свое объяснение резкий скачок числа самоубийств.

Аномическое самоубийство, «на которое обречены индивиды в современных обществах вследствие условий своего существования, не регламентируется обычаями: индивиды постоянно соперничают друг с другом; они многого ждут от жизни, их запросы велики, их постоянно подстерегают страдания, рождающиеся из диспропорции между чаяниями и их удовлетворением. Такая атмосфера тревоги способствует развитию «суицидального течения» [6, с. 335]. Обращение к статистике «обнаруживает тенденцию роста частоты самоубийств в периоды экономических кризисов, кроме того в периоды чрезмерного благополучия» [6, с. 334]. Феномен сокращения аномических самоубийств проявляется в период значительных политических событий, во время революций и войн.

Кроме экономической аномии, в период кризисов существует также домашняя аномия, которую Э. Дюркгейм связывает с браками, разводами, смертью близких людей. Частота самоубийств соразмерна числу разводов. «Разведенный мужчина более подвержен опасности самоубийства, чем женщина» [6, с. 335]. Результативность домашней аномии возрастает в результате смерти одного из супругов. Расстройство семейного очага тяжело отзывается на том, кому приходится пережить своего спутника. Он не может приспособиться к своему новому одинокому положению, и соблазн самоубийства легче увлекает его» [6, с. 304].

Таким образом, Э. Дюркгейм, разрабатывая ключевые понятия своей социологической теории, поставил вопрос об аномическом состоянии общества. Концепция аномии разрабатывалась французским ученым на протяжении всей его творческой деятельности через призму системного анализа таких понятий, как социальная солидарность, разделение труда, социальный факт, самоубийство». Эта проблема до конца жизни волновала Дюркгейма не только как ученого, но и как гражданина. «Прежние боги стареют или умирают, а новые не родились» [5, с. 556]. Об этом он писал в работе «Элементарные формы религиозной жизни», которая вышла в 1912 г. в Париже. Тем самым он подчеркивал, что аномия в большей степени характерна для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии общества. Французский социолог выявил основу теории социальной аномии, дальнейшая разработка которой продолжалась в XX и в начале XXI вв. При этом подчеркнем, что задолго до появления в научном обиходе термина «аномия», сам феномен аномальных общественных, индивидуальных и коллективных состояний многие столетия находился в зоне пристального внимания самых разноплановых философских школ и направлений.

Вслед за Дюркгеймом многие ученые стремились разработать методологическую основу изучения нравственных, психологических и иных состояний отдельных индивидов и их сообществ, вынужденных пребывать в социуме с высокой степенью аномии. Из множества исследований проблемы выделяется подход в развитии концепции аномии Р. Мертон. По Мертону, аномия – это результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному. Р. Мертон различает их по пяти основным группам.

Первая из них – конформистская. Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Третья группа – это индивиды, её составляющие, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, «замешанные» на бюрократизме и формализме. Четвертая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм).

К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, самоубийц и т.д. Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т.д.

Еще один аспект аномии заключается в том, что советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е.М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил, что «социальная жизнь раскололась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [1, с. 20].

Специфика постсоветского общества состоит в том, что оно, пребывая уже достаточно длительное время в условиях глубочайшей трансформации, так же как и другие в подобных ситуациях, не может не испытывать дисфункциональное напряжение. Социум в настоящем своём качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным, в определённой мере, применение к анализу всего происходящего в постсоветском социуме, в том числе и белорусском, Мертоновой аналитической схемы.

Аномия имела национальную специфику не только у республик и народов СССР, но и в «социалистическом лагере» Восточной Европы. Так, президент Международной социологической ассоциации (2002–2006 гг.) П. Штомпка ведёт речь, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований» [13, с. 10]. Она возникла в конкретной ситуации (1990–2001 гг.). В Польше уклад жизни широких слоев населения менялся быстрее и резче, чем в России и тем более в Беларуси. Реформы Бальцеровича аннулировали гарантии государства для госпредприятий (было две административные реформы плюс с 1998 г. еще реформа местного самоуправления и закон о поветах; все это представляло собой явную децентрализацию). Метафора травмы не случайна: польский народ с конца XVIII в. переживал не одну травму.

Анализируя социальные трансформации в Польше (и не только современные), важно учитывать феномен религии. При этом необходимо прислушаться к мнению Е. Шацкого, который, комментируя Э. Дюркгейма, пишет, что «доходчивость и вечность религии в той или иной форме возникает от того, что индивидуум, лишенный моральной поддержки в обществе теряет способность, возможности к нормальной жизни, а общество, неспособное к установлению контроля и опеки, стоит на грани распада. Такое состояние Дюркгейм называл аномией» [14, с. 390].

Материалы, в той или иной мере отражающие феномен социальной аномии, в современной отечественной и российской научной литературе встречаются сравнительно часто. Как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации, по сути, дают характеристику общественных состояний, имеющих её явные признаки (Е.М. Бабосов, Н.А. Барановский, А.Б. Гофман, Я.И. Гишинский, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Кудрявцев, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.Г. Немировский, О.С. Осипова, Н.Е. Покровский, Д.Г. Ротман, Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко, Ж.Т. Тощенко и др.). Существующие научные концепции, носящие, как прави-

ло, описательный характер, не всегда затрагивают многообразие субстанциональных и гносеологических аспектов этого сложного и многоликого социального явления. В этой связи возникают противоречивые оценки роли и места аномии в обществе, уровня её потенциальной деструктивности, а также ее детерминаций и социальных последствий. Более скупрулезно, через призму социологических исследований, рассматривается девиантное поведение, которое берет свое начало из аномии.

Важным также представляется отметить, что на протяжении последюркгеймовского развития само определение аномии совершенствовалось, однако все его оттенки не нашли своего отражения в этих определениях. При этом в советский период констатировалось, что понятие «аномии используется в исследованиях кризисных явлений в капиталистическом обществе, при анализе переходных общественных состояний» [8, с. 13].

Весьма характерным в этом плане является определение аномии И.И. Кального: «Отношение индивида к нормам и духовным ценностям этого общества, в котором он живет и действует, означает утрату норм и предписаний, отсутствие эталонов поведения, несоответствие между целями и возможностями их осуществления. Все это обуславливает конфликт, ощущение ничтожности, отклоняющегося поведения» [7, с. 83]. Таким образом, при всей значимости феномен аномии определяется в большей степени как морально-психологически термин. В современной отечественной литературе, в частности, в социологическом словаре под редакцией А.А. Грицанова, аномия трактуется как «философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношений между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается «вне» общества, вступая в конфронтацию с ним» [10, с. 52–53]. Более системно анализирует термин «аномия» Е.М. Бабосов, определяя ее, как «социально-психологическую ситуацию, когда одна или более личностей не могут интегрироваться со стабильными основными институтами общества, что приводит к отрицанию наиболее значимых норм доминирующей культуры и социальным отклонениям, к девиации» [3, с. 456]. В «Социологической энциклопедии» ученый развивает определение аномии как «состояние общества, в котором значительная часть граждан знает нормативные (юридические, моральные, эстетические и др.) стандарты поведения, а также доминирующие в нем убеждения, но не считается с ними и не подчиняется им в своих поступках» [2, с. 20]. Важным является также вывод Е.М. Бабосова о том, что одной из причин распада СССР стала «крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [3, с. 21].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что определение аномии должно включать в себя базовую основу (от Э. Дюркгейма), социофилософскую, социопсихологическую и социокультурную составляющие. Аномия (от франц. *anomia* – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям.

Еще один феномен трансформационного периода на рубеже XX–XXI вв. выявил член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко. В монографии «Парадоксальный человек» он, основываясь на анализе реальной ситуации в России, показал, что парадоксальное сознание стало частью современной жизни. Суть этого феномена в том, что общественные институты и отдельные личности декларируют одни цели и жизненные ориентиры, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные [5, с. 91]. При этом оказывается, что публично провозглашаемые лозунги опровергаются практикой повседневной жизни. «В настоящее время, – пишет Ж.Т. Тощенко, – все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злому

умыслу олицетворяют удивительнейший феномен – в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и тоже время и в прямо противоположных направлениях» [12, с. 55]. Этот феномен подтверждается в исследованиях белорусских социологов А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана, Л.Г. Титаренко и др. «Общее состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность в этих вопросах. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом предопределяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [11, с. 104].

Если рассматривать аномические составляющие в Республике Беларусь, то они в разной степени охватывают все стороны общественной жизни. В экономике после распада СССР разрушились хозяйственные связи, дефолт российского рубля в 1998 г. пагубно повлиял на экономику союзной страны, цены на нефть и газ постепенно движутся к мировым, планетарный финансовый кризис 2008 г. и, наконец, валютный катаклизм в Беларуси 2011 г., снизивший планку средней зарплаты с 500 долларов в январе до 200 в октябре. Все это влияло и влияет на смешанную экономику Беларуси, где преобладающим является государственно-капиталистическая форма собственности.

Заключение

Таким образом, рассматривая аномию в некотором более широком или узком смысле, можно сделать вывод, что к состояниям, схожим с ней, относятся такие общественные аномальные состояния: 1) отчуждение, 2) цивилизационная некомпетентность, 3) синдром недоверия, 4) коллективное чувство вины и стыда, 5) социально-культурная травма, 6) кризис легитимности, 7) теория «парадоксальности человека», 8) теория «кентавризма», 9) теория «имитации» и др. Все они требуют социологического измерения и анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е.М. Социология катастроф / Е.М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 4 – С. 19–25.
2. Бабосов, Е.М. Аномия / Е.М. Бабосов // Социологическая энциклопедия; под ред. А.Н. Данилова. – Минск : БелЭн, 2003. – С. 20.
3. Бабосов, Е.М. Прикладная социология / Е.М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 496 с.
4. Данилов, А.Н. Критика и библиография / А.Н. Данилов // Социология. – 2001. – № 4. – С. 91.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М. : Наука, 1990.
6. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. – СПб. : Союз, 1998.
7. Кальной, И.И. Отчуждение истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь : Таврия, 1990. – 192 с.
8. Краткий словарь по социологии. – М. : Политиздат, 1989. – С. 479.

9. Современная западная социология : словарь. – М. : Политиздат, 1990. – с. 432.
10. Социология : энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1312 с.
11. Титаренко, Л.Г. Парадоксальный белорус: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // Социология. – 2003. – № 3. – С. 96–107.
12. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко – М. : Гардарики. – 2001. – 398 с.
13. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 3. – С. 3.
14. Szacki, J. Historia myśli socjologicznej / J. Szacki. – Warszawa : PWN, 2011.

Kavetski S.T. Anomy Concept and Contemporary Anomalies

This article explains the idea behind the many-sided concept of anomy that was introduced into scientific use by E. Durkheim. It discusses both conventional and contemporary anomies: deviant behavior, economic and social alienation, social and cultural injury, etc. Also, it analyzes transitional and transformational societies in former Soviet and socialist states.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.09.2013

УДК 316.723:32(476)

С.В. Рыбчак**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ
ГРАЖДАНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**

В статье рассматривается политическая культура, которая оказывает тройственное влияние на политические процессы и институты: под её воздействием воспроизводятся традиционные для общества формы политической жизни; она способна порождать новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни; может комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства. В социологии основное внимание при изучении политической культуры уделяется ее стабилизирующему и интегрирующему влиянию на социум, но в обществе переходного типа особую актуальность приобретает изучение деструктивного воздействия политической культуры, прежде всего в силу присущей ей разнородности, на социальную жизнь.

Введение

Поведенческий аспект политической культуры представляет собой важный составляющий структурный элемент, выступая способом ее существования, без которого она как социальный феномен невозможна. Интериоризированные индивидами нормы, ориентации, стереотипы, традиции политической культуры трансформируются в определенные ролевые модели их политического поведения, включающие в себя обязательный нормативный аспект, который представляет собой определенную ценностно детерминированную систему поведенческих реакций на других политических акторов. Такая модель социокультурных регуляторов, ориентирующая актора в сфере социально-политических отношений, может заключаться в отношениях власти, господства, конфликта, согласия, совместных действий и т.д. Определяет поведенческий аспект политической культуры комплекс внутренних и внешних факторов, включающий в себя общемировой контекст, социально-экономическую ситуацию в стране, нормы и ценности самой политической культуры, баланс политических сил, личные интересы политического актора и т.п.

Политическое поведение включает в себя совокупность реакций акторов на деятельность политической системы, и по степени их включенности в политический процесс подразделяется на политическое участие и абсентеизм. Политическое участие представляет собой перечень определенных видов политического поведения: электоральное поведение, активистское участие в избирательных кампаниях, посещение митингов и собраний, участие в демонстрациях и пикетах, членство в партиях и группах интересов и т.д. Анализ характерных для белорусского социума форм и типов политического участия позволяет определить наличие тех или иных политических ориентаций, выступая в качестве своеобразного индикатора, а также степень эффективности воздействия структур формирующегося в стране гражданского общества на сферу социально-политических отношений.

Согласно данным социологических исследований, для общества политизация мира социальной повседневности не характерна и его политическая поляризация как вариант обозримого будущего мало реальна. Мир социально-политических отношений и порождаемых ими конфликтов находится на периферии общественного сознания. Для белорусских граждан характерно спокойное отношение к политике, и разнообразные политические коллизии не воспринимаются социумом в алармистском ключе, что обусловлено ментальностью народа, его историческим опытом. Естественно, это откладывает свой отпечаток на политическое поведение граждан, прежде всего в выборе того или иного типа политического участия. Согласно социологическим данным, полученным Институтом социологии НАН Беларуси, политический радикализм абсолютно не орга-

ничен белорусскому обществу, даже включая такую традиционно склонную к эскапизму социальную группу, как молодежь.

Таблица 1 – Участие в публичных действиях, %

Политические установки	Респонденты до 30 лет (39%)	Все респонденты (100%)	Респонденты старше 50 лет (35,2%)
<i>Митинги, демонстрации, пикеты</i>			
– Принимали участие	6,9	5,4	3,9
– Готовы участвовать	15,7	13,3	10,6
– Не собираются участвовать	49,3	54,7	61,0
<i>Забастовки</i>			
– Принимали участие	2,1	1,9	0,6
– Готовы участвовать	13,5	11,0	7,6
– Не собираются участвовать	55,1	61,1	61,0
<i>Вооруженная борьба</i>			
– Принимали участие	0,6	0,5	0,1
– Готовы участвовать	8,5	7,2	2,0
– Не собираются участвовать	65,4	69,2	76,3

Более половины населения страны (54,7%) категорически не собираются воплощать на практике такие конвенциональные формы политического участия, как митинги, демонстрации и пикеты. В забастовках не собирается участвовать 61,1% населения республики. Для большинства населения страны (69,2%), вооруженная борьба является неприемлемой формой неконвенционального политического участия, а реально воплощали ее на практике только 0,5% населения. Таким образом, это позволяет констатировать отсутствие социальной базы для политического радикализма в стране и подчеркивает толерантность, характерологическую черту политической культуры социума, а также достаточно обоснованно позволяет предположить клинически окрашенную мотивацию тех респондентов, которые подтвердили факт своего участия в вооруженной борьбе, учитывая характер развития Беларуси.

Достаточно высокие показатели готовности, как свидетельствуют результаты данного исследования, молодых белорусов к участию в неконвенциональных формах политического участия, а также само участие – это показатель слабости структур гражданского общества, не способного канализировать социальную агрессию молодежи в соответствующие институты, трансформировав в приемлемую для общества форму. Однако наблюдаемая диспропорция в степени радикализма между двумя возрастными группами, особенно в варианте психологической готовности к действиям, скорее акцентирует разницу в их социальной зрелости, чем кардинальные отличия ориентации, что позволяло бы выделить именно по возрастному критерию разновекторные политические субкультуры. Такой вывод позволяют сделать данные, дифференцирующие политическое участие тех респондентов, которые заявили, что принимали или готовы принять участие в тех или иных формах социального протеста.

Можно констатировать, что в политической культуре современного белорусского общества рейтинг конвенциональных форм политического участия достаточно высок и стабилен. Так, на вопрос анкеты «Как Вы относитесь к участию в публичных действиях для выражения своего мнения?» в 2012 г. в среднем 63,4% респондентов ответили, что принимали или готовы принять участие в тех или иных формах публичного политического действия, для себя выбрали вариант электорального поведения. Это является свидетельством определенной гражданской зрелости современного белорусского социума, предпочитающего легальные формы воздействия на государственную власть.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к участию в публичных действиях для выражения своего мнения?», %

Вариант ответа	Все опрошенные (2011 г.)	Молодежь до 30 лет (2011 г.)	Все опрошенные (2012 г.)	Молодежь до 30 лет (2012 г.)
Через выборы и референдумы	62,7	62,4	63,4	55,6
Через подписание публичных обращений	34,3	40,7	33,1	35,8
Через обращение в органы власти	28,0	26,1	33,3	26,9
Через выступления в СМИ	22,8	24,3	25,6	29,5
Через митинги и демонстрации	18,7	22,6	20,7	26,0
Через забастовки	12,9	15,6	14,6	18,3
Через вооруженную борьбу	7,7	9,1	6,8	10,5
Через голодовки	3,5	4,2	4,9	6,9

С этим коррелирует отрицательная динамика неконвенциональных форм политического участия, актуализированных респондентами. Наиболее радикальные формы участия (вооруженная борьба и голодовка) считают для себя приемлемыми и готовы воплотить в реальный социально-политической практике только 6,8% и 4,9% респондентов соответственно. Именно они составляют реальную социальную базу рационально-активистской политической культуры в силу крайне выраженной, инструментально или эмоционально, политической ангажированности, и, одновременно, протестный потенциал белорусского общества. Таким образом, нерелефлексированное законопослушание как существенная ментальная характеристика белорусов закономерно порождает минимум неконвенциональных форм политического участия, что не только определяет степень социальной прочности политического режима, но и выступает в качестве стабилизирующего фактора трансформационных процессов.

Однако если учитывать проблему перспектив демократизации в стране и процесса формирования развитого гражданского общества, такое положение вещей вызывает определенные вопросы. Согласно результатам опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 г., 53% населения страны выражали категорическое неудовлетворение условиями своей жизни и максимум недоверия к основным социально-политическим институтам: парламенту, правительству, партийной и судебной системе и т.д. При этом, однако, данные этого же социологического опроса показали минимальную готовность людей к акциям протеста, что свидетельствует о восприятии себя большей частью общества как объекта, а не субъекта властных воздействий.

Проблема заключается в том, что в аспекте становления демократического, развитого гражданского общества в Беларуси эпифеноменом этого социального процесса, развивающегося параллельно, является становление культуры гражданственности в стране. Гражданская культура не только культура «лояльного участия», по словам Г. Алмонда, но и актуализированные индивидом и социумом демократические поведенческие стандарты, которые предполагают наличие социальной ответственности, минимизирующей проявления политического абсентеизма со стороны значительной части общества.

Однако в «белорусском обществе не проявляется готовность к активной защите конституционных основ государственности, а следовательно, и гражданского общества, что говорит о большой проблематичности формирования и развития последнего как важнейшего гаранта прав и свобод человека, конституционного порядка в стране» [1, с. 41–43]. Акцент на конституционный порядок предполагает актуализацию проблемы реального соблюдения в стране всего комплекса прав и свобод граждан: политических, гражданских, социальных, экономических и культурных. Тем не менее столь однозначная оценка

гражданского потенциала белорусского общества представляется излишне драматизированной. Как показывают вышеприведенные социологические данные, количество людей, которые выбирают такую цивилизованную форму гражданской активности, как подписание петиций и обращений, достаточно велико – 34,3% населения страны. Эта рационально выстроенная модель политического участия имплицитно предполагает диалог граждан и структур формирующегося в стране гражданского общества с властью, логике которого имманентно присущи процессы институционализации гражданских инициатив. «Следует иметь в виду, что общественные организации не оппозиция существующей власти, а та действенная сила, которая должна сосуществовать с властью и помогать ей конструктивной критикой» [2, с. 25–26]. Наличие гражданских инициатив актуализирует проблему формирования действенной обратной связи между политической системой и гражданским обществом, установления процесса коммуникации на принципах паритета.

Заклучение

Таким образом, логика исследования позволяет в аспекте институционализации развитого демократического гражданского общества в стране типологизировать те формы конвенционального политического участия индивидов, которые ориентированы на установление диалога между политическими акторами, как практическое проявление гражданской культуры. Особо следует подчеркнуть их распространенность, притом не только в актуализированном виде, в социально-политической практике современного белорусского социума. В данном случае еще раз необходимо подчеркнуть, что именно политическая культура является наиболее адекватной для демократической политической системы и наличие в современном белорусском обществе соответствующей ей социальной базы позволяет положительно оценивать перспективы построения в Беларуси развитого гражданского общества. Однако сравнительно небольшой объем социальной базы формирующейся в стране культуры гражданственности объективно обуславливает долговременные сроки данного процесса, ускорение которого возможно только в случае инициирования политическими акторами и, в первую очередь, государством, эффективного и действенного курса политической социализации граждан страны в духе демократических ценностей и установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божанов, В.А. Конституционность государства – категорический императив гражданского общества / В.А. Божанов // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития : материалы междунар. науч.-прак. конф., Минск, 24–26 мая 1999 г. – Минск, 1999. – С. 41–43.
2. Хостад, Э. Гражданское общество в контексте устойчивого развития / Э. Хостад // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития : материалы междунар. научн.-практ. конф., Минск, 24–26 мая 1999 г. – Минск. – С. 25–26.

Rybchak S. Political Culture as Regulatory Mechanism of Civil Behaviour

In the article the political culture which has triple impact on political processes and institutes is considered: under its influence forms of political life traditional for society are reproduced; it is capable to generate new, nonconventional forms for society of social and political life; it can combine elements of a former and perspective political system. In sociology the main attention when studying political culture is paid to its stabilizing and integrating influence on society, but in the society of transitional type special relevance is gained by studying of destructive influence of political culture, first of all owing to heterogeneity inherent in it, on social life.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.03.2013

УДК 2:32.019.5

*С.М. Алейникова***ОСОБЕННОСТИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ РИТОРИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье предпринята попытка анализа и систематизации конфессиональной риторики в Беларуси в контексте выявления степени ее влияния на сознание и, соответственно, возможное поведение человека. Под конфессиональной риторикой подразумеваются выступления, статьи, интервью и другие источники мнений представителей основных конфессий, а также общественности, государственных властных структур в контексте государственно-религиозных отношений. Выявление действующих инструментов информационных технологий и степени их взаимосвязи с политическими процессами позволяет прогнозировать развитие ситуации как в религиозной сфере, так и возможных угроз информационной безопасности и социальной стабильности общества.

Введение

В данной статье под конфессиональной риторикой подразумеваются выступления, статьи, интервью и другие источники, которые дают представление о мнениях двух основных конфессий Беларуси (православия и католичества), а также общественности, государственных властных структур в контексте государственно-религиозных отношений. Во внимание принимается только конфессиональная риторика, опубликованная в СМИ (в печатных изданиях и интернет-источниках), и, следовательно, рассчитанная на широкую аудиторию. Выборочная совокупность контент-анализа (выбор анализируемых источников) – официальные СМИ и интернет-источники. Единица анализа – конфессиональная риторика по общественно значимым событиям.

Ставя своей задачей изучение специфики конфессиональной риторики, необходимо учитывать социокультурные особенности конфессионального пространства современного белорусского общества, к важнейшим из которых в первую очередь следует отнести: 1) геополитическую и историческую обусловленность; 2) социальный и политико-правовой статус конфессий (их реальный «вес» в обществе в зависимости от численности, влияния на формирование и сохранение традиционных и культурных ценностей, а также закрепление их прав и обязанностей в законодательстве); 3) общий вектор государственной политики Республики Беларусь. Остановимся вкратце на каждой из них.

Геополитическая и историческая обусловленность

Помимо географического положения белорусских земель, на протяжении всей истории выступавшей объектом политических интересов соседних государств, на формирование религиозного мировоззрения повлияла традиционная зависимость религии от государственной (княжеской, царской, королевской и т.п.) власти. Это во многом обусловило, во-первых, индифферентное и в целом нейтральное отношение к любой религии как элементарное условие выживания и приспособления в жестких условиях насильственного навязывания государственной религии; во-вторых, сформировало конфессиональную структуру современного белорусского общества.

В настоящее время, согласно социологическим данным Центра социально-политических исследований при БГУ, с христианством так или иначе идентифицирует себя большинство (около 85%) жителей Республики Беларусь независимо от степени религиозности, веры или неверия [1]. Это значит, что отождествление себя с той или иной конфессией связано не столько с религиозной верой (воцерковленностью), сколько с культурно-обрядовой, национальной, семейной традицией, что придает православию и католицизму особый социальный статус, т.е. реальный «вес» в обществе.

Соответственно, Белорусская Православная церковь (далее – БПЦ) или Католическая церковь (далее – Костел), высказываясь по поводу тех или иных общественно значимых и резонансных событий, одновременно выступают и как выразители мнения определенной части населения, и как источник, его формирующий. Следует также отметить, что Костел подчинен Ватикану, а БПЦ – Русской Православной Церкви Московского Патриархата (далее – РПЦ) и является ее структурным подразделением, что также необходимо учитывать при анализе их риторики.

Социальный и политико-правовой статус конфессий

Особый социальный статус этих конфессий получил свое закрепление в законодательстве. Преамбула Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» содержит норму о «признании определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси» [2]. Однако особый социальный статус не означает какого-либо особого правового статуса конфессии и не нарушает принципа светскости белорусского государства. Это значит, что все без исключения религиозные организации имеют равные права и обязанности, процедуру регистрации и ликвидации, несут равную ответственность, никакая религия или идеология не может быть признана обязательной и т.д. Кроме этого, по инициативе Президента Республики Беларусь все религиозные организации освобождены от уплаты земельного налога, что ставит их в равное положение и позволяет избежать острого имущественного противостояния, которое имеет место, в частности, в России и Украине.

Общий вектор государственной политики

Общий вектор политики Республики Беларусь в религиозной сфере был четко обозначен Президентом Республики Беларусь. В частности, выступая на втором Всебелорусском народном собрании, Президент отметил, что «государство будет содействовать... утверждению идеологии, которая основывается не на платформе какой-то партии, а на основе испытанных временем универсальных нравственных и духовных ценностей нашего народа. В первую очередь – духовных ценностей христианства, которые веками были нравственным стержнем белорусов. Это будет надежно служить согласию и стабильности в обществе, гуманизации отношений между людьми» [3].

Эти положения получили развитие и закрепление в Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь, в которой среди основных задач белорусского общества указаны развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала, обеспечение гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений. В число основных угроз национальной безопасности, среди прочего, включены:

- 1) проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды на территории Республики Беларусь;
- 2) попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции;
- 3) искусственное нагнетание напряженности и противостояния в обществе, между обществом и государством;
- 4) формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости и др. [4].

На первый взгляд, перечисленные угрозы не являются остро актуальными для Республики Беларусь, однако пример конфессиональной риторики в России наглядно демонстрирует, насколько значимым инструментом как консолидации, так и дестабилизации общества она может выступать, учитывая уровень развития и основные направле-

ния отработки современных технологий информационного воздействия на сознание и, как следствие, поведение человека. Так, оказалось достаточным проведение в СМИ всего двух информационных атак (посвященных выступлению панк-группы в Храме Христа Спасителя и присуждению Патриарху Кириллу скандальной премии «Серебряная калоша»), чтобы поставить российское общество на грань острого идеологического противостояния вплоть до применения насилия, о чем уже свидетельствует судебная практика. Отдельно следует отметить, что указанные события совпали с выборами и протестными движениями в России, последовательно сопровождаются ужесточением законодательства в сфере свободы слова и порой неоднозначной риторикой РПЦ, открыто заявляющей о неприемлемости для себя поиска диалога с «врагами» [5].

Все это дает основание предполагать, что данные акции не являлись случайными и преследовали цели отвлечения внимания населения от насущных проблем, а также проведение «под шумок» непопулярной реформы законодательства. В этой связи особый интерес представляет анализ мнений представителей основных конфессий Беларуси, выявление особенностей и тенденций их риторики.

Особенности конфессиональной риторики в Республике Беларусь

В работе пресс-служб БПЦ и Костела отсутствует суетность, поспешность и сиюминутность комментариев. Взвешенность и продуманность конфессиональной риторики во многом обусловлены позицией главы БПЦ Митрополита Филарета, отмечающего, что «церковь призвана решать иные, отличные от государства, задачи», а также подчеркивающего недопустимость навязывания, пусть и с благими намерениями, той или иной веры и ценностей [7]. Выбранная стратегия и стиль конфессиональной риторики позволяют предупредить саму возможность, источник возникновения какой-либо конфронтации белорусского общества по религиозному или мировоззренческому признаку.

Как было показано на примере российской практики, таким источником чаще всего становится не само конкретное событие (как правило, единичное и незначительное), а искусственно создаваемая и поддерживаемая информационная волна по поводу этого события, перерастающая в отдельных случаях в полноценную информационную войну.

В Беларуси подобные события если и имеют место, то не становятся основанием или источником дестабилизации, т.е. не служат оружием информационного воздействия. Так, например, в последнее время в стране было отмечено несколько инцидентов с осквернением православных храмов, возбуждением судебного дела против священника за отказ от снятия отпечатков пальцев, неоднозначные высказывания одного из священнослужителей об экстрасенсах и целителях как «сектантах и шарлатанах» и др. [6; 7].

Вызывали вопросы корректность формулировки Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, запретившей проведение в Минске концерта шведской рок-группы. Достаточно спорной представляется, в частности, такая аргументация запрета, как «явное пренебрежение христианскими ценностями. Их так называемое «творчество» демонстрирует пренебрежение к христианским ценностям, надругательство над Господом в текстах, символике и названиях альбомов. Этого допустить нельзя» [9]. Такая риторика допустима в заявлениях общественных деятелей и организаций, но не правоохранительных органов. Подобного рода заключения целесообразно было бы давать лишь после официального проведения соответствующих экспертиз: лингвистической, религиозно-ведческой, юридической. В то же время перечисленные инциденты не стали резонансными благодаря выдержанной позиции БПЦ: они никак не комментировались и не использовались для политического и иного давления на суды и общественность. Т.е. основными принципами риторики белорусских конфессий является преимущественно информационно-аналитическая работа, дистанцированность от участия в информационных войнах и пиар-технологиях.

Общую тенденцию отстраненности белорусских конфессий от информационных войн подтверждает недавнее заявление Митрополита Т. Кондрусевича на вопрос о заключении и голодовке С. Коваленко. Он, в частности, ответил: «Мы служим усім людзям і молімся за ўсіх людзей. Справы палітычныя – гэта справы палітычныя. Мы займаемся духоўным акармленьнем людзей. З пункту гледжаньня сацыяльнага навучаньня касьцёлу, кожны чалавек павінны клапаціцца аб сваім здароўі. І касьцёл не падтрымлівае такой акцыі, як галадоўка. Чалавек выбірае – што мы можам сказаць?» [8].

Близки оказались позиции глав конфессий и по таким острым вопросам, как мера наказания исполнителям терактов в Минском метро и в целом применение смертной казни в стране. Так, Митрополит Т. Кондрусевич в одном из интервью выступил с просьбой ввести мораторий на смертную казнь, отметив, что, хотя традиционное учение Костела и не исключает этой меры наказания, но только тогда, когда «гэта адзіны магчымы спосаб абароны чалавечага жыцця ад несправядлівага агрэсара» [11].

Митрополит Филарет неоднократно подчеркивал, что, с позиций христианского вероучения, смертная казнь, как и любое другое убийство, недопустимы. В то же время глава БПЦ идет на компромисс, отмечая неготовность на сегодняшний день общества отказаться от смертной казни: «принять закон, отменяющий смертную казнь, может только достаточно сильное государство... Запрещая смертную казнь, государство должно гарантировать, что преступник не повторит преступления» [12].

Что касается заявлений пресс-службы БПЦ, то обтекаемые формулировки ее разъяснения оставили больше вопросов, нежели ответов. С одной стороны, Церковь «не должна категорично требовать отмены смертной казни – тем более в обществе, которое в своем большинстве так решительно на ней настаивает». С другой стороны, Церковь «стремится оказывать пастырское влияние на формирование чувства социальной справедливости и судебного возмездия без идеи смертоубийства», а «отказ от совершения смертной казни должен являться результатом осознания обществом необходимости духовно-нравственного совершенствования» [13]. Иными словами, пресс-служба сняла с себя ответственность за оценки данного явления, возложив ее на общество.

Помимо общей, «текущей» риторики по отдельным общественно значимым или резонансным событиям, существенную роль в формировании информационного фона играет позиция основных конфессий относительно оценки прошлого страны. Речь, в частности, идет о попытках переписывания истории, тенденции демонизации в современной российской идеологии советского прошлого и пересмотра отношения к Великой отечественной войне. БПЦ на сегодня отличается наиболее последовательной и наименее ангажированной позицией, не подвергая сомнению подвиг советского народа и трагедию войны, что формирует позитивное восприятие и соответственно представление церковью Победы как общей идеи и ценности, объединяющей народы бывшего СССР. Об этом свидетельствуют выступления Митрополита Филарета, в том числе совместные Митрополитом Кондрусевичем в контексте соответствующих дат и мероприятий. Однако выбор позиции по подобным вопросам во многом зависит от личного восприятия и соответственно риторики главы конфессии. Примером могут служить противоречивые высказывания Патриарха Кирилла о Великой отечественной войне как «наказании за грехи» и др., повлекшие острую полемику и крайне болезненную реакцию российского общества.

Таким образом, необходимо осознавать, что позиция конфессий по важнейшим, идеологически значимым вопросам непостоянна и в случае прихода в ее руководство новых лиц, влияния политической конъюнктуры и иных факторов, может кардинально меняться. Поэтому одной из основных задач государства является долгосрочное сотрудничество с традиционными конфессиями в деле сохранения и трансляции идей, консолидирующих белорусское общество. В основе идеологии и национальной безопасно-

сти государства всегда лежат идеи, объединяющие всех граждан страны, но при этом государство остается светским, т.е. мировоззренчески нейтральным. В противном случае любое возвышение той или иной религии может привести к императивным амбициям конфессии, росту социальной напряженности в обществе.

В целом на сегодняшний день можно говорить об интегративной роли риторики БПЦ и Костела, их готовности к межрелигиозному и межкультурному диалогу. Об этом свидетельствует и такая тенденция, как развитие экуменического (т.е. религиозно-объединительного) движения как на теоретико-богословском, так и на организационно-практическом уровне. Это движение, активно развивающееся в последние годы, направлено на поиск общих религиозных и богословских идей, которые способствовали бы объединению и интеграции как христианских, так и других конфессий. Например, 24–25 июня текущего года в Минске прошел съезд главных раввинов общин прогрессивного иудаизма стран СНГ. Съезд проводится каждый год, но впервые его приняла именно белорусская столица.

Значительную роль в налаживании внешних связей в целях достижения межрелигиозного диалога и мира в Беларуси играет Институт религиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций – консультационный и аналитический орган, созданный в 2002 г. по решению Синода БПЦ как постоянно действующая программа.

Заключение

Подводя общий итог, можно сделать следующие выводы:

1. Являясь носителем и выразителем традиционных ценностей и ожиданий народа, традиционные конфессии оказывают значительное влияние на социокультурное, политическое и, как следствие, поведенческое самоопределение человека.

Неоднозначность, поспешность заявлений и различного рода призывов, исходящих от представителей традиционных конфессий, может повлечь неадекватное восприятие наиболее радикально настроенной части верующих, т.е. прямо или косвенно воздействовать на их мотивацию, побуждения к конкретному поведению, общественно значимому действию. Деятельность и риторика конфессий, направленная на решение общих задач, стоящих перед обществом, формирует позитивное восприятие страны и государства и выступает мощным объединяющим мировоззренческим фактором.

2. Особенности конфессиональной риторики в Республике Беларусь являются:

1) историческая обусловленность современной конфессиональной структуры и толерантного отношения в белорусском обществе ко всем религиям, культурам и мировоззрениям;

2) аполитичность, дистанцирование от прямого участия в политических, информационных и пиар-технологиях;

3) общая позиция основных конфессий по наиболее важным вопросам и событиям, взвешенность и продуманность их информационно-аналитического сопровождения соответствующими пресс-службами.

3. Конфессиональная риторика по общественно значимым событиям достаточно неоднородна и различается как по резонансной значимости и стилю, так и по проблематике. Ее стиль и наполнение формируются под воздействием различных факторов, однако в целом ее можно охарактеризовать как взвешенную и продуманную, играющую значительную роль в обеспечении межконфессионального мира и социальной стабильности белорусского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конфессиональная идентификация населения Беларуси : отчет о научно-исследовательской работе (заключительный), № 396/61. – Центр СПИ БГУ. – Минск, 2007. – С. 32–33.
2. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 года № 2054-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 окт. 2002, № 137-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. За сильную процветающую Беларусь! Доклад Президента А.Г. Лукашенко на втором Всебелорусском народном собрании // Советская Белоруссия. – 2001. – № 136–137.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 17.07.2001 № 390 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
5. Слово Патриарха Кирилла в неделю Всех святых [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2291547.html>. – Дата доступа : 12.07.2012.
6. В Беларуси будут судить священника за отказ сдать отпечатки пальцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.interfax.by/news/belarus/112369>. – Дата доступа : 04.07.2012.
7. Филарет, (Митрополит Минский и Слуцкий. Государство и церковь: основы и перспективы сотрудничества / (Митрополит Минский и Слуцкий) Филарет // Проблемы управления. – 2006. – № 3. – С. 7–11.
8. Касьцёл не падтрымлівае галадавак [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://westki.info/>. – Дата доступа : 06.04.2012.
9. В Беларуси запретили концерт группы «Мардук» за «пренебрежение христианскими ценностями» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.katolik.ru/>. – Дата доступа : 12.07.2012.
10. Экстрасенсы манипулируют людьми, предупреждают в Белорусском Экзархате [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.interfax.by/article/91053>. – Дата доступа : 04.07.2012.
11. Мітрапаліт Кандрусевіч звяртаецца да ўладаў Беларусі з заклікам увесці мараторый на смяротнае пакаранне [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://catholic.by/>. – Дата доступа : 14.08.2012.
12. Филарет (Вахромеев), митрополит. Тезисы о смертной казни / Митрополит Филарет (Вахромеев) // Из архива Митрополита Филарета (Вахромеева). – Минск : Белорусский Экзархат, 1996. – Вып. 2. – С. 77–78.
13. Христианское отношение к проблеме смертной казни: Разъяснения пресс-службы Минской епархии БПЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/2011/Page3998.html/>. – Дата доступа : 14.08.2012.

Aleinikova S. The Features of Religions Rhetoric in Belarus

The purpose of the article is the analysis of the religious rhetoric in Belarus and the definition of its possible influence on behavior of a person. Religious rhetoric means statements, articles, interview and other sources of opinions of representatives of the basic faiths, and also the public, the state bodies in the context of state-religious relations. Revealing the working tools of information technologies and degrees of their interrelation with political processes allows predicting the development of situation as in religious sphere and probable threats of information safety and social stability of society.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.08.2012

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

- Алейнікава С.М.** – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт кафедры дзяржаўнага кіравання сацыяльнай сферай і беларусазнаўства Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, дактарант Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь
- Антановіч Н.А.** – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Анупрыенка С.П.** – доктар філасофскіх навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута філасофіі НАН Беларусі
- Бубноў Ю.М.** – доктар сацыялагічных навук, прафесар, загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання, галоўны навуковы супрацоўнік Магілёўскага інстытута рэгіянальных сацыяльна-палітычных даследаванняў
- Ватыль В.М.** – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы
- Гацалюк А.А.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры ўкраіназнаўства Міжрэгіянальнай акадэміі кіравання персаналам (г. Кіеў)
- Дарэнская В.Н.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі культуры і культуралогіі Усходнеўкраінскага нацыянальнага ўніверсітэта імя У. Даля (г. Луганск)
- Дабрадум В.В.** – кандыдат палітычных навук, дацэнт кафедры журналістыкі Адэскага нацыянальнага ўніверсітэта імя І.І. Мечнікава (Украіна)
- Кавецкі С.Ц.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Коктыш М.Г.** – магістр палітычных навук, аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Кузняцова І.А.** – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Куіш А.Л.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, супрацоўнік Інстытута філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Рэспублікі Беларусь
- Левісан Карыльё Франсіска Хасэ** – суіскальнік 1 года навучання кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Лысюк А.І.** – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Ляховіч-Петракова Н.В.** – кандыдат палітычных навук, дацэнт дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Рашэтнікава Н.С.** – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Рыбчак С.У.** – навуковы супрацоўнік сектара сацыялогіі палітыкі Інстытута сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі навук Рэспублікі Беларусь
- Сакалоўская М.Р.** – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С.Пушкіна
- Тоўбін К.М.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры агульных дысцыплін філіяла Далёкаўсходняга федэральнага ўніверсітэта г. Паўднёва-Сахалінска, член Расійскага філасофскага таварыства, член Расійскай асацыяцыі палітычнай навукі
- Цырфа Ю.А.** – аспірант кафедры міжнародных адносін і знешняй палітыкі Інстытута міжнародных адносін Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Т. Шаўчэнкі (Украіна)
-

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасыллак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 14.01.2014. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 16,04. Ул.-выд. арк. 12,73.

Тыраж 100 экз. Заказ № 34.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.